

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

2

2002

Быть или не быть?

А. НИКОЛЕНКО

Охотпользование находится в глубочайшем кризисе. Разрушение некогда действенной системы коопзверопромхозов и госпромхозов привело к тому, что никто не понимает, как лучше поступить в сложившейся ныне ситуации. Даже в высших сферах государственного управления по вопросам организации охотничьего хозяйства нет единого мнения. Утверждение новых законов, изменения условий экономики — лишь жалкие потуги в создании элементов рынка в охотничьем хозяйстве.

В этой непростой ситуации появляется масса конфликтов, недопонимание приоритетов охотпользования в различных административных районах России. В упадке находятся как государственные охотничье-промысловые участки, государственный резервный фонд, так и уголья общественных охотничьих организаций. Нередко сложность ситуации усугубляется еще и тем, что некоторые местные административные царьки, имея доступ к штурвалу управления, стараются реализовать свое видение на то, кому и как жить. И в этих далеко не простых условиях приходится выживать рядовому охотнику. Зачастую «выживать» — в прямом смысле этого слова. В качестве примера расскажу о тупиковой ситуации, в которую попало охотничье общество «Сидатун», расположенное в самой что ни на есть глубинке России — в поселке Мельничное, Красноармейского района, Приморского края. Забегая вперед, можно с горечью констатировать, что местные (краевые) руководители органов исполнительной власти, ответственные за решение проблем «рационального и устойчивого природопользования», весьма своеобразно, и, видимо, не без пользы для себя лично, поворачивают «дышло» законов РФ, постановлений Правительства и различного рода инструкций.

В условиях безработицы и обнищания большей части населения отдаленных районов Приморья создание охотничьих обществ в этом регионе — один из немногих путей решения проблемы выживания людей. В 2000 г. в Приморском крае проходила кампания оформления договоров аренды охотничьих угодий. Причем общественная организация охотников и рыболовов «Сидатун» в селе Мельничное, организованная в 1996 г., каких-либо вразумительных разъяснений и информации о порядке оформления документов на аренду ни от Приморкрайуправления, ни от Комитета по природным ресурсам администрации Приморского края не получила. Охотничье общество «Сидатун» создавалось в результате титанических усилий его организаторов и общественности в течение более двух лет. Уже тогда необычайное со-

противление созданию этой охотничьей организации оказывал межрайонный охотовед Приморкрайуправления В. П. Михальченко. Документы на регистрацию общества убирали под толстое сукно без какого-либо рассмотрения и объяснения, при этом попытались изменить территории заявляемых в аренду угодий. Только благодаря настойчивости председателя общества В. П. Шарова, инициативных охотников поселка и представителя Института дикой природы США в Сихотэ-алинском заповеднике Д. Микуэллы, охотничья общественная организация была учреждена. С 1996 по 2000 г. общество выросло с 30 до более чем 90 человек.

Фото автора

Членами охот-общества «Сидатун» становились жители поселка Мельничное и близлежащих населенных пунктов. Простые охотники, не желающие быть вольными или невольными браконьерами, увидели силу, способную организовать их, поставить охотпользование на профессиональную и рациональную основу, силу, способную остановить беспредел и разграбление тайги. В июне 2000 г. все необходимые документы на аренду охотугодий были поданы на имя начальника Приморкрайуправления О. И. Сулова и соответствующим порядком зарегистрированы. Претендентов на заявляемую территорию к тому времени не было. И тут началась «подковерная борьба». К тому времени бывший межрайонный охотовед В. П. Михальченко резко пошел на повышение и стал заместителем начальника Приморкрайуправления. Все документы проходили лично через него. Естественно, заявка охотобщества «Сидатун» по старой доброй традиции легла в дальний ящик. На руку В. П. Михальченко сыграла отдаленность поселка, отсутствие автобус-

ного сообщения, простейшей телефонной связи.

В декабре 2000 г. В. П. Михальченко собственноручно приносит в Комитет заявку от ООО Красноармейского райзаготхотпрома (РЗОП) на уже определенную обществом «Сидатун» территорию. На фоне показательной бездеятельности Приморкрайуправления работа о Красноармейском РЗОП казалась странной, но только на первый взгляд. Еще в 1994 г. Красноармейский коопзверопромхоз, на базе которого и было создано ООО Красноармейский РЗОП, отказался от этой территории, так как не мог обеспечить нормальную работу на ней, а в 1999 г. даже продал обществу «Сидатун» здания заготпункта и склады в с. Мельничное. В нарушение «Постановления о лицензировании охотничьих угодий в РФ», В. П. Михальченко самовольно разрешил открыть охотничий сезон членам вышеназванного ООО без наличия в штате РЗОП охотоведа. Несмотря на многочисленные письма в Приморкрайуправление и другие вышестоящие инстанции, общественная организация охотников и рыболовов «Сидатун» до сих пор никаких решений не получила.

Немного позже выяснилось, что вся работа вышеназванного чиновника сводилась к тому, чтобы на данной территории открыть государственное лесохозяйственное хозяйство (ГЛОХ) во главе со своими, проверенными людьми. В. П. Михальченко усиленно рвется в те места, где еще остались зверь и рыба, где еще вырублен не весь лес. Ведь планируемый им к созданию ГЛОХ в своей основе будет заниматься заготовкой леса и его продажей за рубеж. А это уже совсем другие деньги, это вам не членские взносы охотников и рыболовов какого-то там провинциального охотобщества. Уже и сейчас в Приморье хищнически вырубает самые ценные кедровые леса.

А что же делать тем охотникам, которые не могут спокойно смотреть на разграбление родной тайги, не хотят жить только сегодняшним днем? Что делать тем простым людям, которых безработица завела в тупик? Да, они вправе рассчитывать на наличие рабочих мест в организуемом ГЛОХЕ. Но что станет с ними, их детьми и тайгой, когда через 4—5 лет лес превратится в сплошную вырубку и будет убит последний изюбрь? Во многих районах Приморья это уже свершившийся факт. Сколько еще нужно времени, чтобы охотничье общество перестало расходовать энергию, силы и средства на утверждение своих законных, конституционных прав? Где найти силу, способную остановить чиновничий беспредел? Быть или не быть охотничьим обществам России?

Ярослав Русанов: «Охоты в России»

На волков

Протяжный, заунывный, тоскливый вой, долетающий до нас порой из пред-рассветных, затянутых осенними туманами, или заснеженных далей. Следы, похожие на собачьи, но гораздо более крупные, на которые мы иногда натываемся в лесу и в поле, а то и прямо за околицей населенного пункта. Трупы растерзанных, домашних и диких животных, иногда сразу много трупов на взрытом, истоптанном, окрашенном кровью снегу.

Это волки — их голоса, их следы и их жертвы. Это те самые звери, с которыми на протяжении столетий люди вели беспощадную борьбу, которых в ряде стран почти полностью истребили, которых ненавидят все сельские жители и фермеры, но берут под свою защиту обитатели больших городов.

На волчью гибель придумано многое: от допотопной петли до самого современного металлического капкана, от применения собак и ядов до использования снегоходов и вертолетов, с которых производится отстрел, все это, как и уничтожение выводков волков на логовах, — методы истребления. Спортивная же охота осуществляется с помощью ружья. Правда, существует еще травля волков борзыми собаками и охота на них с беркутом. Но если и сохранились сейчас борзые, если и есть беркуты, способные взять даже крупного волка, то их мало и охота с ними — удел избранных, единичных счастливцев. Способов спортивной ружейной охоты на волков имеется немного. Практически — это оклад, охота на приваде и стрельба из-под гончих.

Для охоты окладом требуется найти участок угодий, в котором волк или волки остались на дневной отдых. Нуж-

но найти свежий волчий след, на что иногда уходит не один и не два дня, но и, обнаружив его, нужно его тропить, обходя по периферии каждое место, где зверь мог остаться на дневку, т. е. любой достаточно густой участок леса или кустарников, любое заросшее болото, заросль бурьянов и т. д.

В сплошных лесных угодьях практически приходится обходить все лесные кварталы, через которые прошел зверь, так как в каждом из них он может лечь. Это значит, что на каждый километр волчьего хода, при квартальной сети 1х1 км, окладчику нужно пройти 4 км, а если окладчиков двое, то по 2 км на каждого. Хорошо, если имеется автомашина или хотя бы лошадь, и дороги, по которым можно предварительно, вчерне обрезать след и выяснять, где нужно начинать тропление. Без такой рекогносцировки можно тропить весь день, а до места так и не дойти. Но вот установлено, что в некий треугольник, образованный тремя перекрещивающимися дорогами, волки вошли, а из него не вышли. В покрытую кухтой зеленую чащу основных культур уходит пробитая ими тропа. Посадки разбиты просеками на километровые кварталы, и это нам на руку — по просекам мы и будем пытаться обойти зверей. Двое налегке отправляются работать, остальные ждут. Мы с напарником от входного следа расходимся по просеке вправо и влево, чтобы встретиться на другой стороне квартала или там, где волки из него выйдут. Я уже дошел до первого перекрестка, повернул, оставил позади еще километр, а товарища все нет, и это значит, что он поджидает меня у выходного следа и волков в первом квартале нет. Еще раз поворачиваю и вижу впереди на просеке знакомую фигуру. Подхожу, и компаньон молча указывает рукой под ноги, но я и сам уже вижу три цепочки пересекающих просеку следов. Почему-то звери тут разошлись довольно широко, и это подозрительно. Молча мы вновь расходимся. Я тороплюсь, как автомат повторяя про себя в такт шагам: «нет следа, нет следа, нет следа». А его правда нет, снег девственно чист, ни заячьего малика, ни лосиных набродов, только мышиные пробежки, как сдвоенные пунктиры, пересекают мой путь. Посадки тут пошли повыше и пореже, понизу они хорошо просматриваются,

и волки здесь, конечно, не лягут. Сколько кварталов еще придется обходить? Поворачиваю у очередного квартального столба и тут же замечаю в узком просвете просеки приближающегося человека. То, что он идет, говорит о том, что на его стороне выхода не было. Следовательно, если звери и покинули оклад, то сделали это где-то между нами, на разделяющем нас еще не пройденном участке.

Мы быстро сближаемся, наконец, сходимся и в одно слово спрашиваем: «Нет?» И так, дело сделано, волки обойдены, и нужно теперь поспешать туда, где нас уже заждались промерзшие друзья-охотники, а на белом снегу лежат катушки красных флажков. Обтягивать ими оклад побегут отдыхавшие, а мы до начала охоты передохнем.

Лет 25 или 30 назад волки, если их удавалось офлажить, проводили в окладе по несколько суток. Висящие в полуметре над землей красные лоскуты, на которые они натывались всюду, где бы ни пробовали выбраться на волю, внушали им такие опасения, недоверие и страх, что они не решались к ним приблизиться. Даже после начала загона и выстрелов они не сразу набирались духа, чтобы преодолеть страшную преграду. Теперь флаги далеко не так надежны. С каждым годом появлялось и появлялось все больше зверей, не обращающих на них особого внимания и перепрыгивающих их или пролезающих под шнурком, не только уходя от опасности, но и в ходе своих обыденных перемещений. Мы однажды уже в полной темноте зафлажили пару волков и охоту отложили до утра. Утром волчицу убили, а волк ушел. По следам было видно, что в течение ночи он трижды спокойно в разных местах оклада проходил под флаги, ждал свою подругу, но, так как она не решалась за ним последовать, возвращался к ней.

Возможно, что причина здесь в медленно, но неуклонно накапливающемся опыте (зверь, раза два благополучно пересекающий линию флажков, перестает их бояться, и его примеру следуют другие). Но возможно и иное — в процессе хозяйственного освоения и рекреационного использования природных комплексов мы настолько переполнили их вещественными следами своего пребывания, что волки к ним привыкли. Ведь разбросанные в угоды-

Фото А. Севастьянова

ях консервные банки, бутылки, тряпки, бумажки, порванные кеды и прочий хлам стали чуть ли не обязательным компонентом ландшафта. Помеченные цветными лоскутами трассы лыжных кроссов тянутся на многие километры и, будучи проложены, сохраняют свои метки на протяжении всей зимы. Не притерпись волки ко всему этому, их жизнь превратилась бы в серию сплошных испугов. Все попытки усилить отпугивающее действие флажков приданием им какого-либо резкого запаха не приносят, да и вряд ли могут принести эффект — волки в обжитых человеком местах всего нанюхались.

И все же флажки остаются единственным, пусть и не всегда абсолютно надежным средством задержать волков в каком-то определенном участке угодий и заставить их выйти туда, где ждут стрелки. Выставить волков под выстрелы просто силами загона, как это делается с лосями, кабанями или косулями, крайне трудно — они для этого слишком осторожны и чутки. В принципе окружить место их дневного пребывания не флагами, а сплошной цепью загонщиков и кричан, т. е. организовать облаву, конечно, можно, но людей для этого требуется много, а там, где много людей, — много и шума, и звери часто уходят из оклада еще до начала загона.

О том, что волков очень легко потревожить, нельзя забывать и при их оф-

лаживании. Его следует проводить быстро и по возможности бесшумно. Один человек быстро тянет шнур, второй — закрепляет его на ветвях кустов, деревьев или специально воткнутых хворостинах так, чтобы он находился на 50–70 см над уровнем земли или снега. Обсуждения: «куда идти и где поворачивать» — совершенно недопустимы. Флаги должны быть развешены так, чтобы со стороны оклада их было хорошо видно, хотя бы метров за 10, иначе быстро идущий волк может налететь на них с хода, и тогда они его уже не задержат. Если флажков хватает, лучше затянуть оклад замкнутым кругом, если нет — открытой оставляется сторона, находящаяся от волков за ветром, где и будут стоять стрелки. При замкнутом окладе стрелки размещаются внутри его, но тоже с подветренной стороны. Когда позволяет направление ветра, очень целесообразно закрыть стрелками ту сторону оклада, с которой волки в него вошли, причем кто-то из охотников должен стоять в непосредственной близости к входному следу, так как именно им потревоженные звери прежде всего пробуют уйти от опасности.

Итак, оклад завершен, затянут флажками, охотники заняли свои номера, пора начинать загон. При зимних охотах в большом количестве загонщиков нет никакой необходимости. Двоих-трех, а порой и одного опытного в

этом деле человека вполне достаточно, чтобы потревожить волков и заставить их выйти под выстрел. Крики и вообще большой шум при этом совершенно излишни — они могут только чрезмерно переполошить зверей и заставить их преодолеть страх перед флажками. Загонщикам следует просто войти в оклад с противоположной от стрелков стороны и спокойно, неторопливо, иногда покашливая или постукивая по стволам деревьев, зигзагами начинать его прочесывать, отнюдь не приближаясь вплотную к стрелковой линии. Летом, когда в окладе вместе со старыми или без них сидят молодые, склонные к затаиванию волчата, действовать приходится по-иному. Тут и загонщиков нужно побольше, и вести себя они должны поактивнее. Иногда, в особенно крепких местах, приходится прибегать даже к помощи (но обязательно взятой на поводок) собаки. Охота в таких условиях всегда требует больших затрат времени, выгнать молодых на стрелков труднее, и мы никогда почти не знаем, сколько же волчат в выводке и скольким из них незаметно удалось ускользнуть за флаги. Оклад приходится прогонять, проверять, обыскивать иногда по нескольку раз.

Прежде чем говорить о поведении и действиях стрелков, необходимо подчеркнуть ту громадную ответственность, которая ложится на них при проведении охоты на волков. Дело даже не

в том, что для большинства из нас волк — редчайший и ценнейший трофей или что его уничтожение в ряде случаев необходимо, чтобы избавить сельских жителей либо работников охотничьих хозяйств от бесчинств серых разбойников. В организацию охоты, в многодневные поиски свежих следов, объезды, обходы и офлаживание вкладывается столько изнурительного коллективного труда, что охотник просто обязан обеспечить успешное завершение последнего, убить вышедшего на него зверя. Если же он мажет, стреляет не в меру, не по месту, на авось или ненадежными, мало убойными для волка патронами, — прощения ему нет. Я знавал опытных окладчиков, которые под молчаливое одобрение окружающих по отношению к виновному доходили до рукоприкладства. Дело усугубляется и тем, что стреляный, но неубитый волк, а иногда и его товарищи, гораздо чаще, чем нестреляный, прорывается за флажки, и «поминай его тогда как звали». Один неверный, торопливый, нелепый выстрел, и все участники охоты лишаются трофеев, охотничьего престижа, благодарности местных жителей и денег за уничтожение хищников.

Вот почему стрелять здесь можно только при полной уверенности, что убьешь зверя. При малейших сомнениях (волк находится далековато, его закрывает растительность, он мелькает в чаще так, что надежды попасть в него мало) от выстрела не желательно, а совершенно необходимо воздержаться. В этом случае зверь может удобно выйти на другого стрелка, может сместиться и предоставить вам возможность положить его наверняка. Есть лишь одна ситуация, в которой обо всем этом нужно забыть и стрелять при малейшей надежде поразить волка, а именно когда мы видим, что тот уже прорвался за флаги. Здесь уже, как говорится, терять нечего.

Наиболее примечательной, с точки зрения безупречности поведения стрелков, из тех охот, в которых я принимал участие, была такая. В окладе находилась волчица, один раз из-за неумеренного гвалта загонщиков уже уходившая через флаги. Учитывая это, в загон мы отправили только одного егеря, внушив ему, чтобы вел он себя тихо и на зверя никак не нажимал. Волчица последовательно выходила на семь номеров и во всех случаях — неудобно для верного выстрела (один из стрелков видел, как ее лапы в 15 шагах от него тихо переступают под пологом молодых елочек, но самого зверя рассмотреть толком не мог), и все семь стрелков пропустили ее без выстрела. На восьмом номере она была убита.

Собираясь на охоту, занимая стрелковый номер, следует проверить все: исправность оружия, качество и состояние патронов, удобство одежды и наличие всех мелочей, без которых тот или иной охотник не чувствует себя в полной готовности к полноценной стрельбе. Я однажды упустил раненно-

го соседом волка потому, что, собираясь на охоту, забыл очки, сунув в карман лишь пустой футляр от них. Сильно кровенивший зверь мелким хворостняком прошел и пролез под флаги в каких-нибудь 30 шагах, а я его не заметил. К вечеру повалил снег, и подранка мы так и потеряли.

Как-то мы больше недели пытались офлажить пару волков. Каждое утро мы отправлялись на поиски их следов, находили, пробовали обойти, но до вечера сделать этого не успевали. Точно на зло из ночи в ночь выпадал снег, и с рассветом все приходилось начинать сначала с тем же успехом. Мы совершенно измучились, злобствовали и вообще были не в себе. Наконец, на девятый или десятый день волков обошли, но в таком большом и нескладном по конфигурации урочище, что флажков нам хватило только на три стороны оклада. Заняв четвертую сторону стрелками, — пустили загонщиков. Оба волка шагом вышли на полянку против одного из наших товарищей в 27 шагах от него. Он по ним отдуллетил, и звери ушли из оклада. Один из них сильно кровенил, но скакал бойко. Там, где в момент выстрелов находились волки, на снегу не было прочерков от картечин, и создавалось впечатление, что вся она попала в цель. Правда, мы усмотрели какую-то одну, странного вида борозду, но внимания этому не придали. И вот вечером печально отличившийся стрелок вдруг обнаружил, что все его 8 картечных патронов целехоньки, а во втором патронташе, который он неведомо зачем с собой таскал и где у него были «щучьи» патроны (для стрельбы по нерестящимся весной щукам), снаряженные Бог знает какой дрянью, — двух не хватает. «Как этот растяпа перепутал?» — можно было только гадать, а вот чем он стрелял, — мы выяснили. Еще через 3 дня, офлажив и убив раненного им волка, мы нашли у него в мышцах плеча на лопатке

свинцовую пломбу от железнодорожного вагона! Вряд ли нужно говорить о том, что, заняв номер, обтоптав снег под ногами, убрав перед собой все, что может помешать обзору и выстрелу (отнюдь не нарушая при этом естественную обстановку окружающего, не выламывая кусты, не оббивая с ветвей снег...), следует соблюдать полную тишину и неподвижность. Заметив приближающегося зверя, поднимать заблаговременно ружье можно, только когда он скрывается за кустом или стволом дерева и не может вас видеть. Если же он идет по чистому месту, — вскидывать ружье нужно, только подпустив его на верный выстрел. До окончания загона, до момента, когда все бывшие в окладе волки или убиты или ушли, сходить с номера нельзя. Контроль за ходом и результатом охоты осуществляет, по договоренности, или ее руководитель, или кто-либо из загонщиков. После того как на номерах были слышны выстрелы, этот человек обходит оклад обязательно по его внешней стороне, за флагами, проверяя по следам, не вышли ли волки за флаги и выясняя у стрелков, сколько волков убито. Сигнал к окончанию охоты дается только после того, как установлено, что зверей в окладе больше нет. Когда оказывается, что за флажки ушел раненый волк, его ни в коем случае не нужно пробовать тропить по следу. Даже будучи очень тяжело ранен, но слыша преследование, зверь может уйти очень далеко и к себе так и не подпустит. Поэтому его, без всяких попыток тропления, нужно попытаться сразу же снова обойти, офлажить и уже тогда, расставив стрелков, тропить.

Охота на волков окладом утомительна, требует большой ходьбы, наличия флажков и обязательно несколько участников, поэтому она не всем посильна и не всегда может быть организована.

Окончание следует

Охотники из Польши с трофеями (Камчатка)
Фотокожурс «Охота и природа, 2001»

Фото Ю. Голбяка

Фотоконкурс «Охота и природа, 2002»

**Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»
объявляет очередной фотоконкурс «Охота и природа, 2002»**

Условия фотоконкурса

Принимаются цветные и черно-белые фотографии форматом 15x21 см, а также слайды. Фотоочерки - из любого количества фотографий.

В сопровождающем письме или на оборотной стороне каждого снимка укажите, пожалуйста, фамилию, имя и отчество (полностью) автора, день, месяц и год рождения, паспортные данные, адрес, название фото (или серии), место съемки, ИНН - идентификационный номер налогоплательщика. На конверте напишите: на фотоконкурс.

Нам интересна любая тема, связанная с охотой и охотничьим хозяйством: все виды и способы охоты, охотничьи звери и птицы, работа охотоведов, егерей, охотинспекторов, обществ охотников и охотничьих хозяйств, биотехнические мероприятия, спасение животных, попавших в беду, борьба с браконьерством, пейзажные и жанровые фотографии.

За лучшие фото и фотоочерки установлены премии:

1 первая - 4000 рублей,

3 вторые - по 1000 рублей,

4 третьи - по 500 рублей.

Присланные на фотоконкурс фото не возвращаются и могут быть использованы для иллюстрирования журнала. Прием фотографий на конкурс заканчивается 10 декабря 2002 года.

Фотоконкурс «Охота и природа, 2001»

Фото В.Борноволокова

У ВЫШНЕВОЛОЦКИХ ОХОТНИКОВ

Р. ДОРМИДОНТОВ

Однажды, лет 30 назад, я уже писал в нашем журнале о делах охотничьих в Вышневолоцком районе Тверской области. Охотникам этого района, можно сказать, повезло, потому что сохранились еще здесь угодия редкой красоты. На всем протяжении от Москвы до Санкт-Петербурга, кроме окрестностей Вышнего Волочка, трудно найти такие большие и старые сосновые боры, такие поистине таежные, тихие речки, как речка с ласковым названием Лонница. Здесь можно по 10–20 километров в любую погоду бродить по совершенно сухим песчаным лесным дорогам и тропинкам.

Вышневолоцкий район на западе и севере плавно переходит в Валдайскую возвышенность, большая часть которой расположена западнее известного города Валдай. Но именно на этом переходе находится большинство основных боров, а южнее и восточнее Вышнего Волочка господствуют смешанные леса и характерные для низменности многочисленные озера. С запада непосредственно к Вышнему Волочку примыкает большое водохранилище с низкими лесными берегами. Разнообразие охотничьих уголдий должно бы обеспечивать и разнообразие, и главное, обилие дичи. Однако, не все перемены ведут к лучшему: в районе и раньше слишком много вырубали лесов. Теперь же лесопользование стало носить поистине хищнический и часто даже незаконный характер. Несмотря на то, что большая часть лесного фонда отдана второму леспромхозу Вышнего Волочка, постоянно отмечаются случаи самовольных рубок, достигающих иногда больших размеров. Лес попросту разворовывается и никому не ведомо куда и как его продают. Беда эта характерна не для одного только Вышневолоцкого района, но и для всего лесного европейского севера России, где местному населению в последнее десятилетие просто нечем кроме рубки леса стало зарабатывать.

Поредели старые сосновые боры. По оценкам охотников более половины их

уже вырублено. Осталась надежда лишь на естественное лесовозобновление и на искусственные посадки, которые, к счастью, все-таки еще ведутся. Конечно, с точки зрения охотничьей чистые сосновые боры менее продуктивны, чем смешанные леса, но именно они в большинстве случаев сохраняют старые глухариные токовища и дают максимальные урожаи грибов, брусники и черники.

Другая повсеместная беда охотничьего хозяйства — возросшее браконьерство, в основе которого лежат также социальные причины. Есть и еще одна беда — огораживание скоростной железной дороги Москва — Санкт-Петербург, которое препятствует свободным переходам копытных животных из одних уголдий в другие.

Перечисленные неблагоприятные явления вызвали существенное сокращение численности лосей и кабанов. По учетам 2000 г. в Вышневолоцком районе насчитывалось 170 лосей. Отстреляно было 10. Правда, по словам старшего работника местного охотничьего общества — Н. Н. Синявина, эта численность стабильно поддерживается в последние годы. Радует, что на территории района, особенно в Зеленогорском и Белоомутском охотничьих хозяйствах появилось много косуль, которых в прошлом почти не было. Спо-

собствует этому незначительный в районе волчий оброк. Н. Н. Синявин считает, что местным охотникам удастся удерживать численность серых разбойников на довольно низком уровне. Об этом свидетельствует отстрел волков: 8 — в 2000 г. и 5 в начале 2001 г. Показательно и то, что при достаточно большом использовании гончих собак гибели их от волков пока не отмечалось. В ряду этих явлений приятно обилие в районе зайцев-беляков. Гончих же и смычки их держат не только частники, но и охотничье общество, в котором на сегодня зарегистрировано 380 собак разных пород. Для испытаний собак в Вышнем Волочке есть искусственная нора и станция для притравки по медведю; собак на испытания привозят сюда даже из соседних областей. В начале прошлого года на овсах отстреляно 7 медведей.

За Вышневолоцким обществом охотников, которое возглавляет ныне Александр Сергеевич Калдин, закреплено 209 тыс. га уголдий. В составе общества полторы тысячи охотников. Им есть где удовлетворять свои потребности. Девять охотничьих хозяйств общества (Белоомутское, Есеновическое, Зареченское, Зеленоградское, Красномайское, Осеченское, Рученское, Яконовское и Ящинское) располагают разнообразными угодиями. Например в Красноармейском у Вышневолоцкого водохранилища и Ящинском у озера Пудоро стабильна численность водоплавающих, в Яконовском и Рученском много глухарей. Численность всей боровой дичи в последние годы возрастает. Изредка появляется и белая куропатка. Во многих местах охотников неизменно привлекает хорошая весенняя тяга вальдшнепа. Приезжают сюда и охотники из Москвы и Твери. Как и везде тяга зависит от выбранного места и от погоды, но увидеть на расстоянии выстрела до 7 вальдшнепов за зорю не столь уже большая редкость.

Есть у общества охотников и базы, и лодки на озерах, не хватает в Вышнем Волочке охотничьего магазина, который из-за чиновничьих проволочек никак не удается открыть, и приходится местным охотникам за снаряжением и охотприпасами ездить в Тверь, а это не ближний свет.

Фото Т. Баженова

ФАНАТИК ОХОТЫ

«Мне понравился этот красивый чернявый парень, в глазах которого, стоило заговорить об охоте, загорался прямо-таки фанатический огонь»
А. Ливеровский «Охотничье братство»

20 февраля 2002 г. широко известному питерскому охотнику Модесту Владимировичу Калинин исполняется 75 лет. Вся жизнь его посвящена охоте. Она поглощала все его помыслы, все его время, все средства. Из-за охоты он не научился танцевать, не сделался рыбаком, не стал защищать докторскую диссертацию. Он охотился. Постоянно, все время, в самых разных краях и странах. У него не было межсезонья. В это «глухое» время он занимался натаской и подготовкой охотничьих собак, поиском глухариных токов, стендовой стрельбой и многими другими охотничьими и околоохотничьими делами. Пятьдесят шесть лет М. В. Калинин состоит членом общества охотников. И все это время он активно участвовал в работе общества. Создал кружок охотников-следопытов при ленинградском Дворце пионеров, руководил юношеской стендовой секцией Ленинградского общества охотников, в которой вырастил нескольких высококлассных мастеров меткой стрельбы, в том числе победителя Спартакиады профсоюзов СССР — Сергея Беляева. На протяжении многих лет является членом Совета и правления Ленинградского общества охотников, членом Центральной корреспондентской группы Росохотрыболовсоюза. Интересы Модеста Владимировича не обошли ни одной стороны русской охоты. Он был чемпионом Главохоты по стендовой стрельбе. Его английские сеттеры и гончие были неоднократно чемпионами и победителями разнообразных выставок полевых состязаний. Он — судья республиканской категории по стендовому спорту, эксперт-кинолог, хорошо знакомый с работой разных групп охотничьих собак. Более тридцати лет он был редактором-составителем ленинградского альманаха «Наша охота», снискавшим заслуженный авторитет и любовь у многомиллионной армии читателей-охотников нашей страны. С 1961 г. сотрудничает с журналом «Охота и охотничье хозяйство», в котором помещено 60 его публикаций на самые различные темы охоты. Там же М. В. Калинин освещал охотничье хозяйство дальнего и ближнего зарубежья: Болгарии, Грузии, Румынии, Чехословакии, Хорватии, Югославии. Широко известны его остропублицистические статьи, например, «Война в охотничьих угодьях», обсуждавшаяся даже в Государственной Думе. Участвуя во многих экспедициях (лесостроительных, геоботанических, зоогеографических и др.), М. В. Калинин объездил всю страну. И, конечно, везде живо интересо-

вался охотничьим хозяйством и охотой. Почти все копытные были объектами его охоты: от горала на Сихотэ-Алине до благородного оленя в Прибалтике; от северного оленя в Карелии до голубого барана в Таджикистане; от дзера на в Забайкалье до лапландского лося.

М. В. Калинин окончил лесохозяйственный факультет Ленинградской лесотехнической Академии по кафедре «биология лесных зверей и птиц с основами охотоведения». Этой кафедрой заведовал известный профессор Г. Г. Doppельмаир. Считая свое лесохозяйственное образование недостаточным, Модест Владимирович прослушал университетские курсы общей и частной орнитологии, зоологии, полевых исследований. Там же успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Имел постоянную связь с зоологами Университета, Зоологического института Академии наук, Лесотехнической Академии, поставляя туда различный зоологический материал. «Ни одна птица, ни один добытый зверек не должен пропасть для науки» — таково было и есть охотничье кредо Модеста Владимировича. У него в руках перебивало множество дичи. Судите сами: точный вес более 500 глухарей, добытых на токах, и вес еще большего количества зайцев-беляков, добытых на

осенне-зимних охотах с гончими, зафиксированы в его охотничьих записях. Тщательному осмотру и взвешиванию подвергается каждое дикое животное, попадающее в его руки. Другое жизненное кредо М. В. Калинин: «Охота не должна быть средством обогащения».

Его учителями, а позже — близкими друзьями были такие известные ученые как орнитологи А. С. Мальчевский, Н. П. Кадочников и К. А. Юдин, териологи Н. К. Верещагин, Г. А. Новиков, «лесники» Г. Г. Doppельмаир, А. А. Ливеровский, В. И. Деметьев и многие другие. Широкий круг его друзей-охотников в нашей стране и за рубежом. С ними он поддерживает деловые связи, обмениваясь сведениями и соображениями об охотничьем хозяйстве, собаководстве, биологии и экологии охотничьих животных. За свое бескорыстное служение охоте М. В. Калинин награжден бесчисленными грамотами и дипломами, «Заслуженный работник охотничьего хозяйства России», почетный член Союзов охотничьих обществ России, Литвы, Грузии и т. д. Великий охотник, писатель Эрнест Хемингуэй, считал, что «охота — часть хорошей жизни». Для Модеста Калинин охота — не часть, а вся жизнь. По-хорошему позавидуем ему, одному из романтиков охоты, и пожелаем новых охотничьих наблюдений и впечатлений и, конечно, здоровья.

Н. ВЕРЕЩАГИН, Ю. НИКИТИНСКИЙ,
Р. ПОТАПОВ, О. РУСАКОВ, А. УЛИТИН,
Г. ШАЦИЛЛО, И. ШУТОВ

Сохранение крупных соколов:

Балобан

Фото Р. Дормидонтова

программа «Альшернашва»

В. ФЛИНТ, А. СОРОКИН

К проблеме сохранения хищных птиц в России в современной ситуации наш журнал уже обращался (см.: А. Савченко «Соколообразные в опасности», «Охота и охотничье хозяйство», № 1, 2001 г.). Действительно, состояние популяций некоторых из них буквально трагично. В наиболее критическом положении сейчас балобан и кречет. Эти виды пользуются неограниченным спросом в странах арабского мира, обладают высокой экономической ценностью, и поэтому незаконный отлов и нелегальный вывоз этих птиц за рубеж приняли повальный характер. Значительная доля вины за это лежит на безответственных журналистах, которые в погоне за сенсацией публикуют в средствах массовой информации ложные сведения о фантастических ценах на соколов, достигающих якобы сотен тысяч и даже миллионов долларов.

И балобан, и кречет занесены в Красную книгу Российской Федерации и в Приложения СИТЕС. Однако недостаточно эффективная работа таможенной службы, неполнота нормативно-правовой базы, отсутствие соответствующего финансирования и исключительная изобретательность контрабандистов преимущественно из числа обучающихся у нас студентов из арабских стран, скупающих птиц у местного населения, сводят на нет все попытки природоохранных органов защитить крупных соколов. Хотя объем невыявленной контрабанды точному учету не поддается, по заслуживающим доверия экспертным оценкам, он в 5–10 раз превышает число конфискованных или задержанных таможенной службой птиц. По данным специального обследования, проведенного сотрудниками ВНИИ Природы, популяции балобана на основной части его ареала в связи с

грабительским вывозом сократились примерно на 80–90%. В России особенно пострадали популяции на юге Сибири.

Вызывает большую озабоченность то, что криминальная активность, направленная на российские популяции балобана, перестала быть делом одиночек, а превратилась в хорошо отлаженный процесс. Тревожна и судьба задержанных или конфискованных таковой птиц. В правовом и финансовом планах она практически не обеспечена, и такие балобаны зачастую гибнут от плохого содержания или бесследно «исчезают».

В связи с тем что меры пресечения браконьерства и контрабанды балобана в современной ситуации продолжают оставаться малоэффективными и серьезных полжительных сдвигов в этой области в ближайшее время не предвидится, возникла необходимость

разработки принципиально новых подходов к проблеме охраны этого вида.

Таким новым подходом стала научно-производственная программа «Альтернатива», подготовленная ВНИИ Природой и одобренная научно-практической конференцией «Сибирь: проблемы незаконного оборота соколообразных и пути ее решения» (30—31 июля 2001 г., Новосибирск). Программа ориентирована на сохранение популяций балобана в регионах юга Сибири, но в дальнейшем использование ее может быть расширено на другие виды крупных соколов, и в первую очередь на сохранение кречета на Камчатке и в других частях ареала.

Основная концептуальная (методологическая) новизна и практическая сущность программы «Альтернатива» заключается в переходе от традиционной законодательной и территориальной охраны, имеющей нередко формальный характер, к легальному и регулируемому устойчивому использованию балобана. На первый взгляд такое решение может показаться парадоксальным, но в действительности это не так. Устойчивое использование любых объектов животного и растительного мира, включая и виды, находящиеся под охраной, признано международной Конвенцией «О биоразнообразии», ратифицированной Российской Федерацией в 1995 г. как одно из важнейших направлений в реализации общей программы сохранения биологического разнообразия Земли. В соответствии с текстом Конвенции термин «устойчивое использование» (sustainable use) означает введение в хозяйственный оборот компонентов биоразнообразия таким образом и такими темпами, которые не приводят в долгосрочной перспективе к деградации или исчезновению данного компонента. Устойчивое использование реализуется в виде регулируемого коммерческого использования объектов животного и растительного мира в интересах местных (локальных) сообществ людей (в первую очередь малочисленных коренных народов) и для интенсификации деятельности по охране природных ресурсов конкретного региона. Именно эта позиция Конвенции «О биоразнообразии» положена в основу программы «Альтернатива», направленной на сохранение балобана в ряде регионов юга России.

Формальных препятствий для реализации этой программы нет. Как уже упоминалось, балобан занесен в Красную книгу Российской Федерации (II категория статуса) и в Приложение II СИТЕС. Эти правовые нормы защиты, а также Федеральный закон «О животном мире» (ст. 24) не влекут за собой полного запрета на изъятие птиц из природы и их использования в коммерческих целях, а предусматривают регламентацию путем выдачи в установленном порядке разрешений и лицензий специально уполномоченными на то государственными органами

по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира (Постановление Правительства РФ от 06.01.1997 г. № 13 «Об утверждении правил добычи объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 22.04.1997 г. № 462 «О лицензировании отдельных видов деятельности»).

Вместе с тем ни в России, ни в мире нет достаточного опыта в области устойчивого использования балобана. Поэтому разработанная во ВНИИ Природе программа имеет не только экспериментальный, но и пионерный характер.

Реализация программы «Альтернатива» строится по двум основным стратегическим направлениям. Первое — искусственное повышение численности и продуктивности популяций балобана путем подкладки в гнезда вольных птиц с начатой или завершенной кладкой дополнительных яиц, полученных из действующих питомников («Русский соколиный центр» в Москве, «Дронт» в Новосибирске, «Алтай Фалькон» в Барнауле и других) или отбираемых из наиболее угрожаемых гнезд в природе, что стимулирует повторную кладку. Как правило, в кладке балобана 3—4 яйца, и это число можно искусственно удвоить — птицы выкармливают даже большой выводок практически без потерь. Дополнительно можно использовать перемещение в гнезда вольных балобанов (или других хищных птиц того же размера) пуховых птенцов балобана, полученных в питомниках. Все это, а также возвращение в природу птиц, конфискованных или задержанных таможен, создает возможность увеличить численность и продуктивность популяции на 30—40%. Часть именно этого искусственного прироста может быть легально и без ущерба для популяции использована в коммерческих целях.

Второе направление программы — создание у местного населения заинтересованности в сохранении гнездовой балобана, в переориентировании его от нелегального получения небольшой разовой прибыли на долгосрочное и регулируемое коммерческое использование на основе аренды и лицензирования. Нужно сделать незаконную торговлю, браконьерство и контрабанду невыгодной ни для продавца, ни для покупателя. Разъяснить это нужно как можно более убедительно и широко! Как показал зарубежный опыт, задача эта вполне выполнима, хотя и требует определенных усилий.

Основными задачами при реализации программы «Альтернатива», как и всех других программ подобного направления, должны стать учет, нормирование и контроль.

Основой учета следует считать детальную инвентаризацию жилых и потенциальных (опустевших по тем или иным причинам) гнездовых балобана для определения общего состояния и

численности популяции, организации охраны и проведения мониторинга.

Стандартизированные нормативы изъятия при устойчивом использовании объектов животного мира не разработано, и они определяются в каждом конкретном случае на основе оценки важнейших параметров популяции. При устойчивом использовании балобана норма изъятия должна лежать в пределах искусственного прироста популяции и не превышать 50% этого прироста. Изыматься может только неразмножающаяся часть популяции, т. е. допускается изъятие покинувшего гнезда молодняка текущего года рождения.

Охрана гнездовой осуществляется их арендаторами из числа земле- и природопользователей, общин коренных народов, других юридических и физических лиц (по типу «родовых угодий» в традиционных центрах соколиной охоты). Эта охрана производится за счет средств, получаемых арендаторами от коммерческой реализации изъятых из природы соколов.

Контроль всей научной и финансовой деятельности по программе «Альтернатива» осуществляет Наблюдательный комитет программы, создаваемый в рамках региона или субъекта РФ на добровольной основе и включающий представителей природоохранных и охотничьих организаций региона, общественных организаций и зоопарков, представителей прессы и других СМИ, любых заинтересованных лиц. Участие в программе «Альтернатива» открыто для любых учреждений, организаций, граждан.

Для стимулирования всесторонней поддержки программы устойчивого использования балобана со стороны широких слоев населения необходимо последовательно и с использованием всех СМИ разъяснять задачи и важность этой работы, широко рекламировать акции по реинтродукции в природу реабилитированных балобанов из числа конфискованных у браконьеров, освещать случаи пресечения браконьерства и попытки контрабандного вывоза балобанов.

Финансирование всех этапов программы осуществляется за счет внебюджетных средств, которые складываются из части доходов, полученных в результате коммерческого использования изъятых из природы птиц, добровольной финансовой поддержки национальных или международных общественных природоохранных организаций и частных спонсоров и иных источников финансовой поддержки.

Особую надежду мы возлагаем на помощь охотников южных регионов Сибири, прекрасных знатоков и активных защитников нашей природы! Дорогие друзья, мы будем рады и благодарны получить Ваши отзывы о предлагаемом проекте сохранения балобана и надеемся на Вашу коллективную или индивидуальную поддержку!

Специальность «охотоведение»: история становления и перспективы

В прошлом году в Иркутской государственной сельскохозяйственной Академии (ИрГСХА) прошла Юбилейная научно-практическая конференция, посвященная 30-летию Боевой молодежной дружины им. Улдиса Кнакиса.

Боевая молодежная дружина (БМД) по охране природы им. У. Кнакиса была основана в 1971 г. как одна из составных частей комсомольского движения. Первым ее командиром и создателем был Геннадий Смирнов. Толчком к созданию Дружины послужило злодейское убийство выпускника ИрГСХА факультета охотоведения Улдиса Кнакиса, преследовавшего браконьеров в Калмыцких степях. Работа Дружины увязывается с контролирующими природоохранными органами, обществом охраны природы, милицией и арендаторами охотничьих угодий. В работе ее отмечается высокий уровень самоуправления, активности студентов. Это значительно помогает будущим студентам-охотоведам в приобретении практических навыков во взаимоотношениях с промысловиками, учит бережному использованию природных ресурсов и их охране.

Открыл заседание декан факультета охотоведения ИрГСХА О. В. Жаров. Затем выступающие поздравили членов Боевой мо-

лодежной дружины с 30-летней датой создания данной организации, которая внесла значительный вклад в охрану охотничьих ресурсов не только Иркутской области, но и других регионов страны.

В Иркутском зале Юни-Сиб (бывший Дворец профсоюзов) состоялось закрытие конференции на очередном ежегодном вечере охотоведов. Некоторые члены организации получили награды. Выступающие отметили значительную кадровую подготовку факультета охотоведения в ИрГСХА, но в первую очередь — духовную, с элементами важных жизненных качеств, таких как способность выживать в любых условиях дикой природы и глубина знаний в ее пользовании. Вместе с тем были высказаны серьезные недостатки и проблемы в подготовке специалистов и охотоведов.

Затем состоялся «Круглый стол» по теме специальность — «охотоведение», ее история, роль и перспективы развития на современном этапе в Иркутской государственной сельскохозяйственной Академии. Ниже публикуются два выступления участников «Круглого стола».

О. Жаров, декан охотоведческого факультета.

— Охотоведческому образованию в России более 100 лет. Его началом следует считать 1897 г., когда Ученый Совет Петербургского лесного института утвердил факультативную учебную дисциплину «Охотоведение», предложенную А. А. Силантьевым.

После неизбежных болезней роста — открытия курсов подготовки охотоведов, отделений, факультетов и кафедр в ряде высших и среднетехнических учебных заведений России — к настоящему времени утвердились три центра подготовки биологов-охотоведов высшей квалификации: Иркутская государственная сельскохозяйственная Академия (г. Иркутск), Вятская государственная сельскохозяйственная Академия (г. Киров), Российский государственный аграрный заочный университет (г. Балашиха Московской обл.).

К настоящему времени в Иркутске подготовлено более 4000 специалистов охотничьего хозяйства, в Кирове — около 1700, в Балашихе — около 800.

Охотничье хозяйство как отрасль природопользования развивалась и развивается в двух направлениях: производственно-товарном и спортивно-любительском. До начала 1999 г. в России первое направление успешно обеспечивало специалистами 120 кооперативных и около 100 государственных охотничье-звероводческих и охотничье-промысловых хозяйств, на территории 550 млн. га, и более 150 колхозов и совхозов в разных районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностей; второе направление — около

5000 приписных охотничье-рыболовных хозяйств Росохотрыболовсоюза, примерно 500 лесохотничьих хозяйств Военно-охотничьего общества и «Динамо», опытно-показательные и охотничье-промысловые участки (ОПУ) Главохоты при Совете Министров РСФСР. Большинство названных хозяйств, изменившись по форме владения собственностью, в названии, сохранили свою функциональную направленность. Причем, в отличие от многих других сельскохозяйственных отраслей, производство в охотничьем хозяйстве уменьшилось примерно на 2—5 % по сравнению с уровнем 1992 г. Эти позитивные явления в охотничьем хозяйстве свидетельствуют о его жизнеспособности в условиях свободного рынка. В сфере сельскохозяйственной деятельности постоянно (профессионально), временно (сезонно) или эпизодически занято около 3 млн. человек. Охотовед, как центральная фигура среди специалистов охотничьего хозяйства, объединяет эти людские ресурсы, организует их на грамотную эксплуатацию естественно возобновимых биологических ресурсов в неразрывной связи с общими и частными задачами природоохранной деятельности. Не следует забывать о значительной роли охотоведа в другой функциональной особенности охотничьего хозяйства — индикатора и регулятора протекания естественных процессов в экосистемах на 60 % территории страны, где интенсивное промышленное и сельскохозяйственное развитие чревато экологической катастрофой. На этой территории проживает около 30 малочисленных

народов, 8 из них уже сейчас можно отнести к категории вымирающих, так как численность каждого из них снизилась до уровня менее 1060 человек (Куликов, 1998).

Важнейшим условием развития охотничьего хозяйства является сохранение ресурсов более 70 видов охотничьих птиц и 60 видов охотничьих животных, требующих специфического подхода в управлении их популяциями, сохранение мест их обитания.

Специалист-охотовед осуществляет деятельность по изучению, охране и рациональному использованию объектов живой природы, разрабатывает и реализует методы, приемы и средства организационно-технологической деятельности, обеспечивающие эффективность ведения промыслового и любительского охотничьего хозяйства в различных природно-экономических зонах страны. Организует и выполняет полевые работы и лабораторные исследования. Анализирует получаемую информацию, обобщает и систематизирует результаты выполненных работ. Составляет научно-технологические отчеты и другую документацию; следит за соблюдением установленных требований, действующих норм, правил и стандартов. Участвует в разработке и осуществлении новых методических подходов, обсуждений, в оценке и публикации результатов; проводит патентную работу, следит за соблюдением нормативных документов в своей области деятельности.

Специалист-охотовед подготовлен к самостоятельной работе на должности охотоведа в производственной сфе-

ре, научного сотрудника в научно-исследовательских и научно-производственных учреждениях в соответствии с требованиями квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих, утвержденных постановлением Минтруда РФ от 21.08.98 г. № 37.

Объекты профессиональной деятельности специалиста-охотоведа — охотничьи животные, другие естественно возобновимые ресурсы, охотничьи угодья, технологические процессы производства охотничьей продукции, подбор кадров, организационно-управленческие процессы. Виды профессиональной деятельности — организационно-технологическая, производственно-управленческая, научно-исследовательская, охранно-воспроизводственная, проектно-прогнозная, консультативная и иные, позволяющие использовать полученные знания.

Специалист-охотовед востребован и будет востребован в будущем в сфере производства (промхозы, совхозы, колхозы, зверохозяйства, различные АО, ООО и т. д.), спортивно-любительской сфере (хозяйства и региональные общества Росохотрыболовсоюза, Военное общество охотников и «Динамо», Министерство обороны и др.), в природоохранных органах (Охотдепартамент Минсельхоза, Комитет по рыболовству, Департамент окружающей среды и экологической безопасности Минприродных ресурсов), научно-исследовательских организациях (ВНИИ-ОЗ, заповедники, институты РАН и др.).

В научной сфере, обеспечивающей теоретические основы ведения охотничьего хозяйства, специализация «охотовед» носит, как правило, более узко-

направленный характер в соответствии с дифференциацией научных направлений: это различные сферы биологии (промысловая зоология, экология, биологическое ресурсоведение и др.), организация, экономика, технология охотничьего хозяйства и сопутствующих отраслей, правоведение и др. То есть здесь исследователь выступает в качестве биолога-охотоведа, организатора-охотоведа, технолога-охотоведа, юриста-охотоведа.

Несмотря на ежегодную максимальную подготовку биологов-охотоведов в традиционных центрах высшей школы России в количестве до 125 человек, дефицит кадров ощущается очень остро, особенно в отдаленных регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В свое время основатель факультета охотоведения ИрГСХА профессор В. Н. Скалон определял ежегодную потребность в специалистах-охотоведах для СССР в количестве 6300 человек, В. К. Мельников и В. Г. Сафонов, на основе поступления корреспондентских сведений из областей и краев Российской Федерации, обозначили цифру в 226 человек. В настоящее время на основе ряда писем из регионов Сибири и Дальнего Востока, поступивших на факультет охотоведения ИрГСХА, можно определить ежегодную потребность по Сибири и Дальнему Востоку в пределах 100 человек, не включая европейскую часть России. Но чтобы обеспечить эту потребность, нужно увеличить плановый прием на факультет до 100 человек.

Ю. Хайнак, доктор природных ресурсов.

— Несмотря на то, что факультет

«охотоведение» ИрГСХА имеет более чем столетнюю историю, специальность носит общий характер, так как учебная программа насыщена десятками базовых дисциплин со значительными объемами, которые на практике могут быть востребованы только при более узкой специализации. По существу основу знаний охотоведа-практика должны формировать специфические учебные дисциплины:

- рациональное и эффективное использование природных ресурсов, их охрана;

- менеджмент, экономика, товароведение пушно-мехового и лекарственно-технического сырья;

- биология добываемых и сохраняемых видов живой природы;

- охотничье законодательство;

- технологические дисциплины.

Если проанализировать учебные программы в других вузах, можно заметить, что с возрастанием научно-технического прогресса и повышением требований к специалистам учебные программы модернизировались в сторону конкретных специализаций.

В России в настоящее время более 3000 охотничьих хозяйств, миллионы охотников-любителей, а десятки специалистов в год, которых сегодня имеет возможность ежегодно выпускать ИрГСХА и другие вузы России, — это капля в море по сравнению с необходимым количеством специалистов для обеспечения охотничье-промысловой отрасли. Более того, факультет «охотоведение» ИрГСХА рассчитан на ежегодный выпуск не менее 100 специалистов в год, что позволяет дать учебную нагрузку профессорско-преподавательскому составу, обеспечивающему учебный процесс, и рационально использовать всю материально-техническую базу.

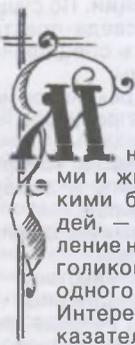
Я считаю, что факультет охотоведения ИрГСХА, имеющий богатейшую учебную базу в подготовке высококвалифицированных кадров, должен дифференцировать специальность в соответствии с учебным планом — ввести с четвертого учебного курса распределение по узким, конкретным направлениям с учетом потребности в процентном соотношении от общего числа выпускников:

- «охотовед-менеджер», специализация — эффективное использование биологических ресурсов (50 %) — для работы в охотничье-промысловых хозяйствах, управлениях, ассоциациях общественных объединений охотников и рыболовов;

- «охотовед-технолог», специализация — товароведение промысловой продукции (30 %) — для работы экспертом, товароведом пушно-мехового, лекарственно-технического сырья, народных промыслов, таксидермистом;

- «охотовед-эколог», специализация — охрана охотничье-промысловых ресурсов (20 %) — для работы в государственных учреждениях по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных.

Р. БОБРОВ,
кандидат с.-х. наук

Многоискусственные науками и жизнью люди сетуют: какими бы ни были деяния людей, — правда о них через поколения нередко становится многоголкой, а время пройдет — ни одного лика в ней — истинного. Интерес к истории — верный показатель уровня культуры.

Народы цивилизованные оттого и цивилизованные, что у них в большом почете историческая память. В Англии, например, в добрую память о крестьянах и ткачах, положивших начало благополучию страны, спикеры английской

*Говоря о человеке, завершившем дело,
мы нередко забываем о тех,
кто его подготовил*

палаты общин ведут заседания высшего государственного совета страны, сидя на мешках с шерстью. Следуя мудрому их примеру, нашим народным избранникам самый резон было бы держать на своих креслах если уж не медвежьи, то хотя бы беличьи шкурки, служившие в стародавние времена на Руси ходовой монетой во взаиморасчетах ее граждан.

В 1121 г. епископ Никанор в своем послании князю Святославу писал, что народ на Руси питается в основном лесной дичью: «Давлятину ядящие, и зверину, и мертвичину и кров, медве-

Царь Алексей Михайлович

ОХОТНИЧЬИХ УТЕХ ЛЮБИТЕЛЬ

Вот и было кз беснѣ, о ба-
-чекникѣ,
Шоизъ: калъ Юсударъ со
БОЛАМИ
ЮЪ СВОЮ ОУТНѣ, — ГОРОДЪ
ЗЕЕНИГОРОДЪ
ШМОЛАНТЬСА СВЯТОМУ УГОДНИКУ;
ЮЪ КЕАЮ СТАЛЪ КЪ САМОМУ НАС-
-ТОАТЕЛЮ ...

жину, бобровину...» Охота, рыбная ловля, собирательство лесных плодов многие столетия удовлетворяли значительную часть потребностей проживающих на Руси людей. С ростом населения возможности эти уже не давали постоянных надежных источников питания. Численность дичи и рыбы во многом зависела от погодных условий отдельных лет, да и в год обычный — хороший улов и удачная охота не всегда оказывались ко времени их естественной надобности. Скотоводство и земледелие — сокращали риск бедствий. Тем не менее и при развитом земледелии охота в нашей стране многие века оставалась занятием вполне естественным, почетным, престижным. И во втором тысячелетии охотничьи свои удачи русские князья расценивали наравне с доблестью воинской. В старинных преданиях и летописях встречаются упоминания о княжеских охотах на белых лебедях и серых уток, о единоборстве с турами и медведями. Владимир Мономах, этот живой идеал древнерусского князя, правивший Смоленским, Черниговским, Переяславским княжествами в XI столетии, свою охотничью удачу и удачу ставил на один уровень с военными подвигами. В перечне его сокровищ упоминаются ястребы, соколы, охотничьи собаки. Есть в старинных летописях упоминания о зверинцах и ловищах, то есть местах, где охота уже ограничивалась

в пользу князей. В судебнике царя Константина, который был заимствован из византийских узаконений, появились запретительные статьи на охоты в княжеских ловищах. Имеются и записи о распрях, возникавших во время охоты. В одной из них рассказывается, что князь Олег в 974 году убил сына полководца Свенельда, встретив его на охоте в своих охотничьих угодьях. Спорить было из-за чего. Охота приносила княжеской казне большие доходы.

После же присоединения Сибири к Московскому княжеству, как свидетельствует история, царская казна получала дани в виде звериных шкурок сотнями тысяч: по 200 тыс. соболиных, 500 тыс. беличьих. В XVII в. треть государственного бюджета составляли доходы от реализованной пушнины. Так что не один лишь охотничий азарт определял княжеские интересы в охоте. Она была источником государственно-благосостояния. Да и сами князья в охотничьем деле слыли не только любителями острых ощущений и забав, но рачительными хозяевами, заботившимися о благоденствии своей казны, охотниками-специалистами наивысшего класса. В значительной мере это касается и отца Петра I — царя Алексея Михайловича Романова. Историки считают, что в его свите состояли сотни сокольничих и более 1,5 тысячи охотников. Царские охотничьи угодья начинались в 30 верстах от Москвы и включали в себя лучшие охотничьи места страны. В Москве же, на Конюшенной, размещался особый царский приказ, ведавший царской охотой. Алексей Михайлович уделял ей немало времени.

Он был не просто охотником-любителем, а и замечательным знатоком охотничьего дела. Перу его относят авторство известной охотничьей книги XVII столетия: «Книга, глаголемая Урядник или Новое уложение и устройство чина Сокольничья пути» (1656). Охота в этом произведении определяется как доходный охотничий промысел и весьма похвальное занятие, способное доставить ее участникам высочайшую эстетическую радость, возвысить и облагородить душу охотника. Автор книги с искренним пафосом обращается к читателям:

«О славные мои советники и достойные премудрые охотники! Радуйтесь и веселитесь, утешайтесь и наслаждайтесь сердцами своими, добрым и веселым сим утешением в предыдущие лета...

Это занятие не только веселое, но и полезное «доброе». Будьте очочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, zelo потешно и угодно и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякие. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте, нелениво, нескучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу».

Царь Алексей Михайлович являл собою человека во многих отношениях талантливого и в делах государственного незаурядного.

Слова о многоликости правды, помянутые в начале нашего очерка, относятся к Алексею Михайловичу в полной мере. Великие преобразования России, относимые на счет Петра I, были предопределены всем ходом предшествующих исторических событий и в значительной мере годами правления его отца — Алексея Михайловича (1645—1667). Украина попросилась под «высокую руку Москвы» при Алексее Михайловиче. По его указу в 1659 г. в 12 верстах от нынешнего Козлова (бывший Мичуринск) поставлена была главная морская верфь, с которой спустя год сошел 22-метровый корабль. Алексей Михайлович последовательно реформировал на западный образец русскую армию. Он же приступил к созданию морского флота. Петр I оказался в первую очередь сыном, достойным своего великого отца: государственным деятелем, волевым, мужественным, решительным. Похвальные достоинства эти и определили его удачи в проведении многих, начатых отцом, реформ. Стержнем государственного устройства является его законодательство. И в этом Алексей Михайлович оставил сыну доброе наследство. Одним из величайших деяний Алексея Михайловича признается подготовка первого свода российских законов — Соборного уложения 1649 г., которое стало логическим продолжением предшествующих разрозненных кодексов права русских судейников и «Русской правды» Ярослава Мудрого. Соборное уложение Алексея Михайловича регламентировало социальный и экономический уклад жизни государства, прочно утвердившегося в мире уже при Петре I. Утверждение государственного порядка, определявшееся Соборным уложением 1649 г., касалось всех сторон жизни, включая и такой важный аспект хозяйственной деятельности, как охота.

В период царствования Алексея Михайловича принято 67 указов об ограничении отстрела пушных зверей, о запрете отлова маломерной стерляди, запрещении охоты вокруг столицы, указ об охране ловчих птиц. Принятые указы, ограничившие и регламентировавшие сроки, места и условия охоты. Изложены они были в Соборном уложении 1649 г. Собственность в Уложении рассматривалась на основе слияния двух ее разновидностей — поместий и вотчин. Главным предметом юридической защиты в лесах все еще остаются охотничьи и бортнические угодья. Вот некоторые статьи Соборного уложения 1649 г.:

«...А кто сделает в своем угодье птичью приваду и у той привады птиц прикормит, и иной, кто по недружбе ту

птичью приваду испортит, и птиц от той привады отгонит, или у той привады учнет птицы ловити насильством, или учнет стреляти, а тот, чья та привада, учнет на него бити челом государю, и с суда сыщется про то его насильство допрама, и на нем велети исцов иск доправити по сыску и отда-ти исцу».

«...А будет кто у кого пчелы выдерет, а бортей не испортит, и на нем за всякие пчелы доправити до полутора рублей. А будь кто у кого в дому, или во пчельнике, или в лесу покрадет ули со пчелами, и сыщется про то допрама, и на него доправити за всякий улей по три рубли...»

Требования же по части рубок самого леса в Уложении еще сравнительно мягкие. Так, в статье 220 есть предупреждение:

«А будет кто помещик или вотчинник в чьем угодье насильством посечет лес, и на том на него будут челобитчики, и с суда сыщется про то допрама, что он такое насильство учинил, и на нем велеть исцу за посеченный лес доправити деньги по указанной цене».

Наказание за самовольное пользование древесиной — скорее исключение, чем правило. Ограничение прав на заготовку лесных материалов выработывалось постепенно, по мере того, как они приобретали ценность. Выражались эти ограничения в пожаловании охранных грамот, закрепляющих за лесовладельцами исключительное право пользования в своем лесу, а затем — в определении ответственности за порубку чужого леса и за его повреждение. В одной из статей (23) Соборного уложения 1649 г. запрещалась рубка деревьев в воинских засечных и природоохранных заповедных лесах. В частновладельческих же лесах разрешалась бесполошинная заготовка древесины, но не на продажу, а на собственные нужды. Ограничения по части лесопользования (рубки леса) вводиться стали решительно при Петре I, столкнувшись уже с острым дефицитом ценной строевой древесины для судостроения и дров для заводских мануфактур.

Примечательным был и порядок наказаний, определявшийся в Уложении 1649 г. Взыскиваемый согласно Уложению с нарушителя ущерб возмещался в виде строго указанной суммы, которая имела двойственный характер: с одной стороны, взымался ущерб, с другой — превышение суммы ущерба в виде штрафного наказания за нарушение закона — штрафа. Этим в очередной раз подтверждалось незыблемое право государства поддерживать порядок определяемыми им мерами.

Деятельность Алексея Михайловича как законодателя, особенно по части законодательства охотничьего, часто недооценивается. Это несправедливо по отношению к нему как личности. Память потомков — великая награда! Недооценка прошлого обедняет, искажает историю, науку, затрудняет понимание настоящего и будущего.

Фото О. Полещука

Осторожно с глухарем!

Н. ГРАКОВ,
охотовед, профессор ВНИИОЗ

Глухарь — один из наиболее ценных пернатых представителей русской и мировой охотничьей фауны. Уже во второй половине XIX в. в русской охотничьей литературе появились сообщения об уменьшении ресурсов этой охотничьей птицы. Особенно заметно это уменьшение прогрессировало в Западной Европе, а в Польше и Словакии глухарь вскоре был и вовсе истреблен.

Достоверно установлено, что негативное воздействие на популяцию глухаря оказывают промысловые рубки леса, подсочка сосняков с целью получения живицы, нашествие в лес грибовиков, ягодников, туристов, особенно в период размножения глухаря, а также неумеренная охота и особенно браконьерство. В. И. Осмоловская (1966) упоминает охоту и браконьерство среди факторов, вызывающих снижение численности глухаря, но уделяет им мало внимания. Основными факторами, снижающими численность птиц в ареале, она считает рубки леса, сбор живицы и лесные пожары. Характеризуя обилие глухаря в конце XIX — начале XX в., она приводит в качестве примера успешные охоты на глухарей под Рыбинском, в Петербургской, Новгородской и Костромской губерниях, где на одном току за весну брали 15—30 птиц. И феноменальный пример отстрела из шалаша на глухарином току в Арзамасском уезде Нижегородской губернии за одну охоту: 5 глухарей вечером, 2 — ночью и 4 утром. Такие цифры свидетельствуют не только об изобилии птиц на токах, но и о бездумном их истреблении охотниками.

Впечатляющие результаты охоты на

глухариных токах содержатся в интересной книге «Охотничьи записки и дневники егермейстера М. В. Андриевского», изданной Н. В. Туркиным в Москве в 1909 г. Подробно и красочно описаны охоты автора на одних и тех же глухариных токах в окрестностях Петербурга и Новгорода. В 1874—1898 гг. им добыт 191 глухарь и 20 птиц ушли подранками. Его спутники отстреляли еще 20 певцов. Охота на глухариных токах, в переводе на новый стиль, начиналась в середине апреля и заканчивалась около 20 мая. За весну Андриевский охотился от 2 до 13 дней, добывая 5—32 петуха. Нередко он стрелял глухарей вечером на прилете, добыв так 7 птиц.

Количество птиц на току указано не всегда, много токовавших глухарей упомянуто 7 раз, от 10 до 14 — 4 раза, 8—1 раз, от 4 до 6 птиц — 4 раза. За утро он нередко успевал подскатать к 3—4 певцам и застрелить 2—3.

На току около Колкова он взял за утро рекордно для себя количество глухарей — 7 особей. В 1886 г. на токах в 27 верстах от Петербурга он добыл 18 и упустил ранеными 7 глухарей. Его спутники добыли 3 птицы. В 1897 г. он отстрелял за весну 32 глухаря и упустил одного подранка. После охоты в Подберезье под Новгородом Андриевский посетовал, что за весну добыл только 11 глухарей и одного заранил, а надо было отстрелять штук 20, так как в токах было до 40 глухарей.

Приведенные сведения характеризуют не только большую численность глухарей, но и очень интенсивный отстрел птиц на токах. А ведь кроме высокопоставленных охотников на токах охотились и местные жители.

В рассказе К. И. Яблонского «Вес-

ною», опубликованном в 1904 г., объездчик одного из новгородских лесничеств спрашивает автора, почему ежегодно уменьшается количество токующих глухарей. Раньше на посещаемом ими току пело 30—40 петухов. Три года назад он добыл на этом току за 3 дня 18 птиц, а сейчас только 2, а пело 3 глухаря. Кроме него, на току никто не охотился, а сам объездчик и мысли не допускал, что именно он сам и опустошил ток. В своем ответе автор назвал целый ряд причин, но только не чрезвычайную охоту. Посетители токов не имели никакого представления о бережном использовании птиц.

Кроме охоты на токах, глухарей стреляли осенью из-под лаек, а в промысловых областях ловили самоловами. Закупки у охотников боровой дичи, в том числе глухарей, продолжались в первой половине XX в., но постепенно снижались. Например, за промысловый

сезон 1953—55 гг. в европейской части России заготовили соответственно 113,5 и 94,5 тыс. особей боровой дичи. На глухаря пришлось от 0,2 (Европейский север) до 2,5 % (Приуралье), в Архангельской области 2,0 % (Колосов, Шибанов, 1957).

Влияние охоты и браконьерства на численность глухаря сейчас происходит на фоне отрицательного воздействия других факторов, лимитирующих его численность, особенно вырубки мест обитания и токовищ, ежегодных лесных пожаров и факторов беспокойства от посетителей леса, в основном «вздымщиков» (сборщиков живицы). Постоянно обходя боры, они понуждают глухаря бросать гнезда и распугивают выводки, увеличивая этим отход глухарят. А. Н. Формозов (1976) привел свои наблюдения по Шарьинскому району Костромской области об уничтожении глухарей в результате лесопользования, охоты и браконьерства. Если в 1930-х гг. глухаря было вполне достаточно, то к 1951 г. его стало крайне мало.

Все, перечисленные выше, факторы, кроме совокупно действующих, редко выступают самостоятельно в регулировании численности глухаря. Даже самые сильнейшие действующие из них обычно усиливают или смягчают свое воздействие при совокупности с другими. Сложность такого взаимодействия зачастую неравномерно подменяется одним из них, пусть даже и основным.

Особенно уязвимы популяции глухаря при браконьерском отстреле птиц с автомашин и моторных лодок на лесных дорогах и галечных берегах, куда птицы слетаются для склевывания камешков — гастролитов, необходимых для перетирания грубых растительных кормов в мускульном желудке птицы.

Значителен фактор риска для популяции — бесконтрольный отстрел самцов на токах.

Охота на глухарином току по своему эмоциональному уровню бесспорно относится к самой заманчивой и волнующей, начиная от вечернего подслуха и, особенно, начала токования самцов в предрассветных сумерках таинственно просыпающегося весеннего леса. Не случайно иностранные охотники-туристы платят немалые деньги, чтобы ощутить прелесть такой охоты. Чтобы сохранить на длительную перспективу охоту на глухаря на току, нужно поступиться всеми другими способами его добычи.

В 1954 г. под Архангельском зав. Северным отделением ВНИО В. Т. Семенов привел меня на глухариный ток 21 мая. На небольшом участке тока мы обнаружили останки 6 глухарей. Они были аккуратно «спрятаны» в ямки во мху и сверху прикрыты клочьями мха, из-под которых торчали крылья и хвосты петухов. Одна птица была почти целой, но уже протухшей, от других

забыв про осторожность. Любой наземный хищник мог подкараулить и поймать азартного кавалера.

Через два года вечером 21 мая в пасмурный хмурый вечер я спугнул в 21 час с окрайки петуха. Подслуш ничего не дал, но утром токовало 5 птиц. Глухарок уже не было. Вероятно, во второй половине мая они начинают нести яйца и гнездиться. В конце токования опасность выбить ток, по-видимому, минимальная, так как основная масса токовок тоже не посещает тока.

В научно-опытном охотхозяйстве ВНИИОЗ в Кировской области с лесной площадью в 40,6 тыс. га (61,7 % общей площади хозяйства) при охотустройстве в 1974 г. выявлено 20 токов с общим количеством 100 токовавших глухарей. С середины 1960-х гг. в охотхозяйстве отлавливали живых глухарей для кольцевания и интродукции в другие регионы. Всего в 1974 г. вывезли 135 самцов и 204 самки (Романов, 1979). Отход при отлове и передержке был невелик. Все годы в хозяйстве отстреливали глухарей на токах и в летне-осенний сезон охоты, но в ограниченном количестве.

В 1984 г. охотовед хозяйства Г. Соколов обследовал 15 токов, исключив те, где работал А. Н. Романов, и насчитал примерно 45 токовок. Он отметил некоторое снижение численности глухарей на токах. За прошедшие 10 лет леса в хозяйстве были сильно вырублены, в том числе и сосновые боры. Весенняя охота на все виды пернатой дичи в области велась 10 дней и, как правило, кончалась в первой декаде мая. Почти все это время глухарки вылетали на тока, но к концу сезона многие из них садились на яйца.

В течение 10 лет на легко доступном току среди болотистых низин на сухом зеленомошно-лишайниковом островке соснового бора кольцевали глухарей в бесснежный период, кроме вывода и выращивания птенцов, а отстреливали на току 1—4 петухов за весну. В разные годы на току было от 1—2 до 10 певцов в зависимости от погоды и времени посещения тока. В 1991 г. токовало разрозненно 5—6 птиц, вылетали глухарки. В 1995 г. поющих петухов найти не удалось, но 3 глухарки вхохотали и перелетали по всему току. Незадолго перед этим зимой рубили лес поблизости от тока, который не тронули. Вероятно, ток стали посещать посторонние охотники, так как в 3 км от него прошла асфальтированная дорога. А. Н. Кузьмин (1969) в хозяйствах Подмосковья установил, что количество токующих петухов и количество токов обратно пропорционально плотности людского населения в районах.

Изучавшие динамику токов ученые установили, что отстрел 15 % токующих самцов приводит к снижению численности птиц и деградации тока. Несомненно, чем меньше токует петухов на току, тем больше опасность подорвать ток отстрелом. Особенно это свойственно токам, которые посещают в свободных угодьях разные охотники на

протяжении всего весеннего сезона охоты. Каждый из них стремится добыть глухаря независимо от количества певцов. Чем больше охотников знает место тока, тем больше опасность его уничтожения. Редкий охотник уйдет без добычи с тока независимо от количества певцов и времени токования. Тем более что современные сроки весенней охоты повсеместно приходится на разгар токования, тогда как более целесообразна охота в период затухания токов, когда там уже нет глухарок.

Вообще, единые сроки весенней охоты на все виды пернатой дичи зачастую приводят к тому, что основной пролет водоплавающих уже прошел, и охотники выбивают местных селезней, вальдшнепов, а токующих птиц добывают в разгар токования.

Особенно осторожно нужно подходить к предоставлению охотничьих туров для охоты на токах иностранным охотникам. Сейчас в погоне за валютой наши хозяйства нередко идут на определенные нарушения, чтобы обеспечить добычу глухаря и не сорвать контракт. Для ведения такой гарантированной охоты в охотхозяйствах надо выделять хорошо охраняемые надежные тока с достаточным количеством токующих птиц.

Глухаря надо использовать бережно, чтобы обеспечить сохранение поредевших популяций, а также их токовищ от вырубки. Для этого есть правовые основания при лесопользовании. Глухарь, как никто другой из представителей охотничьей фауны, нуждается в научно обоснованном рациональном использовании ресурсов не только в европейской России, но и в Сибири.

Фото А. Дигилевича

остались шкурки с крыльями и хвостами, целые головы с огрызками шеи. На току оказался один поющий глухарь и молчун. Случай позволял провести эксперимент, чтобы выяснить, как повлиял хищник на состояние тока. Певца отстреляли утром, случайно удалось взять и молчуна. Через год точно в то же время на току пело 3 глухаря. Глухарок в оба посещения тока не было.

В 1956 г. 9 мая в окрестностях оз. Каска в 20 км от железной дороги я спугнул в 20 час 40 мин в опушке мохового болота в низкорослом сосняке глухарку и петуха. Сел и стал слушать. Вскоре начали подлетать и с шумом садиться на разном расстоянии другие петухи. За полтора часа я насчитал 30 посадок. В 22.40 все затихло. Ночь была ясная, но прохладная. Ток дружно начался в 2.20, к 4 часам прекратился. В эту весну мы с коллегой отстреляли на току 7 петухов. Самый разгар тока пришелся на середину мая. Петухи активно преследовали самок на земле,

Фото А. Дигилевича

КУДА СТРЕЛЯТЬ МЕДВЕДЯ

Сказ о том, как А. А. Ливеровский с А. А. Ширинским-Шихматовым поспорил
Е. КУЗНЕЦОВ

Глучилась эта история давно. Уже 18 лет минуло. Знатки охотничьей литературы сейчас, наверное, пытаются сообразить, как это могло случиться. Ведь жили они все-таки в разное время. Или это другой Ширинский-Шихматов, или Ливеровский не тот? Да нет, уважаемые читатели. И Шихматов тот самый, Андрей Александрович, и Ливеровский — Алексей Алексеевич. И все-таки этот спор состоялся, и виновником его был я. А дело было так...

Как-то, в 83-м году прошлого столетия, был я в Ленинграде. И купил там в букинистическом магазине сборник рассказов и повестей А. А. Ливеровского «Радоль». Был там и рассказ «Не каждый день» из серии «Охоты Локтева». Рассказ этот о медвежьей охоте, в которой участвовала довольно разношерстная компания. Самым опытным в этой команде был профессор Локтев — герой многих рассказов А. Ливеровского. И вот накануне охоты Локтева попросили рассказать молодому охотнику — куда стрелять медведя? Надо сказать, что молодой охотник — Марат Синицын — утверждал, что «крупных хищников берут... только выстрелом в голову», чем вызвал неодобрение других членов команды. Локтев же был другого мнения: «...был такой Ширинский-Шихматов, князь, но медвежатник подлинный. Он писал примерно так: любителям стрелять идущего на штык медведя в голову советую учесть, что у этого зверя голова большая, но самый мозг занимает в ней относительно небольшое место. Попробуйте зарядить ружье пулей и попасть в крокетный шар, с силой брошенный вам под ноги...

— Куда же стрелять? Если прямо на меня...

— За пазуху, дорогой, за пазуху...» Вот такой диалог состоялся в книге. Ну, и что, скажете Вы, уважаемый читатель. В конце концов, это дело охотника, куда стрелять медведя. Хоть в пятку. Лишь бы она была ахиллесовой.

Я бы тоже так сказал, если бы, на беду Ливеровского, незадолго до этого не прочитал книгу «Медведь и медвежья охота» самого Ширинского-Шихматова 1927 года издания с предисловием Н. В. Крыленко, под редакцией и с введением С. А. Бутурлина. Был я тогда молодым любознательным охотником, книга мне очень понравилась, и многое из той книги я запомнил очень хорошо. В том числе и слова князя о том, куда стрелять медведя. А говорил князь про стрельбу медведя, идущего на стрелка, буквально следующее: «Стрелять медведя нужно только в голову, так как лишь эта пуля кладет зверя на месте и наповал. Все остальные места условны, и я никогда не рискну рекомендовать их».

Я, честно говоря, несколько обиделся за Ширинского-Шихматова и решил написать письмо Ливеровскому, не особенно надеясь, что оно, во-первых, дойдет, так как писал я его на издательство, и, во-вторых, что Ливеровский мне ответит. Текст письма я сейчас уже не помню, но смысл его заключался в том, что сам Локтев может стрелять куда хочет, но если уж он, т. е. автор, цитирует классика, то лучше это делать все-таки правильно. Письмо было, конечно, очень вежливым, но на ответ, как я уже писал, я не надеялся.

Но времена были другие, и ответ я получил. И не просто ответ, а развернутую точку зрения автора о том, куда стрелять медведя. И тут оказалось, что устами Локтева говорил сам Ливеров-

ский. Так и вышел нежданно-негаданно спор между Ширинским-Шихматовым и Ливеровским, который спровоцировал я.

Письмо Ливеровского было очень интересным, с рисунками и схемами стрельбы. Ниже целиком привожу письмо, которое было напечатано на пишущей машинке.

Домовичи 9.05.83

Уважаемый Е. А. Кузнецов!

Прежде всего прошу прощения за задержку с ответом. Был за рубежом, сразу после этого заболел двусторонним воспалением легких, сразу после этого попал в больницу с кровоизлиянием в глаз. Да и редакция поленилась переслать Ваше письмо по почте, — ждала, когда я сам к ним приду. Теперь я переехал к себе в деревню, где живу от снега до снега (только на выставку собак традиционно приезжаю). Теперь по существу дела.

Локтев литературный персонаж и за его суждения и ошибки я ответственности не несу. Конечно не сам он эту цитату придумал. Кто? Не Андриевский ли? Ошибка, признаюсь. Искать первоисточник мне теперь не хочется. Да простит мне Ширинский. Теперь по существу.

Локтев совершенно прав, утверждая, что попасть в мозг медведя, идущего на штык, это все равно что пулей попасть в крокетный шар, с силой брошенный вам под ноги. Абсолютно верное суждение, если рассчитывать попасть в мозг. Куда же стрелять? Позволю себе привести свою точку зрения, основанную на наблюдении за 70 лет охоты, интересе к этому делу и чтении существовавшей литературы. Прежде всего надо разделить ранения зверя на смертельные и останавливающие. Смертельных много, трудно перечис-

лить, это прежде всего, как принято считать, сердце. По моим наблюдениям, безусловно останавливающими являются ранения системы: «головной и спинной мозг». Все остальные органы, включая сердце и сердечно-сосудистую систему, могут быть смертельны, но останавливающими их считать нельзя. Такова практика.

Куда стрелять? Если зверь идет на штык (случай Локтева), то прямо в голову — иного выхода нет, как бы зверь ни вертел головой. Случай плохой, и следует его избегать, что частенько удается, например, при стрельбе кабанов, когда по Прибалтийским правилам запрещается ставить стрелка прямо на тропе. Если есть выбор позиции, а это бывает, то несравненно целесообразнее стрелять в бок. В этом случае горизонтальная проекция останавливающей части тела максимальна (дается рисунок), так она примерно выглядит. При стрельбе же навстречу, даже если велика разница в росте человека и высоте зверя, она, проекция, будет значительно меньше, колеблясь в зависимости от угла возвышения, в практике всегда небольшого (до величины головного мозга (см. схему). (Даются рисунки.) Наихудшая же позиция для стрельбы — это угонный зверь.

Таковы мои самые общие суждения по вопросу. Однако есть еще масса «вводных» (как говорят военные). Прежде всего выстрел. Штуцер 500 при сильнейшем патроне или гладкостволка 20 калибра. Сравнить трудно. Супер-скоростные пули укладывают оленя, чуть задев брюшную полость. Наблюдал медведя, активно идущего на драку с совершенно разбитой нижней челюстью жаканом 16 к. Несколько лет тому назад мой зять стрелял медведя в голову на дистанции 4—6 шагов и пуля скользнула по черепу. До этого случая я всегда с недоверием относился к слу-

чаям (самому наблюдать не приходилось) «скольжения» пули по лобной части, думал, что это старина, современные пороха должны пробивать, и вот судите. В бок нужно стрелять, по боку где и есть настоящая «пазуха».

Простите за несколько сбивчивое изложение мыслей. С уважением и товарищеским приветом.

(подпись)

Благодарю за положительный отзыв о «Радоли», хотя эта книга для меня уже пройденный этап. Что касается рассказа «Не каждый день», то он состоит из подробнейшего описания, я бы сказал синтетического, охоты на медведя, и отношу в свой актив, что такой внимательный и, видимо, квалифицированный читатель, как Вы, нашел только одну ошибку, и даже не в самой охоте, а в рассуждениях о ней».

Вот такое письмо я получил от Алексея Алексеевича. Конечно, мне было приятно, что он ответил, но сами рассуждения меня сильно озадачили. Честно скажу, я не совсем понял те схемы и рисунки, которые были в письме. Потом Ливеровский сам согласился, что в случае Локтева стрелять нужно в голову, о чем и писал Ширинский-Шихматов. К сожалению, автор письма не сказал, чем закончился тот случай с его зятем и скольжением пули по черепу. Смею предположить, что зять остался жив-здоров, несмотря на близость к зверю. Так, может быть, это и есть тот самый «останавливающий» случай, когда зверю, получившему пулей весом 25—30 г с такого расстояния по голове, уже не до охотника и у того есть возможность положить медведя вторым выстрелом. «Выстрел под лопатку кладет зверя на месте исключительно редко, и выстрел по голове, как это ни странно, на самом деле все же будет вернее, определеннее и даже легче,

чем выстрел под лопатку. Кроме передней части головы медведя, т. е. рыла и нижней челюсти, вся остальная часть головы представляет сплошь убойное место, по размерам вполне достаточное, как цель, даже у небольшого медведя, не говоря уже о крупном. Под лопаткой же, кажущейся такой большой, убойным местом является только сердце, положение которого не всегда, во-первых, стрелком может быть точно определено, во-вторых, сердце само по себе нисколько не больше, а даже меньше головы зверя», — писал Ширинский-Шихматов.

Извините, уважаемые читатели, за длинную цитату, но, как видно из приведенного отрывка, в книге можно найти ответы или возражения буквально на все положения, которые содержались в письме Ливеровского. Тут и про нижнюю челюсть, и про сердце, и про головной мозг. Насколько я помню, Ширинский-Шихматов писал свою книгу на основе своего участия более чем в 400 охотах на медведя: «Основным правилом всякой стрельбы медведя на облове должно быть: напускать зверя на себя как можно ближе. Если зверь идет на стрелка, то его можно напускать хотя на пять шагов, потому что бить медведя на пять шагов значительно безопаснее и умнее, чем на десять, а тем более на дальние дистанции. Вообще встречного медведя стрелять далее 12—15 шагов ни в коем случае не рекомендую». Я думаю, что именно в этих словах отчасти и скрывается основа спора. Стрелять-то нужно на 5 шагов. А это сможет не каждый. А на 15—20 и промахнуться нетрудно — что в голову, что в «пазуху».

Вот такая получилась заочная дискуссия. Кто прав — судить читателям. Ну а на письмо я не ответил. Думаю, что Алексей Алексеевич на меня не обиделся.

информация

Клуб любителей охоты с подсадными

Клуб любителей охоты с подсадными и манными птицами (КЛОСПИМП) основан 23 марта 2000 года по инициативе охотников - любителей этого вида охоты и заводчиков, занимающихся разведением подсадных уток. В 2001 году Клуб зарегистрирован как Региональная общественная организация «Клуб любителей охоты с подсадными и манными птицами» (свидетельство Министерства юстиции РФ № 14595).

Клуб построен на принципах добровольного членства, его работой управляет Координационный совет, избираемый Общим собранием раз в три года.

Основной задачей Клуба является возрождение и развитие лучших российских традиций охоты с подсадными и манными птицами, сохранение и увели-

чение генофонда породных подсадных и манных птиц, содействие сохранению их экстерьерных и полевых рабочих качеств на основе научных и зоотехнических принципов.

В работе Клуба принимают участие как профессиональные биологи-охотоведы, орнитологи, так и охотники-любители, заводчики и другие заинтересованные лица.

Клуб принимает в свои ряды как охотников и заводчиков, так и коллективных членов (общества охотников, охотничьи коллективы и т.п.). Члены Клуба вносят ежегодный членский взнос и получают подготовленную к охоте подсадную утку на весенне-осеннюю охоту.

Всю информацию можно получить по следующим телефонам:

Президент Клуба Лобанов Владимир Александрович, т. 8-903-739-21-60;

Первый вице-президент Фокин Сергей Юрьевич, т. 250-72-72

Вице-президент Сорокин Николай Алексеевич, т. 8-902-600-04-72.

информация

Нагонка

Нагонка стаи гончих собак... С чего начать? По какому идти пути? На что обратить внимание? Как развить необходимые для охоты качества гончих и не допустить появления недостатков? И много-много других вопросов. Все охотники, работающие с собаками, знают, как трудно исправлять недостатки в работе одной собаки. А что делать, когда их много? Ошибаться нельзя, исправить что-либо будет очень трудно или уже невозможно.

С какого возраста надо начинать работу со стаей? Уже с трехмесячного возраста необходимо совершать в лесу прогулки со стаей, строго выполняя все упражнения приездки, начиная со стойки под островом и заканчивая сбором стаи по сигналу рога и прибытием на псарный двор. Если выжлята слишком активны и самостоятельны в первые дни, в начале работы в лесу, доезжачему лучше иметь вкусную прикормку и изредка поощрять подбежавших выжлят. Постепенно во время знакомства с лесом молодые гончие начинают все дальше и дальше отходить от доезжачего и выжлятников, тем самым развивают полз и способность ориентироваться в лесу, соотнося свой ход с направлением движения доезжачего. Именно во время прогулок по лесу, во время движения за конем, за полевой конной тележкой в любую погоду — дождь или снег — гончие приобретают такое необходимое качество, как не-

стаи гончих

С. ДУХАНИН

стомчивость. В это же время среди стайных гончих начинает проявляться стремление к свальчивости. Очень интересно наблюдать, как один из выжлят, заинтересовавшись чем-то, быстро уносится, и тут же все остальные срываются с места и валят туда же. Каждая прогулка должна заканчиваться подачей сигнала охотничьим рогом «Вызов гончих» и раздачей прикормки.

Часто среди гончатников возникает спор, что лучше — ранняя нагонка или нагонка после года, как рекомендуют знаменитости охоты с гончими. В стае этот вопрос решается просто: рад был бы, чтобы гончие принялись работать пораньше, да ничего не выходит. Даже если один из выжлят помкнет зверя и прогонит несколько сот метров, то тут же притекает вся стая и начинает «выяснять», что тут за «крики», и на этом обычно весь гон заканчивается.

Самый простой способ нагонки стаи — это нагонка с опытным гонцом, не сильно паратым и не имеющим серьезных недостатков, особенно в верности отдачи голоса. Стая и гонец дол-

жны хотя бы небольшое время прожить на одном псарном дворе, чтобы собаки свыклись между собой. Затем на ранней заре со стаей отправляются в лес, делают напуск гончих и, порская, передвигаются по местам с наибольшей вероятностью подъема зверя. Опытный гонец быстро натекает на след и поднимает зверя. И теперь задача охотников — подвалить хотя бы несколько выжлят из стаи к гонящему гонцу, подавая команду: «Слушай! Вались к нему!». Вполне допустимо с одной или смычком гончих на своре перенять зверя и подбросить выжлят. Не все собаки погонят сразу, и даже если одна гончая подвалит к гонцу, то считайте, что первый успешный шаг в нагонке вашей стаи сделан. Дальше к помкнувшей молодой гончей однокорытники будут подваливать, только услышав ее голос. Когда выжлята самостоятельно будут поднимать зверя, свальчивость стаи станет очевидна и продолжительность гона будет больше 30 минут, можно переходить к чередованию нагонок отдельных выжлят с работой со смычком и стаей в целом. Нужда в опытном гонце постепенно опадет, и его лучше убрать.

Если опытного гонца нет, необходимо попробовать нагонять одну или пару наиболее перспективных выжлят из состава стаи. Иногда смычок принимается гонять значительно быстрее, чем одна гончая. Бывает, еще не работаю-

щие собаки мешают начавшим работать, видимо, затаптывая следы зверя, особенно на сколе. Поэтому нагонку отдельных перспективных гончих необходимо продолжить, пока выжлята не погонят по-настоящему, и только затем надо постепенно подваливать остальных. Конечно, нагонка без опытного гонца более кропотлива и трудна, но вполне выполнима.

В начале нагонки доезжачие и выжлятники особое внимание должны обращать на свальчивость, ровность ног, слаженность работы стаи. Этого добиваются уже тем, что гончие из одного гнезда приезжались и воспитывались вместе на одном псарном дворе. В дальнейшем работа над повышением мастерства в стае сводится к нагонке отдельных гончих и смычков. Мастерство стаи зависит в конечном счете от мастерства каждой отдельной гончей собаки в этой стае. Это, видимо, самый рациональный путь оттачивания мастерства стаи в целом.

Наганивают гончих только голодными — тогда они более жадны к зверю,

более активно работают в ползае и гоняют. Начинают только рано утром, когда ночной след зверя не остыл. В дальнейшем, по мере роста мастерства стаи гончих, время наброса передвигается к полудню. В конечном итоге надо добиться, чтобы стая была добычлива в любое время.

Часть гончих в начале нагонки не участвует в подъеме зверя, а ждет, что кто-нибудь помкнет, и только тогда подваливает. Но постепенно поднимают зверя каждый раз разные гончие, особенно если с ними занимают нагонкой в одиночку, тогда они становятся быстры в натечке и верны в гоньбе. Манера прислушиваться вырабатывается, видимо, у всех стайных гончих. И даже работая в ползае при нагонке в одиночку, осенистая стайная гончая часто останавливается и прислушивается.

Во время гона впереди обычно идут гончие с явно выраженным верхним чутьем, идут в 5–10 м в стороне от прошедшего зверя, не опуская головы, на сколе сразу идут на круг, справляя след. Гончие с низким поиском валят строго по следу зверя и только на сколе рассыпаются. Может создаваться впечатление, что стая работает без сколов, но все зависит от зверя, погоды и других факторов, иногда сколы и перемолчки идут одни за другими и гон становится мароватым.

Стая может разбиваться и гнать разных зверей. Бывает, что одни гончие гоняют лису, а другие — зайца. Обычно стая опять сваливается, особенно если часть гончих гонит, а другие на сколе. Специально помогать гончим свалиться в этом случае достаточно сложно, а во время охоты это делать и не надо, такая охота, когда можно до-

быть сразу несколько зверей, еще интересней.

Если нагонка молодой стаи проводится осенью и охота уже открыта, надо постараться добыть зверя, но нельзя подходить к нему, пока не подвалит выжлята и хорошенько его не потреплют. Гончих нужно обязательно наградить пазанками. И, конечно, хорошо, если заяц будет подранком и гончие его подволят.

В том случае, если на псарном дворе есть готовая стая, и возникает необходимость в ремонте стаи, нагонка ремонтных выжлят проводится несколько по-другому. Свичности молодых гончих со стаей добиваются обычным способом — выжлята с 3–6-месячного возраста живут на псарном дворе со стаей, с ними проводят занятия по приезде, и они участвуют во всех проводках и других стайных мероприятиях. Затем по достижении года начинают постепенно подваливать их к гонящим гончим, и основное внимание обращают на позывистость. Когда становится ясно, что выжлята позывисты и поняли кого надо гонять, приступают к индивидуальной гонке, основное внимание уделяя добычливости и работе на сколе. Однако не стоит забывать и о периодической нагонке в составе стаи.

С индивидуальной нагонкой перебарщивать нельзя, иначе могут появиться выжлята, гонящие в отбой и пытающиеся обязательно самостоятельно справиться на сколе след запавшего зверя, когда стая уже помкнула, свалилась и увела его дальше.

Выжлята, даже выросшие вместе — однокорытники и однопометники, принимаются гонять не сразу. Часть собак

в гоньбе зверя не участвует и постоянно вертится вокруг доезжачего, и только постепенно гончие, одна за другой, после многодневной нагонки тем или иным способом начинают подваливать к гонящей стае. Вызывает удивление тот факт, что бегущий перед глазами зверь, а затем ведущая во все ноги зверя стая не пробуждают у некоторых выжлят потребности гнать. Конечно, со временем все меньше и меньше выжлята остаются рядом с доезжачим «пелести лапти» и все больше и больше оказываются в гонящей стае. Возможно проявление слаболосости у некоторых выжлят. Видимо, из-за перевозбуждения молодые гончие на ночных жировочных следах или на сколе могут в голос валить по следу доезжачего или по следу своих однопометников. Обычно по мере роста опыта эти недостатки у выжлят проходят. Возможно появление перечунов — гончих, которые не успевают за стаей из-за недостаточного чутья, из-за своей болезни, стомичности и по другим причинам, поэтому они пытаются перехватить зверя впереди стаи. Лучше таких собак, пока они болеют или не отдохнут, в поле не брать. Кстати, опытные стайные гончие, даже если отстают, перечить не станут, а идут по следу стаи молча и, только догнав стаю на сколе, в случае помывки зверя, отдают голос. Видя некоторые недостатки, ни в коем случае нельзя делать скоропалительные выводы о пригодности той или иной молодой гончей к охоте, к возможности работать в составе стаи. Сроки для принятия таких решений должны измеряться не днями, не неделями и даже не месяцами, а годами.

Если ваши гончие на сколе справляют зверя, а не бегут сразу же искать охотников, то можно переходить к ночной нагонке. У ночной нагонки много противников, я тоже считаю неразумным с молодыми, совсем неопытными гончими заниматься ночной нагонкой. Но если строго выполнять основное положение начала ночной нагонки, то она только добавит мастерства стае гончих. Ночную нагонку начинать надо только тогда, когда днем молодая стая быстра в натечке, гоняет больше 20–30 минут и гончие со скола не уходят, продолжая искать зверя. Для проведения ночной нагонки поздно вечером или ночью вблизи леса размыкают стаю и, порская, двигаются только по хорошо известному маршруту, вдоль опушки, по лесной дороге или просеке. Обычно ночью помывка у гончих достаточно быстрая, сразу же начинается гон. Помощь доезжачего и выжлятников стае на сколе в ночное время невозможна, да и не нужна, зверь в ночное время не западает. Поэтому охотники располагаются в месте, с которого хорошо слышно, как гоняет стая, и ждут продолжительного скола, если скол больше часа, гончих можно вызывать. В начале ночной нагонки продолжительность гона будет длиться 1–2 часа. Ночную нагонку можно прекратить, когда гон будет продолжаться

всю ночь, и стаю можно будет сомкнуть только утром. В дальнейшем нужно чередовать нагонку днем и иногда ночью. А летом нагивать лучше только ночью или на ранней заре, когда не так жарко.

Если проводится первичная нагонка молодой стаи, то чем быстрее стая начнет хорошо гонять, тем лучше. Все время необходимо закреплять уже достигнутый успех. Ни в коем случае нельзя надирать выжлят, нельзя гонять стаю больше трех дней подряд. Гонять можно только с раннего утра и только до полуденного времени, иначе молодых гончих надо будет буквально нести на псарный двор на руках. Выжлята, имея хороший рост, мощь и неумную охотничью страсть, не имеют достаточной нестомчивости, которая приходит значительно позже, с возрастом и после продолжительной, систематической нагонки. Доезжачему и выжлятникам необходимо активно работать на сколе, стараться помочь найти «упалого,

удалелого» зверя, со скола не уходить раньше чем через час и лучше вести стаю на псарный двор, а не разыскивать нового зверя. Доезжачий всегда работает со стаей, а добросовестным выжлятникам можно доверять только нагонку одиночных гончих, при условии знания ими правил нагонки и особенно работы на сколе. Ранней весной нужно использовать для нагонки молодой стаи и одиночных гончих все время — раннее утро, первую и вторую половину дня, ночное время. Если с утра нагивали стаю, то днем, вечером и ночью необходимо гонять одиночных гончих, конечно, их в нагонку со стаей в этот день не берут. Можно нагивать стаю в одних угодьях, а одиночек в это же время в других. Когда стая начнет гонять хорошо, темп нагонки можно уменьшить. Надо понять, что процесс нагонки для стаи непрерывен, отдельные гончих из стаи и стаю целиком необходимо постоянно нагивать, особенно перед охотой, испытаниями и состязаниями.

По какому зверю нагивать стаю? Самым лучшим зверем для нагонки стаи будет, конечно, заяц (для лесной полосы России — заяц-беляк, для степ-

ной и лесостепной — заяц-русак). Для стаи, гоняющей зайца, лиса — слишком простой объект охоты, а вот стая, хорошо гоняющая лису, не всегда так же хорошо гоняет зайца. Стая гончих, систематически нагиваемая по лисе, своей работой уже в ползе отличается от стаи, работающей по зайцу, заемистые гончие-красноганы на значительной скорости «обнимают полазом» большие участки местности, используя тропинки, просеки, натекают на лисьи нарыски и по горячему водят зверя. Гончие, нагоненные по зайцу, в ползе выглядят более кропотливо, дольше возьмется на заячьих жирах. Стая по зай-

ки или охоты стая начнет работать по волку, это будет означать, что собаки в стае обладают достаточной злобой, чтобы использовать их как волкогонных.

Если в угодьях много лис, то надо выезжать в угодья, где преобладает заяц, и с частью собак проводить индивидуальную нагонку именно по зайцу, это обязательно даст неплохие результаты. Этим добьетесь, что в стае каждая отдельная гончая будет мастером скорым в натечке и верным в гоньбе.

Любой лес, где будет проводиться охота со стаей, вполне пригоден для

цу работает не так ровно, как по лисе, бывает большее количество сколов и перемолчек. Если стая работает по беляку, то в поле не вываливает и водит его по крепким местам; если по русаку, то водит зайца полями, используя полевые дороги, даже проходящие через деревни, часто гончие уводят русака в лес, где водят лесными дорогами и просеками.

Привалка стаи по волку и охота на волка — это особый большой разговор. Мое мнение — любая стая гончих должна знать этого серьезного зверя и работать по нему. Если во время нагон-

нагонки. Лес должен располагаться подальше от автомобильных и железнодорожных магистралей. Лучше, чтобы он представлял собой остров, окруженный со всех сторон полями. В этом случае гончие не уведут зверя далеко и стая отслушена не будет. Безусловно, доезжачий и выжлятники должны хорошо знать местность, чтобы как можно быстрее оказаться на месте скола и помочь стае найти запавшего зверя. Лучше, чтобы лес был пронизан просеками, лесными дорогами, тропинками, открытые пространства и поляны чередовались бы с темным лесом

и густым еловым и сосновым подростом. Конечно, плохо, когда в лесу во время нагонки много грибников, лесозаготовителей или, что еще хуже, праздно гуляющей публики, да еще со своими собаками. Зверь в этом случае, часто пугаясь, резко меняет направление, и еще неопытная стая будет работать неровно, с перемолчками и продолжительными сколами. Очень важно все время менять места нагонки и охоты стаи, гончие не должны привыкать к одним и тем же угожьям, к одной и той же концентрации зверя в них. В противном случае, попав в новое место, где условия работы для гончих жестче, зверя меньше, стая будет работать значительно хуже, снизится добычливость.

Для нагонки предпочтительна погода тихая, без ветра, лучше повышенная влажность и прохлада, чем сухая жара.

Для работы со стаей необходимы смычки — специальные парные ошейники для передвижения стаи к угожьям и обратно и специальная свора, которая необходима во время размыкания гончих перед островом.

Если напуск гончих делают доезжачий и один выжлятник, без специальной своры удержать 8—10 смычков не всегда возможно, стая даже на смычках может ввалиться в остров, особенно за первыми, уже разомкнутыми гончими. Специальная свора делается длиной 2—3 метра, в оба конца которой вшивают 2 кольца, к ним привязывают метровые поводки с карабинами и вертлюгами в соответствии с количеством смычков в стае.

У доезжачего и выжлятников должен быть охотничий рог для подачи сигналов, арапник, сумка с прикормкой. В случае нагонки стаи в лесостепной части России необходим хороший, но небольшой бинокль.

С началом нагонки придется возвращаться к вопросу приездки стаи. О том, насколько правильно и надежно приезжена стая, можно говорить только тогда, когда вопросы приездки подтверждены действиями гончих, начавших по-настоящему гонять зверя. Не рекомендую никому обольщаться тем, что ваша стая спокойно течет за доезжачим на смычках и без них, стоит под островом и ваши выжляты валят на рог по первому сигналу. Все сразу же изменится, как только гончие поймут, что рядом остров, в котором есть зверь!

Если раньше можно было одному доезжачему управлять со стаей в 6—8 смычков, то теперь и пятерым выжлятникам не удержать разомкнутых гончих, рвущихся за зверем в остров.

Вызвать вязких выжлят, начавших гонять, даже через час после скола не всегда возможно. Гончие, валившие на первый звук охотничьего рога во время приездки, как будто забывают свои действия по сигналу. В этом случае конные выжлятники, арапник, команда «Вались к рогу», рог доезжачего и прикормка дают определенные положительные результаты. Становится ясно, почему на старинных картинах со сценами вызова гончих всегда изображен

выжлятник на коне с арапником, подгоняющий гончих к месту сбора. Во всех случаях я советую никогда не вызывать гончих с гона раньше чем через час после скола. Не оставляйте молодых, неопытных гончих в лесу одних, стремитесь всегда возвращаться с нагонки со стаей в полном составе. К сожалению, не всегда так получается. Когда почти всех гончих собрали, вести стаю можно на псарный двор, но один из выжлятников должен объехать все угожья, где проходила нагонка, трубить в рог и пытаться найти потерявшуюся гончую. Такой поиск должен проходить до глубокой ночи и продолжаться с самого раннего утра. В ночное время на псарном дворе должны ждать «гулену» и конечно не наказывать подвалившую гончую. Если приездка и нагонка проходили правильно, то гончие всегда подбудут на то место, где делали напуск или где они ночевали, даже если стаю вывезли в незнакомые угожья.

Нагонка стаи гончих — это занятие, с одной стороны, самое трудное, кропотливое, требующее большого количества знаний, интуиции и расхода времени, с другой — самое увлекательное и волнующее. Во время первичной нагонки доезжачий начинает понимать своих гончих, замечает их недостатки и позитивные качества, слышит их голоса, видит заложенные наследуемые качества и недостаточно развитые свойства, над которыми необходимо работать.

Фото автора

Новый

пых

МП «Кречет» г. Краснодар, с начала 1997 года и до ноября 1998 года включительно, вело исследования по созданию новых сопутствующих элементов, могущих быть использованными в конструкциях охотничьего патрона. Целью исследований явилось определение или создание нового материала, положительно отличающегося от уже известных и использующихся: войлока, древесины, полиэтилена и его составляющих в части веса, дальности полета за дробовым снарядом, степенью продольной и поперечной деформации, а также возможности тления с последующим возгоранием. Непременным условием разработки нового материала стали факторы экономической целесообразности производства, включая его экологическую чистоту для окружающей среды.

Войлочный пыж, обладая частью положительных характеристик, многие годы имел традиционную популярность среди охотников. Его надежность в части обтюрирующих свойств: осаленная поверхность, сравнительно малый вес — вполне устраивали как промышленность, выпускающую это изделие, так и самого потребителя, с успехом использующего войлочный пыж для снаряжения патронов.

Однако баллистические и аэродинамические исследования, демонстрация скоростных съемок полета дробового снаряда на разном удалении от среза ствола продемонстрировали истинную картину выстрела с применением войлочных пыжей. Оказалось очевидным, что вес изделия, составляющий от 1,5 до 2 грамм, позволяет ему двигаться за дробовым снарядом и оказывать на него отрицательное воздействие на весьма значительном удалении от среза ствола. Практически установлено: энергии движения войлочному осаленному пыжу вполне достаточно для удаления от среза ствола на расстояние от 45 до 70 м, в зависимости от плотности структуры войлока и степени его осаленности, причем процессом стабилизации веса каждого изделия, т. е. доведения его у всей массы до единого для каждого изделия в отдельности, не представлялось возможным. К моменту выявления баллистических и аэродинамических недостатков осаленного войлочного пыжа вырисовывалась еще одна, более серьезная проблема: желание промышленности производить снаряжение гильзы, используя автоматические линии. Проблема автоматизации процесса снаряжения напрямую связывалась с точным размером обтюрирующего устройства по высоте. Если охотник мог методом подбора прокладок в папковой или пластиковой гильзе выйти на определенную высоту от дробовой прокладки до среза гильзы, то подобный подбор обтюрирующих изделий с помощью автомата не представлялся возможным. На смену войлочному пыжу, с учетом назревших проблем, разработана новая конструкция обтюрирующего устройства, им

является древесноволокнистый пыж, выгодно отличающийся от войлочного весом, а главное, возможностью планирования высоты изделия. Пара древесноволокнистых пыжей, установленных на пороховую прокладку, не требует коррекции по высоте. Промышленность получает возможность снаряжения бумажных и пластиковых гильз под любой вид закрутки.

Сегодня, наряду с войлочными и древесноволокнистыми пыжами, промышленность выпускает широко известный пыж-контейнер, выполняющийся методом литья под давлением пластических масс, например полиэтилена. Конструкция изделия более чем устраивает поточные линии, работающие не на двух, последовательно досылающихся обтюрирующих устройствах, а на одном, тем самым увеличивая производительность труда вдвое. Возможность сжатия контейнера в продольной оси позволяет получить дополнительный объем, способствующий более качественному возгоранию пероксильного пороха. Но это не единственное свойство, которым обладает пыж-контейнер. Одним из главных его достоинств является его возможность сохранять дробовой снаряд в едином целом на достаточно большом удалении от среза ствола. Многие охотники добивались этого в силу того, что иногда нужно было стрелять «далеко и кучно». Таким образом и очень давно, как в нашей стране, так и много раньше за рубежом, появились вначале скромным тиражом, а затем и в огромных количествах удобные для промышленности и, как может показаться, поголовно каждого устраивающие патроны с высоким цоколем, прозрачной гильзой, мощным капсюлем и непременно голубым контейнером. Замечательный вне-

шний вид и скоростные характеристики современного патрона делают изделие базовым и легко реализуемым торговыми учреждениями. На первый взгляд, более нет ни технических, ни экономических проблем. Желание «пострелять» давно и немедленно удовлетворено для всех, но так ли это?

В этой связи есть смысл напомнить о существовании металлической гильзы, промышленность выпускает ее огромными количествами, практически всех калибров. Причем часть изделий оснащается гнездом под капсулу «Же-вело». Металлическим патроном пользуется едва ли не большая часть охотников, готовя себя к открытию сезона. Любители пластиковой гильзы стремятся снарядить патроны самостоятельно, используя войлочные или древесноволокнистые пыжи. Появляющиеся на прилавках магазинов патроны, снаряженные с применением войлочных или древесноволокнистых пыжей, немедленно раскупаются.

Профессионалы советуют: контейнер не для открытия охоты, для него нужен обычный патрон. Да, патроны, снаряженные контейнером, можно и нужно иметь, если появится нужда взять горлицу или вяхиря на предельном или запредельном расстоянии от стреляющего. Но стрелять перепела или вальдшнепа, зайца или утку «накоротке», используя патроны, снаряженные контейнером, профессионал не станет. Этому безусловно можно возразить, например, есть мнение «отпускайте птицу подальше и стреляйте, конечно, искать трудно, можно и не найти, есть выход — покупайте собаку, она поможет, если собаку негде держать, купите раструбы». Да и мало ли как можно выйти из положения, — будут кстати и сменная пара стволов, в конце концов, не отпиливать же чековые сужения у нашего рядового или штучно изготовленного оружия. Словом, нужно покупать оружие, дающее охотнику возможность пользоваться любым по его выбору патроном. Предложение имеет смысл, но Ижевск и Тула выпускали и будут выпускать рядовое оружие, которое пользуется массовым спросом и доступной ценой. Говоря иначе, это те двустволки, применение в которых патрона, оснащенного контейнером, конечно, возможно, но далеко не во всех случаях. Кроме того, пыж-контейнер не применяется в металлическом патроне 12 калибра, и это не упущение разработчика, а его грамотная оценка материала (слишком велик риск применения полиэтилена и его производных в части поперечной деформации). Манипуляция длиной ствола, чековыми сужениями, дульными насадками и иными техническими решениями для успешного применения патрона, оснащенного контейнером, это та цена, которую приходится платить теперь уже тем, кто производит оружие. Анализируя ситуацию, можно прийти к весьма интересному выводу: не пыж под ружье, а ружье под пыж... Очередной проблемой является воз-

А волки ушли...

возможность приобретения оружия под удобный для промышленности патрон, причем эта проблема делится на две совершенно разные по содержанию, но единые по смыслу задачи. Одна — это стоимость такого оружия, другая — его наличие в магазинах. Учитывая среднюю стоимость труда, или проще — зарплату, охотнику среднего достатка, сменные стволы в чехле не помещаются — слишком дорога покупка, да и от мелькающих на витринах расстрелов глаз не проследятся. Такое оружие редкой и, как следствие, очень дорогой гость от промышленности.

Решить проблему между промышленностью «от оружия» и промышленностью «от боеприпасов», конечно, возможно, но нужен пыж, причем не два, как это было и есть сегодня, а именно один, с возможностью планирования его высоты. Безусловно таким могло бы стать устройство с применением древесноволокнистых материалов, но пыж десятикратного калибра обычной, стандартной высотой разваливается на части еще до введения в патрон.

Касаясь вспененного полистирола, то как материал он действительно и давно был рекомендован для изготовления пыжей мелких калибров, а акт, дающий право на применение пыжей, подписан еще в 1989 году Владыкинским заводом в г. Москве. Прошло десять лет, и где же Владыкинский пыж для мелких калибров? Однако не будем журить москвичей, владыкинцы сделали все, что смогли, и мы искренне благодарим их за это, половина пути было пройдено. Сегодня предприятием «Кречет» определена технология изготовления пыжей крупных калибров. Испытания дали возможность довести разработку до логического конца и получить возможность скоростного изготовления монообтурирующего устройства крупных калибров, отвечающего самым изощренным техническим требованиям, безусловно удовлетворяющим как промышленность в части автоматического снаряжения охотничьих патронов, так и охотников, снаряжающих патроны самостоятельно. Таким образом и уже не в первый раз заявляет о себе материал, могущий заменить: полиэтилен, войлок, опилки, парафин, бумагу и еще многое другое. И это только то очевидное, что легко увидеть, но откроем «двери» чуть больше, и станет виднеться еще одно из многих преимуществ; уменьшая вес двух пыжей в целом почти в 40 раз, скорость полета дроби увеличивается в среднем на 15—25 метров в секунду, позволяя стрелять дальше и вернее, используя мелкие номера дроби.

В чем же тайна нулевой активности производства, не лукавая ответим — в отсутствии нормальной технологии изготовления. Сегодня она есть, причем не только для мелких, но и для крупных калибров, о чем мы и сообщаем Вам с радостью.

Подробности о самом материале: журнал «Охота и охотничье хозяйство», 1991 год, стр. 28.

Из деревни Петрово позвонили, что у скотных дворов появилось множество волчьих следов. От райцентра Спириново это в 25 км по хорошей дороге на Олехново. Собралось шесть человек во главе с председателем районного общества, опытейшим охотником — Иваном Яковлевичем Лебедевым. Набились в ГАЗ-69 с лыжами и флажками. Дело представлялось простым, привычным: пройти по следам, обойти место предполагаемой дневки и обтупить флажками.

Выяснилось, что зверей всего двое — волк и волчица. Следы вопреки нашей логике вдруг начали забираться влево по болоту, в сторону Большедворского озера. Идти стало не только тяжело, но и опасно. Приходилось петлять, обходить незамерзшие участки. Снег стал подлипать к лыжам, на лыжные места проступала вода. А следы все шли среди редких чахлых сосенок, и нам ничего не оставалось делать, как тащиться по ним. Еще через час пути стало ясно, что волки пошли почти по берегу озера теперь уже ровно на юг. Ложиться здесь, в болоте, им негде, а придут они к большому лесу у дороги Спириново-Козлово вблизи деревни Казиха. Водителя отравили своим следом назад к машине, чтобы он перегнал ее к предполагаемому месту перехода волков через асфальт и ждал там. Не могли мы определить точное время прохода волков. А особенно сбивало с толку поведение самца. Метров через 300—400 он регулярно отходил в сторону, поворачивался в пятую, садился и слушал, как будто улавливал звук нашего движения, потом прыжками догонял волчицу.

Пришло время обеда, но о костре не могло быть и речи. Решили идти до дороги. Часам к двум выползли к асфальту. наших пенсионеров почти волоком перетаскивали через кювет. Следы вели через дорогу. Ожидая нас, шофер разложил костерок. Попили чаю, отдышались, успокоились.

— Пойду проверю, куда же они дальше пошли? — не унимался двуужильный Петя.

Перпендикулярно дороге, прямо по ходу волков шла по просеке лыжня в сторону Тупиковского болота. По ней и отправился волчатник. Минут через сорок он с выпученными глазами выскочил на асфальт в четырехстах метрах от нашей стоянки.

— Здесь легли, я круг замкнул — выхода нет. Быстро флажки!

— Опомнись, пока обматываем, стемнеет. Да и мало нас.

— А много и не надо. По их ходу встанем, куда у них направление. Я в загон. Тут круг-то в километр. Устроим им котел. Молодежь, Чех, Капитоша, хватать катушки!

Но желаемой скорости развешивания флажков не получалось. Сказывался переход через болото. Освободив свою

катушку, я остался на номере, ребята помотали дальше. Темнело очень быстро, особенно среди огромных елей. В наступившей тишине слышался гул проходящих по дороге машин, потом слабо донесся голос загонщика. Мое состояние казалось мне бессмысленным, ибо разглядеть зверя среди мощного елового погса невозможно, а уж услышать... Ну, что же, будем стоять за пугало, может, выйдут, где посветлее. Снова тишина, а загонщик еще ближе. И вдруг в этот напряженный момент передо мной, метрах в 15, на одном выдохе, громкий, хриплый выкрик-взрв: «Кха-ах» — и слабый шорох лапника. Ну и дела!.. Я-то волка не слышал, не видел, а он меня увидел, и это видение так его удивило-ошарашило, что непроизвольно, с перепугу вырвался у него этот звук. Удивительно, как со своей постоянной осторожностью он так малодушно себя обнаружил. Мне стало смешно.

Вдур с дороги раздался выстрел, а минут через пять крик: «Отбой!». А на дороге произошло такие события... Возле нашей машины стоял автобус, слышались возбужденные голоса, смех.

Решив, что волки назад через дорогу не пойдут, на всем участке оставили одного шофера. Да он и не таился, разгуливая по дороге. В Спириново возвращался с рыбаками леспрохозовский автобус. Увидев Толю Сухова с ружьем на дороге, шофер остановился.

— Ты чего, дорогу охраняешь?

— Тише, волки в окладе. Слышишь, загонщик кричит.

— Что, волки, где? Давай посмотрим, — высыпали из автобуса разогретые рыбаки.

— Теперь уже ружье точно ни к чему, — решил Толя, — от такого шума не то, что волк, корова убежит. И положил ружье в машину.

Мужики, разминая ноги, разбрелись по дороге. Но вдруг недалеко от самого крайнего из леса вышел волчище, как теленок, и спокойно отправился к дороге. Когда столбняк прошел, рыбаки рванули к автобусу с криками: «Волк, волк!». Толя метнулся за ружьем, но, когда выскочил на линию огня, зверь скрылся за деревьями. Бабахнув вдогонку, охотник с досады затопал ногами по асфальту.

— Где он, этот волчатник? Не пойдет через дорогу, не пойдет через дорогу! Да он едва между машин не прошел!

Удивительно, как этот думечуй зверь, обомлев от страха, когда обнаружил меня одного на номере, не побоялся пройти мимо шумной толпы в двадцати метрах, а через флажки не пошел. Как он понял, что один человек в лесу для него опаснее, чем вся эта ватага на дороге? И он нагнал страху на целую толпу, отомстив за свой испуг в лесу. Куда исчезла волчица, мы узнать не смогли.

В. ЧЕХЛЕНКОВ

Из окна городской квартиры

Кроме людей, машин, привычного городского пейзажа случается увидеть из окна московской квартиры гостей из леса. Бросаешь все дела, открываешь «запечатанное» на зиму окно и ловишь объективом сверкающих яркими красками свиристелей.

Между домов ягоды рябины. Осенью они привлекали дроздов, теперь прилетают свиристели, снегири, другие птицы. Чечетки выщипывают семена из березовых сережек, мелькают в ветках яркие чижи, но быстренько улетают, едва шевельнешь шторы.

Иначе ведут себя давно обжившие город птицы. Заметив, что открылось окно, голуби сметают с подоконника снег ветром от крыльев. И воробьи тут как тут. Вороны подлетают ближе, ждут, не перепадет ли что-нибудь им. Зимующий в городе грач, не стесняясь мороза, кричит, как весной, во все горло.

Не первую зиму прилетает ястреб-перепелятник. Возле окна высокая береза. Он выбрал ее для засады. Полосатая грудь, скромная окраска неплохо маскируют его среди веток березки. Долго сидит, высматривая добычу, и вдруг срывается за голубями, пропадая с ними за крышей соседнего дома.

Закрываешь окно. Как будто побывал в лесу на настоящей фотоохоте.

А. СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

Как обойтись без «Бенелли»?

Размышления неспециалиста

И. АЛЁХИН

Озаглавив так свое письмо, я хотел сказать, что, не являясь специалистом в ружейной технике, все же могу иметь в этой области собственное мнение, которое, в свою очередь, может быть если не полезным, то по крайней мере интересным людям, имеющим к этой технике какое-либо отношение — от производителей до потребителей, по большей части простых, как принято говорить, охотников.

И поговорить хочется о вопросах простых, повседневных, всесезонных, поговорить спокойно, без эмоций, не кидаясь в крайности. А крайности эти во мнениях наших охотников — владельцев стреляющих устройств — выражаются в том, что существуют по большому счету два варианта: первый — наши отечественные ружья и в подметки не годятся заграничным, второй — наше оружие лучшее в мире.

В моем суждении категоричности нет: я скажу — есть факты, говорящие о первом, но есть и такие, которые за второй. Эти, правда, больше к военной технике относятся, мы же поговорим об охотничьих ружьях, причем о самых обычных, расхожих, недорогих.

Возьмем, к примеру, рабоче-крестьянскую модель ИЖ-43М. Если размеры и форма стволов этого продукта модернизации хорошо известного и неплохого ИЖ-58 без лишнего придирок нареканий не вызывают, то ложа, в частности приклад, так и просит задать вопросы: кто и почему мог придумать такое убожество формы? Для кого? Рубль за сто — не охотники конструировали этого мутанта-весла для гребли одной рукой, которое к тому же ваял столяр накануне белой горячки. Дорогие ижевчане! Кто сказал, что прямоугольная форма в сечении шейки приклада прочнее круглой? Если ломать попереки — возможно, но ведь приклад принимает в основном продольные нагрузки, если только не добивать ружьем, как палицей, подстреленную живность. Если взять брусок со стороной пять сантиметров (или двадцать, какая разница) и кругляк диаметром таким же и расколоть вдоль посередине, то очевидно, что площадь раскола у них одинакова, а значит, будет равным и раскалывающее усилие. Так что реклама о том, что ружье ИЖ-43М, а также, конечно, ИЖ-27 имеют усиленную

ложу, — просто, мягко говоря, не соответствует действительности. Вернее было бы сказать, что эти ружья имеют утяжеленную ложу. Непонятно, зато правда. А то, что я лично склеил, поставил скрепляющие нагели и даже стяжные болты со щечками у нескольких десятков «усиленных» прикладов, только подтверждает мои выводы.

Неприкладистость лож ижевских двустволок, выпущенных в последние пять-шесть лет, общеизвестна. Ложи, и без того напоминающие отшлифованные обрубки буковых и ореховых досок, имеют совершенно недостаточный вертикальный погиб, а планка прицельная при вскидке торчит стоймя, словно из этого ружья только и надобно стрелять что по угонным тарелкам на стенде.

Вертикалка ИЖ-27 и так имеет очень высокий профиль, а грубые формы приклада и цевья только усугубляют это. В старом ИЖ-12 ложа была «то, что надо», как и в выпускающемся до него ИЖ-59 «Спутник», — так на кой ляд надо было уродовать ружье? Сейчас, слава богу, в Ижевске вернулись к старым формам приклада — наверное, это тоже называется модернизацией.

Но сколько ни ставь после цифр «27» букв «М», ружье от этого другим не станет. Хоть даже будет оно «ИЖ-27МММ», название для него как нельзя более точно выразил приехавший ко мне в гости московский охотник: «кондовое». Стою, говорит, в Завидове весной на тяге, природа такая нежная, птички поют тихонько, и вот вальдшнеп вылетает, прекрасно и легко порхая, а у меня в руках ИЖ-27, такое, кондовое, и я из него ба-бах... Грубо все так.

И все-таки и ИЖ-43, и особенно ИЖ-27 покупают и будут покупать. Кто-то не разбирается в форме ложи, кому-то на это наплевать, кого-то прельстил миф об особой прочности ижевских ружей по сравнению с тульскими...

Механизмы «ижевок» сделаны добротно и на совесть, но в последнее время появилась одна беда — осечки. То ли боевые пружины слабоваты, то ли «жевелы» нынешние жестковаты — во всяком случае можно по совету одной из статей в нашем журнале оттянуть молотком бойки (или боек, если речь идет о каком-то еще стволе) и положить под пружины шайбочки милли-

метра по три толщиной. Но лично я поступаю проще и, думаю, вернее: заменяю штатную боевую пружину (или обе) на боевую пружину с одноствольных ижевок, причем годятся как с бескурковых, так и с курковых. Они и длиннее и толще, но ничего, становятся! Потом я забываю про осечки и жесткие капсуля.

Поговорим о тульских двустволках-вертикалках. Это, прежде всего, известное всем ТОЗ-34. Считаю, что по прикладистости, посадистости, маневренности, балансу это ружье даже трудно сравнивать с угловатыми ижевскими бокфлинтами. Тот, кто охотился с ТОЗ-34, никогда без нужды не поменяет его на ИЖ-27 — не считая, конечно, тех, кому вышеперечисленные данные безразличны. Не приводя никаких цифр, скажу — это два совершенно разных ружья. Как конь отличается от быка, как «Жигули» от «Москвича» — так и тозовка отличается от ижевского изделия.

Наверное, могут быть досадные исключения — мне их встречать не приходилось, — но могу образно сказать: ТОЗ-34 просто просится в руки, тогда как ИЖ-27 обременяет их. Округлое, без зазоров прилегающее к стволам тульское цевье лежит в ладони, «як там и було». Охватив рукой шейку приклада, понимаешь — ничего ни добавить, ни отнять здесь нельзя, а ведь я сам и столярничал, и делал ложи. Погиб, отвод — без нареканий. У ружья отличный бой, малый вес. В общем, не ружье, а песня.

И вот слышно уже давно, что собираются снять ТОЗ-34 с производства. То заменить его собирались мифическим ТОЗ-84, то принципиально новым ТОЗ-91. Теперь вот «сто двадцатую» разработали... ТОЗ-84 не знаю — в нашем тысяченном обществе нет его ни у кого, а вот «девяносто первую» модель отремонтировать приходилось. Мое мнение — даже не верится, что ружье сделано на том же заводе, что и ТОЗ-34. Стволы только похожие, а все остальное — другое и... хуже. Цевье грубее, толще, защелку вряд ли кто назовет удобной, тоненькие толкатели-взводители торчат из колодки, словно шила обломанные, даже на вид ненадежны, к стати, я их и менял уже пару раз. Но самое удручающее, что

ложа, одно из достоинств ТОЗ-34, превратилась даже не в жалкое подобие, а просто в карикатуру на старую.

Но и о недостатках ТОЗ-34 сказать надо, хотя, на мой взгляд, они очень незначительны. Да, это ружье, пожалуй, не обладает таким запасом прочности, как, скажем, ИЖ-27 и тем более, к примеру, ИЖ-54. Ну так и не надо насиловать его с русской тупостью не предназначенными для него зарядами. Колодка-то у ружья гляньте какая — с нетолстыми стенками, в вырезах и пазах. Не любит изыщное ружье больших зарядов! А мы ему — 2,3 грамма «Сокола» и 36 — дробь! Чтобы, значит, больше подбить... Да обтюратор поставим, да сожемем досильнее... А потом и ложи расколотые, и шат преждевременный. И не только у тулок — у ИЖ-27 ложи даже чабы колотятся.

И тут есть две проблемы, две основные причины раннего износа и поломки. Первая — плохая заводская подгонка деталей, как деревянных, так и металлических. От владельца ружья в большинстве случаев тут мало что зависит. Разве что сможет он выявить плохую врезку металла в дерево и сам подогнать как надо. Но сколько таких? Осадчики ложи на Тульском заводе — особая специальность, и я, например, как надо, с гарантией подогнать и стянуть ложу на ТОЗ-34 в домашних условиях не берусь.

А вот на ИЖ-27 и других моделях, где есть стяжной винт, проходящий через приклад, — пожалуйста, нет проблем. Кстати, владельцам этих ружей необходимо осматривать ружье и при необходимости подтягивать стяжной винт. На ТОЗ-34 этого сделать, к сожалению, нет возможности, и появление шата между прикладом и колодкой устранимо лишь в специально оборудованной мастерской, — или в заводской.

Вторая причина, приводящая к «расхлябанности» ружей, — чрезмерный заряд. Я уже об этом говорил. Но это, так сказать, один подпункт.

Другой заключается в том, что наша в меру расторопная промышленность в настоящее время предлагает охотникам порох «Сунар», при этом во всеулышанье заявляя о его достоинствах, забывая предупредить о недостатках. Да и есть ли у него недостатки? То, что с этим порохом надо обращаться аккуратно, — недостаток ли это? Ведь и с «Соколом» надо быть внимательным! Но дело здесь не в аккуратности, вернее, не только в ней.

«Сунар» — быстрогорящий порох. То, как происходит его горение в сжатом в той или иной степени состоянии, человеку, не искушенному в области внутренней баллистики и условий протекания химических процессов, понять не легко. Да и нужно ли? Ему нужно, чтобы дробь его патронов быстрее и кучнее летела, ружье оставалось бы целым, да плечо не болело. В случае применения дымного пороха все чрезвычайно просто — при увеличении заряда увеличивается скорость дроби, грохот и отдача. В современных ружьях

использовать можно практически любой заряд «дымняка», лишь бы в гильзу влез, — вреда от этого ружью не будет. Плечо и голова — не в счет, мы ведь говорим о ружьях. Так вот, нет такого заряда дымного пороха, который при нормальном способе заряжания повредил бы, скажем, обычное ИЖ-27. Такой заряд просто не влезет в гильзу. Вот и все.

Другое дело — «Сокол». Этот порох бездымный, он гораздо мощнее дымного — но тоже весьма предсказуем и сравнительно малочувствителен к способу заряжания. Повторюсь: сравнительно малочувствителен и добавлю — по сравнению с «Сунаром». Вообще, насколько я понимаю, «Сунар» — военный порох, пистолетный, или что-то в этом роде. Не было бы вынужденной конверсии нашей оборонки, мы, охотники, про этот порох и не знали бы. И слава бы богу. Потому что на «совести» этого пороха много испорченных ружей... и еще будет немало. Многие возражают: да что ты несешь, порох отличный, места в гильзе занимает мало, после него, если правильно заряжать, в стволе чисто, резкость отличная... Да.

Фото Т. Баженова

Но «Сунар» — очень капризный порох. Очень чувствителен к сжатию и амортизационным свойствам пыжей. В условиях конвейерного производства патронов это несущественно — ведь там механизмам заданы строго выверенные параметры, и результаты

стрельбы таких патронов абсолютно предсказуемы.

А когда начинается «самодеятельность», ожидать можно всего. Посмотрите на данные результатов отстрелов патронов с «Сунаром», в которых заряд пороха был постоянен и менялся лишь тип пыжей — какой большей, если не сказать невероятно большой, разброс давлений только из-за замены пыжа на более жесткий, или при переходе на другой способ закрытия дульца гильзы. Так это в лабораторных условиях! А кто замерял давления в изготолвленных самими охотниками патронах, где в качестве пыжей используется все — от сжатых с неопределенным усилием опилок до продающихся в магазинах кооперативных суррогатов? Ведь, применяя «Сунар», очень легко получить неожиданный скачок давления пороховых газов в стволе ружья с 600—700 атмосфер до 1000—1200!

Да, наши ружья выдерживают это, не разрываются. Но износ их ускоряется катастрофически. Отсюда и шат стволов в колодке, и трещины в ложе...

Лично я очень скрупулезно отношусь к зарядке патронов, но для себя решил по возможности пользоваться только «Соколом», тем более что «Сунар», стоивший намного дешевле «Сокола», теперь вздорожал, так что разница по деньгам небольшая...

Но вот настало время перейти к еще одной «самой массовой» модели, за которую уж писано-переписано столько, что, казалось бы, хватит. Однако я посчитал, что не все о ней сказанное — правда и, с другой стороны, не вся правда сказана. Речь, конечно же, пойдет об МЦ-21-12, много раз воспетом и не единожды хаянным ружье.

Справедливо будет заметить, что сколько есть владельцев этого полуавтомата, столько есть и мнений о нем. Я тоже на зайца и гуся хожу с МЦ и имею собственное суждение о его боевых и эксплуатационных качествах.

Если говорить о бое, то ничего особенно выдающегося показать это ружье не может, но и плохим его назвать нельзя. Все рассказы о простреленных насквозь с 70 метров пятеркой глухарях, равно как и уверения в том, что «пятизарядка» бьет какой-то мифической «струей», меня просто утомляют, и мне невыразимо скучно разговаривать с людьми, сочиняющими эти сказки для необразованных. Но их, этих людей, никак не убывает! Это просто «Синдром пятизарядки» какой-то, ей-богу. И где в этих рассказах вымысел, а где — невежество, понять иной раз трудно.

Чуть отступив, хочу немного пройтись насчет все той же самой стрельбы на 70 метров. Господи, «уж сколько раз твердили миру...», что максимальная дальность для стрельбы дробью составляет 50—55 метров, и это при условии отличного ружья, большого заряда крупной дроби и не-по-движной цели (разрядка тут моя, а вот слова не мои, это слова серьезных иссле-

дователей как за рубежом, так и у нас). Обратясь к материалам журнала «Охота и охотничье хозяйство», можно при желании найти прейнтрестнейшую статью серьезного автора под названием «Дальность действительного поражения дичи». Там описывается, как американские охотники, из самых лучших стрелков, стреляли по дичи — уткам и гусям — различными зарядами — до 53 граммов дроби, а сидевший рядом егерь с дальнометром (!) измерял дистанцию, записывал результаты и впечатления стрелков. Ну и каков результат? А то, что у **всех**, стреляющих за пределами 50 метров, появились подранки. Про 70 метров разговор вообще не шел. Это серьезные люди. Это лучшие стрелки, лучшие ружья, лучшие патроны лучших фирм — «Винчестер», «Ремингтон», «Итака»...

Но у нас, конечно, все по-другому! У нас вот вышел порох «Сунар-Магнум», ца мы в гильзу семидесятимиллиметровую насыпем скоко влезет дроби — ага, аж 42 грамма! — ну и, конечно, сразу у нас выстрелы на 70 метров по гусю — «вполне уверенные»! Что там американцы со своим настоящим «Магнумом», который они давным-давно выпустили и всесторонне испытали, — мы со своей уверенностью их за пояс заткнем, хотя бы на страницах охотничьего журнала. У всех в мире попадание на 70 и более метров считается из разряда случайных — а мы бьем «уверенно»!

Для нормальных людей давным-давно ясно, что патроны «Магнум» ценны как раз тем, что уменьшают количество подранков **на нормальных дистанциях**. И это, повторяю, при зарядах свыше 46 граммов дроби, а не в 42, как у наших доморощенных исследователей.

Кстати, в той же статье приводится мнение крупного американского специалиста в этой области, который называет рассказчиков о стрельбе на 70 метров хвастунами и болтунами и предлагает лишать их за это права охоты. Я склонен целиком и полностью разделять это мнение, потому что люди, участвовавшие в эксперименте, — не клоуны (с сильным ударением на частицу «не»), а кроме того, их выводы полностью совпадают с моими, кои я сделал безо всяких глубокомысленных исследований единственно на основании личного опыта.

Теперь вернемся к ружью. Так как МЦ-21-12 — полуавтоматическое, то естественно считать требование к работе его механизмов с точки зрения надежности одним из основных, если не главных. И что же мы в этом плане имеем? Можно с полной ответственностью сказать, что если механизм изготовлен на заводе без брака, то при использовании качественных патронов сбоев в работе автоматики не будет — лишь бы владелец ружья не забывал о его надлежащей смазке.

Период начала и середины последнего десятилетия ушедшего тысячелетия был для Тульского оружейного очень

сложным и трудным, поэтому ружья, выпущенные в эти годы, особенно в рядовом исполнении, грешат качеством изготовления и сборки. Лично у меня имелось МЦ-21-12 выпуска 1993 года, которому я так и не смог «дать ума», несмотря на все мои старания и ухищрения. Мало того, перевоспитать полуавтомат и отучить его плевать заряженными патронами не сумели и на родном ТОЗе, куда я в конце концов повез ружье, отчаявшись понять его норы. Я пробыл в Туле две недели, за это время мы с наладчиком несколько раз ездили на стрелковый стенд в Горелки пробовать ружье после очередного сеанса слесарной терапии, и в конце концов я получил свой полуавтомат, в котором к тому времени были заменены почти все детали механизма, с обещанием, что «должен работать». На мой вопрос, в чем же все-таки была причина безобразной работы механизма перезарядки, мастер задумчиво ответил, что такого ружья ему еще не попадалось и что, как ему кажется, у этой «эмцешки» повреждена ствольная коробка... Это заявление приступа оптимизма у меня не вызвало, однако ни времени, ни денег тогда в наличии уже не оставалось, и я покинул город-герой в мрачной уверенности, что продам полуавтомат, как только его еще раз стошнит невыстреленным патроном. Это не заставило себя долго ждать, и мы расстались с так и не покорившимся ни мне, ни своим «родителям» ружьем. Я продолжал успешно охотиться и стрелять на стенде с покладистым и ладным ТОЗ-34, но червячок неудовольственного самолюбия глубоко в душе все же точил незаметно для глаз, и, наверное, поэтому в 1996 году я купил по случаю недорого абсолютно новое МЦ-21-12, сделавшее за свою жизнь не больше десятка выстрелов и при этом выплюнувшее столько же патронов на землю.

Произведено ружье было все в том же 1993 году! К тому же страдало той же самой болезнью — но я упрямо купил его, соблазнившись ценой и... возможностью доказать, что смогу его наладить.

Не приступая к стрельбе, разобрал ружье до последней из его семнадцати пружин, залилил надфилями все огрехи в выступах и пазах механизмов и даже отполировал некоторые из них. Затем все протер и смазал.

Опробовал — ружье работало безотказно. Оно работало, а я ждал подвоха, потому что все, что сделал, я делал и в том непокорном ружье. Но новое работало как положено.

Я купил ему новую ложу из полосатого ореха взамен его сиротской буковой, украсил ее резьбой и пропитал натуральной олифой.

Оно и сейчас у меня, и мне нравится охотиться с ним, хотя оно не обладает каким-либо мифически особо кучным и резким боем, о котором так любят писать люди с богатым воображением.

Задержки в работе у моего МЦ бывают, и на них я хочу остановиться бо-

лее или менее подробно единственно, чтобы помочь советом тем, кто в этом нуждается.

Сбои в работе автоматики моего ружья за четыре сезона были только двух видов. Первое — это «знаменитое» застревание ствола в заднем положении. Считается, что причина тут «классическая» — нерасцепление ствола с затвором. И «виноват», дескать, в этом боевой упор затвора, который имеет нерациональную цилиндрическую форму и, запирая ствол, соприкасается с ним лишь в одной точке, вернее, линии, находясь в отверстии хвостовика ствола. Возникающие большие нагрузки, мол, заставляют «привариваться» металл. Теоретически это выглядит неплохо, но я заметил, что оное нерасцепление ствола с затвором происходит у моего ружья исключительно тогда, когда я по собственной лени или забывчивости применяю на неотвественных охотах — например, по утке — некалиброванные патроны в стреляных гильзах. А в случае использования новых гильз нерасцепления не происходит никогда, ружье работает, как часы. Случайно ли это? Думаю, нет. Мне кажется, что «приваривание» металла боевого упора затвора к хвостовику ствола здесь ни при чем, тем более что и упор, и отверстие для него в хвостовике хорошо смазаны. Причина нерасцепления в другом — некалиброванная раздвигавшаяся гильза прочно заклинилась в патроннике, «уцепившийся» за нее своими зацепами затвор удерживается на месте рычагом подателя, а ствол просто не может «сняться» с гильзы — для этого не хватает силы возвратной пружины ствола — она хоть и мощная, но все же силы ее недостаточно, чтобы «сдернуть» ствол с застрявшей гильзой. Возможно, в разных ружьях сила сжатия — и разжатия, конечно, тоже — этой пружины может быть различна.

И еще. Несколько «знакомых» мне полуавтоматов ТОЗ-87 абсолютно не грешат нерасцеплением и вряд ли только из-за прямоугольной формы боевого упора — любые гильзы удаляются у них из ствола безотказно и со страшной силой — зацепы затвора аж разгибают и рвут крайнюю гильзы, — но выдирают ее из патронника без страха и упрека. Разница в этом смысле между ТОЗ-87 и МЦ-21-12 в том, что в первом ствол стаскивается с неподвижной гильзы, удерживаемой затвором силой пружины, а во втором гильза вытаскивается из ствола силой пороховых газов, толкающих в конечном итоге затвор. И, проща говоря, газы-то посильнее будут, порезче. Но, кстати, в моем первом МЦ экстракция гильз была мощной, некоторые гильзы вылетали с разогнутыми и порванными закраинами, если «плохо слушались». Видно, возвратная пружина ствола была помощнее нынешней. При случае куплю подобную. И всем советую. Но можно просто хорошо калибровать применяемые патроны, вот и все.

Памяти друга

Вторая задержка в работе ружья заключалась в том, что злосчастный патрон падал на землю! Но если в первом моем МЦ вниз выпадал тот патрон, который должен был идти в ствол, и ружье таким образом оказывалось незаряженным, то у второго — нынешнего — под ноги летел патрон, который при только что «принявшем» патрон стволе должен был удерживаться в магазине правым останком. Почему-то обычно это был четвертый патрон, реже третий или пятый, а так как необходимости в таком количестве выстрелов чаще всего не было, я какое-то время сильно не расстраивался по поводу выпадения. В любом случае ружье стреляло лишь на один раз меньше того количества патронов, которое было в него заряжено. В конце концов это стало меня забавлять и тем самым внушило мысль, что причина здесь пустяковая. Так и оказалось.

Правый останок и защелка подавателя имеют общую ось, на которой они поворачиваются. Выбив ось и осмотрев останок, можно увидеть, что с внешней стороны он имеет упирающийся в стенку ствольной коробки выступ-пяточка, величина которого определяет соответственно величину выхода грани останова, в которую упирается закраина удерживаемого останком в магазине очередного патрона. Зависимость здесь обратно пропорциональная — то есть чем короче этот выступ-пяточка, тем больше останок перекрывает выход патронов из магазина, и наоборот. В моем ружье как раз и было наоборот: выступ был велик, останок недостаточно надежно удерживал патрон — достаточно было сотрясения, и тот «проскакивал». Подпилив выступ «самую малость», я дал останку возможность нормально выполнять свою функцию. Сбой прекратился.

Я рассказал об устранении причины, вызывающей «несанкционированное» выпадение патронов, о которой, по моему, не упоминалось никем, хотя на тему ликвидации других сбоев в работе автоматики написано немало и грамотно и, надо думать, будет написано еще много. Вообще, по моему, об МЦ-21-12 можно написать довольно объемистую книжку. Наверное, это хорошо, потому что далеко не каждое ружье этого заслуживает...

Но своему сыну к будущему сезону я надеюсь купить газоотводное ТОЗ-87, лишенное многих недостатков «эмцешки». Тогда можно будет рассказать о своих впечатлениях от «восемьдесят седьмой», чего еще, как ни странно, не сделал на страницах нашего журнала никто...

И какой же вывод относительно качества отечественных ружей можно сделать в конце этого короткого очерка? Единственное, о чем можно сказать с уверенностью: многие тысячи так называемых «рядовых» охотников в обозримом будущем смогут обойтись без «Бенелли», не понеся большого морального ущерба...

Внезапная кончина Владимира Вукуловича Шурыгина в прошлом году потрясла всех, знавших его. Мы потеряли настоящего друга, коллегу, Охотоведа с большой буквы.

Родился Владимир Вукулович 8 марта 1933 г. в с. Унэгэтэй Бурятской АССР в крестьянской старообрядческой семье. С ранних лет он пристрастился к промысловой охоте, благо тайга была рядом — раскинулась по обоим берегам речки Курбы. После окончания средней школы он, не колеблясь, выбрал себе будущую профессию, поступив в 1953 г. на факультет охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, где уже учился его дядя С. К. Устинов — будущий известный сибирский охотовед и териолог.

В 1958—1960 гг. Владимир Вукулович, молодой специалист, работает в Тункинском КЗПХ, а затем с семьей переезжает в Туву, где организуется опорный пункт Красноярского отделения ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б. М. Житкова. В г. Кызыле в короткий срок он смог возвести пятистенный дом для опорного пункта, создал сеть охоткорреспон-

дентов. С охотоведом Никифоровым занялся изучением биологии промысловых животных и формированием охотничьего хозяйства Тувы. В течение последующих 15 лет они изъездили все районы республики, исследовали аборигенную колонию тувинских бобров, приступили к стационарному изучению тувинского соболя, участвовали в организации коопзверопромхозов и госпромхозов. С 1976 г., регулярно приезжая к Владимиру Вукуловичу на полевые работы, мы всегда ощущали товарищескую заботу и помощь бесценного заведующего опорным пунктом. Систематический сбор коллекционного материала, оригинальные наблюдения позволили В. В. Шурыгину значительно расширить научные знания в области морфологии и экологии соболя, ондатры, белки, волка, медведя, изучить состояние редких видов млекопитающих Тувы. За 33-летний период работы из-под его пера вышло более 60 добротных публикаций. А сколько им написано отчетов по народнохозяйственным темам, в частности по описанию и кадастровой оценке популяции тувинского соболя.

Неутомимый исследователь, он был опорой для близких и друзей в повседневной жизни. Вместе с женой, Марией Минаевной, они воспитали двух прекрасных детей.

Находясь на пенсии в родной Бурятии, он не терял связи с Енисейской Сибирью, участвовал в работе конференций, семинаров, консультировал молодых специалистов.

Владимир Вукулович пользовался большим авторитетом среди охотников и охотоведов Сибири, был отважен и неутомим в трудных таежных маршрутах, всегда мог выручить в трудную минуту. Добрая память об охотоведе, внесшем заметный вклад в изучение териофауны центральноазиатской республики, останется в сердцах всех, имевших счастье работать и жить рядом с ним.

М. СМЕРНОВ, А. ЗЫРЯНОВ, Г. КЕЛЬБЕРГ

ПК «ТОНАР»

*изготавливает
и реализует:
капканы охотничьи
№ 0, № 1, № 2, № 3, № 5
ледобуры рыболовные
диам. 100 и 130 мм;
якорь лодочный складной*
Тел/факс
(3852) 39-88-24,
тел. (3852)
77-46-12, 77-29-21
*Наш адрес:
656037, г. Барнаул,
пр. Калинина, 57*

Кооператив «Ирбис»

принимает заявки и высылает
наложенным платежом
костюмы для охотников
- летний костюм (камуфляжный -
цена 620 руб.)
- костюм из белой ткани
(парашютная)
с белыми перчатками -
(цена - 676 руб. плюс 13 %
почтовых расходов)
В заявке указывать
размер и рост
Заявки по адресу:
61136, г. Харьков,
до востребования
Рыкову Виктору Тихоновичу
Тел. (0572) 64-31-13

СЛУЧАЙНОСТИ

Сергей КУЧЕРЕНКО

Виктор Головин в кругу друзей своих частенько сокрушенно говаривал: «Живу я из рук вон неправильно, ибо родился для того, чтобы стать таежным промысловиком, на худой конец лесоводом, геологом или топографом, а выучился и вот уже двадцать лет работаю инженером-путейцем. Сколько раз приходил к мысли, что лучше потерять полтора-два десятка годков и начать жизнь сначала согласно своему предназначению, чем загубить ее всю, а вот ни воли к такой перемене не оказывалось, ни условий».

Но каждый год он брал отпуск, вооружался, экипировался и уходил в тайгу и целый месяц отводил душу на зверовой охоте. Были среди его друзей профессиональные охотники, жившие в глубинных селах, принимали они его в свои законные угоды радостно, отдавали «в аренду» самые зверовые угоды. И целый месяц днями они промышляли, а долгими вечерами вели нескончаемые разговоры о всяком, и больше всего о таежных былях и людских судьбах между тайгой и небом.

Вот и в начале этой зимы договорился он нагнать в гости к другу детства Ивану, счастливо ставшему охотоведом, и на егерском кордоне его промхоза в настоящих уссурийских дебрях «посостязаться» с серьезным копытным зверем.

Был тот кордон в сорока километрах от небольшого районного центра, где стояла центральная база промхоза. Путь этот обычно одолевался с Иваном, но теперь он по непредрешенным неолетным делам задерживался на неделю, и Виктор двинулся в тайгу один, отказавшись терять дорогое отпускное время.

Тот двухдневный переход Головина по сути должен был быть простым и привычным, потому что все было хорошо спланировано, и даже в мелочах предусмотрено, а путь пролегал по в общем знакомым сопкам. Но живем мы в мире случайностей, которые всегда рядом с нами и терпеливо подстерегают, и вовсе нередко, для того чтоб ударить внезапно, наверняка в самом неожиданном месте и времени. Не потому ли еще предки наши говаривали, что не в воле человека путь его и не принадлежит ему будущее и что почти вся его жизнь состоит из последствий непредсказуемых случайностей.

Вот и теперь: случайно прошел Головин занесенный снегом отводок тропы на промежуточное зимовье, в котором должен был переночевать на половине перехода; до нелепости случайно в Ивановом доме оставил в сменной

одежде спички и оказался один на один с заснеженной стьлой тайгой уже на виду ночи. Она вполне могла стать его последней ночью, ибо всякие попытки добыть огонь выстрелами из карабина ни к чему не привели, ему только и оставалось идти на своих лыжах вдоль реки и по ней в мрачное ночное никуда.

После того как вымок он почти по пояс, случайно «забурившись» в коварно прикрытую снегом наледь и, оскользнувшись, рухнув в нее, надежд спасаться почти не стало. В потерянном состоянии он туманно подвопил итоги жизни, в скупых горьких слезах вопрошая все же Бога, за что Он так сурово его наказывает, как неожиданно уловил кислотоватый запах дыма. Того самого, что источают тлеющие сырые головешки... Усилием воли обострив органы чувств и замерев с трепещущими ноздрями, Головин убедился, что дымом и в самом деле пахнет, хотя и с трудом верилось в это под черным безмолвным замороженным небом, в мертвой тишине которого еле уловимо звенели микроскопические кристаллики льда.

И на последних силах заторопился он на тот запах дыма... И вышел — подумать только! — к погасшему, но еще теплившемуся кострищу, оставшемуся на месте непредвиденного привала случайно проходившей по этим местам бригады охотуправления, искавшей матерых браконьеров.

С мольбою: «Господи, помилуй и помоги!» — к которой прибежал лишь в исключительных обстоятельствах, он опустился на колени и стал торопливо и осторожно, крупно сотрясаясь от задубелости и волнения, разгрести золу кострища... И вот ударил в глаза красный мерцающий уголек... И еще... И третий!.. Протирая затягивающиеся слезами глаза, он бегло охватил окружавшие его деревья затуманенным взглядом и увидел тускло белеющую березу и ринулся к ней сдирать лоскуты коры... А когда они по-ребячьи весело, как ни в чем не бывало, занялись, озорно потрескивая, веселым чернокрасным пламенем, выхватывая из темени окружение кострища, увидел Головин будто специально для него срубленную и поднятую к огню, но за необходимость — опять случайно! — несомненную богатую сушину маньчжурского ореха, да еще в коре, прекрасно горящей в мокроте...

Всю коммунистическую свою жизнь он был атеистом и теперь не находил веских доказательств существования Всевышнего, хотя и не отрицал уже его, но при виде стремительно набирающе-

го силу пламени трижды перекрестился и поклонился, искренне благодаря Бога и уверяя, что отныне и навсегда будет верен ему и его заветам.

Всего через полчаса у яркого огня он обогрелся до покраснения кожи, обсушил одежду и обувь и уже планировал устройство удобной лежки в больших расколотых дуплах с дымящимся от жара лапником. А еще через четверть часа, сытно поев и напившись крепко заваренного чая, он счастливо лежал в спасительных объятиях тепла и обдумывал события этой ночи, которая не стала последней в его жизни лишь благодаря случайности, на этот раз счастливой.

Не дала она Головину погибнуть, однако простуда возможности серьезно навалиться не упустила. На тусклом рассвете, едва взобралось мерзлое солнце на зубчатые верха затаежных сопки, он был в цепких лапах хвори уже настолько, что с трудом набрался сил обновить огонь в костре и положить на него для долгого горения три толстых сырых огарыша. Знобило, тело покрылось испариной, чувствовалась повышенная температура, не хватало воздуха. И такая чугунная слабость наваливалась час от часа... И таким беспощадным оказывалось это его одиночество посреди тайги, что снова пришлось обдумывать отжитые годы и опять спрашивать Господа, за что все же он так сурово с ним обходится.

Воспаленным сознанием Головин решил, что у костра он с набравшей силы болезнью не справится и надо быстрее, пока не ослаб окончательно, идти к ближайшему зимовью, в котором он два года назад ночевал, до которого было около четырех километров. Стояло оно в стороне от его маршрута, и лучше было бы добраться до егерского кордона, однако было до него втрое дальше.

Но вот неопределенность: а что если эта ближняя изба сгорела? Или теперь просто в нежилом состоянии, без дров и печки. Да и не окажется в ней спичек... «Но будь что будет, — решил Виктор, — до кордона все равно не дотяну по этим снегам, остается шагать в ближнее. Огонь как-нибудь добуду. И в конце концов, семи смертям не бывать, а одной не миновать».

После недолгих сборов он двинулся к этой избе, но не отошел и полсотни метров, как увидел свеженатоптанную тигром тропу. Вокруг его ночлега... Прошел по ней, внимательно приглядываясь к следам и лежкам на снегу, и заключил: интересовалась им взрослая тигрица, и интересовалась серьезно, в

течение нескольких часов... Что ей было нужно от одинокого человека у костра — поди спроси. Всегда ведь полосатые владыки уссурийской тайги настораживаются при появлении в их безраздельных владениях человека и стараются выяснить, с какой целью тот пришел. Конкурентом по промыслу его считают, опасным врагом, по всем статьям персоной нон грата. Никогда не было мира между владыкой тайги и властелином планеты всей, и вряд ли когда он наступит.

Ушла тигрица совсем недавно — как только поняла, что человек покидает это место. Еще раз прошелся Головин по ее следам и на отпечатке правой передней лапы заметил отсутствие внешнего пальца. Постоял, прислушался... Но тишина была нешелухнутой, и был уверен Головин, что так же намертво стояла и Беспалая, наблюдая за ним и оставаясь незамеченной.

Виктор знал, что этот всеильный хищник на людей по собственной инициативе, как правило, не покушается, однако исключения из этого правила были, есть и будут. Вкус человечины некоторым полосатым громилам ведом, и эта дама в полоску тоже могла его оприходовать, пусть и случайно. Но вот не суждено было ему умереть здесь и сейчас, и все тут. Значит, не судьба завершить жизнь сегодня и в той избе, куда пошел.

И зашагал, насколько позволяли силы, бодро.

Да, не судьба. Он едва-едва, но все же до того зимовья доплелся. И оказалось оно обихоженым хозяйственным охотником, в нем все было в порядке, и сухих дров стояло несколько поленьев, и сырые чурбаки были сложены в штабелек. И даже хорошо укомплектованная аптечка покоилась на полке в дальнем углу! С аспирином и антибиотиками! И это дало основание Головину, несмотря на то, что простудная хворь вошла в нешутельную силу, оптимистически заключить: «Мы еще повоюем!» И невзвест кому пригрозил: «Нет, просто так меня не возьмешь! Не на все воля Божья, кое-что и мы определяем!»

Пролежал Виктор в том зимовье четыре дня, температуру сбил, в силах порядком восстановился и решил идти к конечному пункту своего затянувшегося путешествия. Хозяин так и не появился, и Головин оставил ему записку со своим адресом и уверениями в том,

что за постой в его жилье отблагодарит при первой же возможности. А для начала благодарения придавил ту записку у окошка прелестнейшим походным барометром, которому у промыслового таежного люда не было цены... Головин терпеть не мог халяву и всегда руководствовался принципом: за все хорошее надо платить, особенно в тайге. Впрочем, за нехорошее он тоже стремился расквитаться. Не был он сторонником кидаться хлебом, когда в него бросали камни, и правую щеку после пощечины в левую не подставлял.

Дул обычный для этой зимы северо-восточный ветер. Дул холодно, зло и порывисто. В долине было сравнительно тихо, но по верху сопки свистало, шумело, ревело и ныло. Ветер там то затахал, то опять набирал силу, завывал высоко и сильно, вроде бы огромным скопищем волков рвал глотки, но вот снова замирал, будто трудно оклеивая.

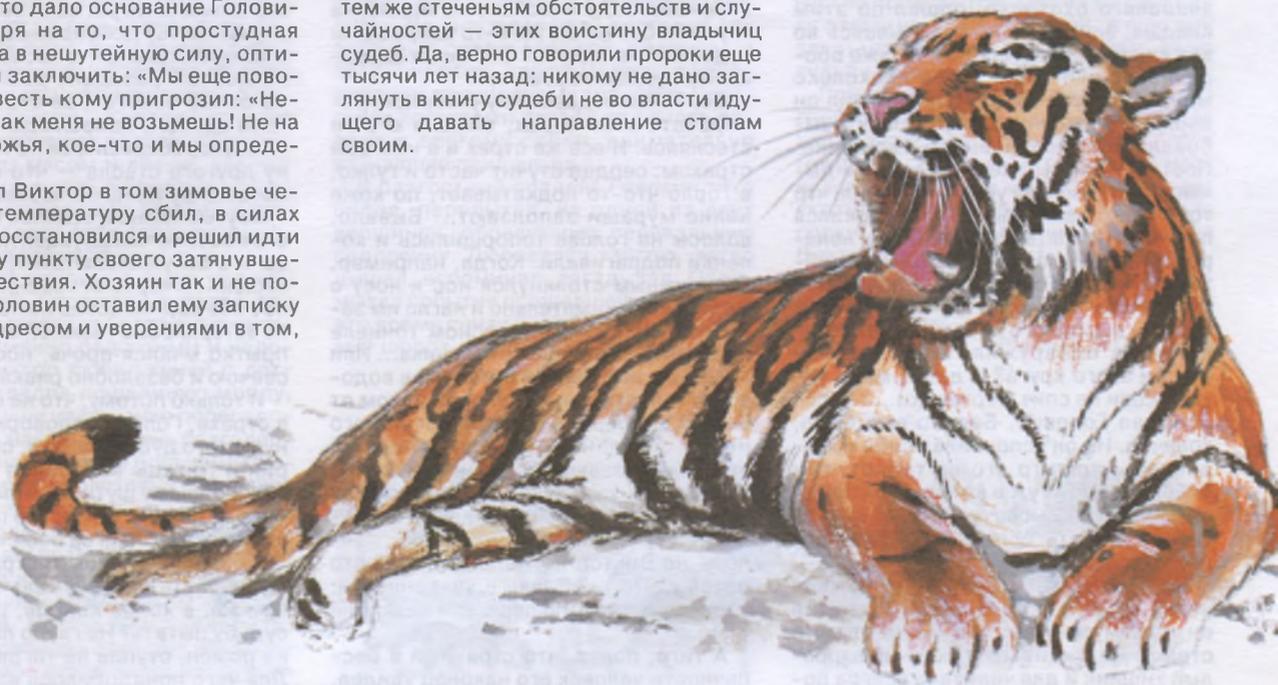
Головин слушал эти завывания, и ему временами казалось, что бесятся там темные силы Дьявола, стремившегося лишить его жизни, да не удалось ему эти старания, потому что вступился за него, Головина, сам Бог, которого просил пощадить и помиловать. И уж в который раз за эти дни пытался он решить так и не решавшееся: «Есть ли Бог, или Он просто имя Божье, а царство Божье — внутри нас самих?»

За благополучно минувшие четверо суток болезни и одинокого борения с нею о чем только не думал Головин. Поэтапно перебрал всю свою такую непростую жизнь, вспоминал, где и когда оказывался на краю жизни и не раз вроде бы был должен погибнуть. Но вот не судьба тогда была закончить жизнь. И чаще всего эта «не судьба» оказывалась не по его вине, а все по тем же стечением обстоятельств и случайностей — этих воистину владычиц судеб. Да, верно говорили пророки еще тысячи лет назад: никому не дано заглянуть в книгу судеб и не во власти идущего давать направление стопам своим.

И кто знает, в конце концов, что такое случайность, — размышлял Головин. — Никем не предвиденное стечение обстоятельств или запрограммированная таинственная закономерность? Сколько раз вот так, как в минувшие пять суток, когда было достаточно времени для осмысления прожитого, приходилось ему задумываться: Его Величество Случай приходит именно в свое время, ему и раньше того — не время, и после — тоже не время. Вот и теперь: три раза мог исчезнуть с обрыва в ничто, а уцелел. И только потому, что не теперь суждено ему уйти в небытие.

Всего в двухстах метрах от зимовья появились свежие следы тигра. Амба спустился на тропу с ближних сопки и пошел по ней в ту же сторону, куда нужно было и Виктору, ставшему невольным попутчиком полосатому. Соседство, что ни говори, не из приятных. И страх начал входить в него. Но был он таежником бывалым, рассудительным и мужественным и волю этому страху никогда не давал, воспринимая его как сигнал осторожности и мобилизации сил и внимания.

Однако присел и снова подумал: «Коли не было суждено умереть минувшей неделей, то что мне теперь этот тигр». Но вспомнил и насторожился. «А не эта ли тигрица кружила вокруг моего костра?... Да! Она! Беспалая!.. Может, и в самом деле в ней моя судьба? И потому липнет... Господи, до чего же я за эти дни осуверился и одурел», — пристыдил себя и понукал едва ли не силком идти своей дорогой, не обращая внимания на тигриные следы. Не возвращаться же.

Шел тихо и осторожно, осматривая каждый кустик впереди, прислушиваясь к еле шевелящимся полоскам и пятнышкам... Стоп! Тигр, оставаясь невидимым, метнулся с обочины тропы в гущу леса и там исчез. А Головин, унимая невольную дрожь, удовлетворенно подумал, что и царственный зверь опасается человека, что и ему ведом страх и что вовсе не в его образе придет к нему смертный час. Не здесь и не сейчас. А где и когда — Бог весть.

Старых тигриных следов на тропе и вдоль нее виднелось довольно много. Здесь был дом господ уссурийской тайги. На переходе тропы через заснеженный ключ Головин заметил три четких отпечатка явно разных пяток передних лап тигров: двенадцать, одиннадцать и девять сантиметров. Беспалую самку с девятисантиметровой пятой сопровождали два тигренка. Конечно же, это была его знакомая, интересовавшаяся им пять дней назад. И потому она так ревностно наблюдала за ним, вытоптав тропу вокруг его костра, что оберегала детей своих от всяких неприятностей — случайных и тех, что можно было предотвратить.

Три взрослых тигра в одном месте, не считая тигрят, было много. «Но пусть! — решил Виктор. — Только бы не путались под ногами. Каждому свое. Я не покушаюсь на вас и, стало быть, не должен быть объектом вашего алчного внимания. Пусть будет между нами вооруженный нейтралитет».

Повсюду виднелись наброды кабанов и изюбей. Примерно на половине дороги до кордона по свежим следам стало видно, как здоровенный тигр — наверняка здешний резидент — протаскивал задавленного утром подсвинка на косогор. И Головин в безотчетном любопытстве, по закаменелой привычке зверового охотника, пошел по этим следам, внимательно вглядываясь во все впереди, по сторонам и даже оборачиваясь назад... Через несколько минут в полусотне метров заметил он изрядно обьединенную жертву на утрамбованной окровавленной площадке. Постояв минуты две с затаенным дыханием, он амбу не увидел и решил, что тот, набузовавшись от пуза, удалился почивать. И опять вознамерился, ненадолго испытывая свою судьбу, подойти поближе... И снова ничего не увидел. Но обошел площадку по охватистому кругу — выходного следа сытого резидента не обнаружил. «Выходит, он внутри этого круга? И давно меня видит? Если не спит мертвеца...» — соображал Головин. Боязно ему было, конечно. Но он успокаивал себя убеждением, что тигр его не тронет, тем более сытый. И уж в который раз высветлял давно высвеченное: не судьба теперь умереть, если выжил в куда более тяжком.

Но мало того, Головин вдруг решил испытать самого себя. Давно считал он, что мужество — в преодолении страха. Да, видит меня могучий взрослый хищник и для человека всегда по-

тенциально опасный, а я вот, мол, не побегу, и даже не отступлю с нетерпеливым достоинством.

Стоял он рядом с изуродованным старостью, от немощи и в безветрии долины чуть поскрипывающим, словно нащептывающим отходную молитву, дубом. Будучи уверенным в том, что взрослый тигр, как единогласно вещают знатоки-писаксы, по деревьям лазить не может, Виктор забрался на тот дуб, поудобнее уселся на пятиметровой высоте в подходящей для этого развилке главного ствола и стал привнимательнейше осматривать каждое дерево, каждый куст, даже каждое пятно на снегу, пребывая в полной уверенности, что тигра-резидента увидит наконец. И удивительное дело: он заметил его совершенно неожиданно, сразу всего! От головы до хвоста! Тот лежал в тени под большим поваленным кедром у вздыбленных корней. Лежал всего метрах в двадцати. И невозмутимейше, уложив голову на вытянутые вперед лапы, разглядывал его, лишь чуть-чуть, как бы играючи, пошевеливая черным кончиком хвоста.

Видел он Головина, конечно, давно, однако ни разу не рыкнул, не удалился неслышной тенью от греха подальше. Был слишком самоуверен? Хорошо изучил слабый дух человека? Убедился в строгом соблюдении вооруженного нейтралитета? Головин этого не знал, но все же поутратил благорасположение духа. В мозгу этаким чертиком опять вспрыгнул вопрос: «Судьба? Или очередная случайность?» А когда тигр высоко поднял голову, засверлив человека пронизывающим взглядом янтарно-ярких глаз, он обыкновенно обробел. И принял единственно верное решение: пока не поздно слезть с дуба и удалиться восвояси. Бог бережет именно береженого. Да и сколько же можно, не глупо ли без конца кого-то вопрошать: судьба — не судьба? Этак и на завершение судьбы нарвешься.

Да, Головин давно научился контролировать свой страх, нимало его не стесняясь. И все же страх и в нем был страхом: сердце стучит часто и гулко, в горло что-то подкатывает, по коже некие мураши заползают... Бывало, волосы на голове топорщились и колленки подрагивали. Когда, например, безоружным столкнулся нос к носу с медведем, внимательно и нагло им заинтересовавшимся в тесном тоннеле под нависью кедрового стланика... Или когда его неодолимо потянуло в водоворот под страшный вековой залом от берега до берега... Когда загалгал его плохо стрелянный рассвирепевший вепрь на оказавшуюся хлипкой осину, и видел он ужасную в гневе и клубах пены клыкастую башку секача в каких-нибудь двух метрах под собою... Теперь же Виктор не терял себя просто потому, что пребывал в уверенности: взрослому тигру по деревьям лазать не дано.

А тигр, поняв, что странный в беспечности человек его наконец увидел,

встал, блаженно потянулся, глубоко приседая на вытянутых лапах, сладко зевнул, вроде бы демонстрируя двуногому древолазу устрашающую глубину пасти и смертоубийственные зубы... И этак преспокойнейше мягко зашагал к тому старому дубу, слегка приседая, не спуская с человека внимательных, определенно чего-то ожидающих глаз.

Он долго обнюхивал повешенный на сучок карабин, тронул его лапой, полюбовался, как тот закачался. Потом подошел к дубу и резким рывком вздыбился, подняв передние лапы и вонзил когти в кору более чем на трехметровой высоте. А когда фонтан флюидов человечьего страха ударил ему в нос, он опустился на все четыре лапы, отошел немного, как бы продолжая изучать двуногого, затем решительно прыгнул к комлю дуба, снова вздыбился и... неожиданно легко полез вверх по дереву. Почти как леопард, хотя и тяжелее того.

Что было потом, Головин запомнил смутно. Точнее говоря, в память навечно врезалось самое главное... Оторвавшись от земли на два метра, тигр уже вполне мог достать его ноги. И он потянулся к ним лапой... с убранными когтями. Как бы ощупал его ичги... А когда человек поднял их под себя, страшный баловник закарабкался выше. Выше полез и он, Головин, в ужасе радуясь все же мелькнувшей мысли: «Если просто коснулся ноги, хотя легко мог и сдернуть за нее с дерева, значит, нет в звере хищных намерений, а просто решил позабавиться с соперником по господству в уссурийской тайге». Есть в повадках амбы склонность этак безобидно пошутковать с человеком — много тому свидетельств.

Но кто скажет, чем бы закончилась эта выходка тигра, коли бы еще не одна случайность? Добравшись до развилки, в которой только что восседал охотник, полосатый резидент решил полежать на более пологом ее стволе и в этой позе вдоволь понаблюдать за человеком, укарабкавшимся почти на вершину другого ствола — что вздыбился в небо покруче. Но облюбованный амбой тронутый тленом отвилком не выдержал его поболее чем двухцентнеровой массы и с оглушительным треском обломился... А через мгновение, когда гулкое эхо еще не осело пылью на сопки и не затерялось в таежной шубе, тигр уже прыток мчался прочь, поставив хвост свечью и беззлобно рывкая.

И только потому, что не потерял себя в страхе, Головин проворно соскользнул с того дуба-старика, схватил карабин и трижды выстрелил вдогон прераспешнейшему шутнику, тем самым предупредив его о том, что при повторении этаких забав за себя не ручается.

А освободившись от страха, принялся бичевать и казнить самого себя: Зачем же, в конце концов, раз за разом судьбу пытаться? Не глупо ли было лезть на рожон, ступив на тигриный потаск! Для чего понадобилось взбираться на

дерево, когда хищник был определенно рядом и, скорее всего, давно его видел? К чему эти легкомысленные, неуместные и несвоевременные рассуждения о судьбе? Кому нужна эта игра в рулетку?

Благополучно оторвавшись от тигра и окончательно успокоившись, Головин начал рассуждать в другой плоскости: в тайге человек не бывает одиноким, потому что с ним всегда рядом смерть. Сколько раз за последние дни она могла меня прибрать? Три? Или четыре? В образе той старухи с косою или в этой тигриной шкуре? А сколько раз мог обречь себя на гибель более прозаическим случаем, без рассуждений на тему «судьба — не судьба»: подвернуть ногу или даже сломать ее, недовольно угодив между коварно прикрытых снегом валейки или камней, и оказаться неходячим! На сибирском колотуне... Проваляться под лед с головою. Угодить в воду пулю с невозможностью выбраться из губительной западни. Получить заворот кишок или порвать аппендикс при неудачном падении. Схватить крупозное воспаление легких... — и вот дал себе такой решительный зарок: «Взусе, баста! Давно пора образумиться. Испытания судьбы и рискованные затеи — в прошлом. Куда благоразумнее положиться на неведомые предначертания в книге судеб».

Но зарекалась коза в огород не лезит. Рисковым человеком был Головин, и все тут. Этаким фаталистом жил. И оправдывался давно изреченным: риск — благородное дело.

Уже неподалеку от кордона на глазах Головина тропу переходил небольшой табун кабанов. Впереди крупная чушка, за ней десяток молодых, последним же шел здоровенный самодовольный вепрь. Глубокий снег затруднял их движение, и Виктора возмутило то, что пробивала тропу дама, джентльмен же шагал вольготно. И он послал в секача пулю, хотя был он в густом кустарнике и выстрел мог не достать цели или лишь ранить зверя. А раненый секач опасен... Куда проще было выцелить упитанного подвинка с преточнейшим мясом и салом, так нет же, рискнул пальнуть по вепрю... А потом опять бичевал себя за этот выстрел и снова давал себе зарок не рисковать без надобности.

На кордоне никого не было уже несколько дней. Стоявшая в сарае лошадь егерь встретила Головина ржанием, одновременно радостным и недовольным. Виктор любил коней с детства. Он погладил лошадиную морду, забросил за уши челку, тихо побеседовал. Напоил, накормил. Конь благодарно смотрел на человека большими умными глазами в фиолетовых отблесках и что-то хотел ему сказать.

А утром следующего дня явились друг Иван и егерь Петро. Нанесли всяких кушаний и питья, да и из местных тайников извлекли порядком таежных деликатесов. Потом долго говорили, вороша и перебирая прошлое. Вспоминали детство, одноклассников и их

судьбы. Так много их было, милых и родных спутников очень молодых лет, казалось бы, во всем одинаковых. Но как по-разному сложились у всех судьбы! Тот по нелепой случайности погиб еще в ранней юности, этот шут знает за какие доблести стал директором большого завода... В школе sereneкий Миша в науке сделал завидную карьеру, а вот талантливый Володю, смолodu сочинявшего хорошие стихи и писавшего прекрасные новеллы, затерли, затравили и довели до самоубийства в неполных двадцать пять лет, и только потому, что, как написали мудрецы еще в древности, «всякий успех в делах возбуждает между людьми зависть». Посредственность всегда злобно стремится низвергнуть талант до своего убогого уровня, а еще лучше — стереть с лица земного... Его Величество Случай в жизни правит бал прусерднейше. Звезда удачи, случай, фарт — не они ли определяют людские судьбы?

Через день вышли в первый охотничий поход отвести душу на любимом деле. Иван направился в дубняки на одну сопку, Виктору же повелел обследовать кедровники на другой.

Было тихо, тепло, солнечно. Разноликие деревья стояли словно в почетном карауле. Их неподвижность нарушали и украшали непоседливые белки, поползни, дятлы, сойки... А с высоты базальтового останца Головину открылась великолепная таежная панорама. Тайга напоминала непересеченное войско из солдат, карабинеров и прочих служивых, перемешавшихся с ополченцами. Стройные островерхие ели казались задумавшимися копыносцами, могучие кедры — закутанными в зеленые кольчуги богатырями, невысокие пихты — уланами, раздетые березы, ильмы, ясени — новобранцами, уже сбросившими гражданские одежды, но еще не обличившимися в воинские мундиры. На снегу повсюду пестрели запутанные следы соболей, колонков и белок; изюбри, кабаны и косули набороздили причудливые траншеи. Пестрыми лоскутами летали от одного дерева к другому сойки, внимательно изучавшие прищельца...

В блаженный полдень Головин тихо сидел, передыхая, на одной из двух вершинок, образующих перевальную седловину. Любовался тайгой, легко дышал, вспоминал, загадывал. Обдумывал события прошедшей недели... В это время снизу послышался торопливый шорох. А через две-три минуты на

седловину выскочили кабаны: матка и четыре поросенка. Метрах в сорока. Были они уставшими, испуганными. Над снегом темнела лишь половина туловища чушки и хребтинки поросят. Стрелять их у Головина надобности не оказывалось — впереди отпускного времени имелось предостаточно, зато увидеть любителю кабанины захотелось. И он затаился...

И вот по пробитой свиньями траншее, не спеша, вышел тигр. Головин его узнал сразу: на нем он испытывал судьбу на том старом дубе. Амба пребывал в уверенности, что свинья семейка скоро выбьется из сил, он их спокойно настигнет и одного деловито оприходует. Как собственного.

И странно было видеть, как огромный хищник невозмутимо шел к кровавому разбою. Он вроде бы даже дремал на ходу, полузакрыв глаза и в такт шагам мерно покачивая башкой. Скорее всего, тигр уже давно пас этих чушек, привык давить их в полную меру своих желаний, и дело это было для него преобиднейшее.

В первом порыве — «под впечатлением» — Головин поднял карабин и приладил мушку за ухо тигра, про себя приговаривая: «Как это несправедливо — убивать и пожирать соседей по такому прекрасному обиталищу». Но тут же «поправил» себя: «Во-первых, амба строго охраняем законом, вторых — наша таежная жизнь, изначально в наших понятиях кровавая». А подумав поглубже, решил, что самое разбойное создание на всей Земле — человек. И он, Головин, тоже хорош.

Но все же... Все же он решил предотвратить предстоящую трагедию, а задом прогнать владыку подальше от кордона и окружающих его угодий. Что и говорить, все охотники тигра в своих угодьях не терпят, только одни в этом честно признаются, другие же рисуются этими грипписовцами. А еще ему захотелось... еще раз испытать свою судьбу. В последний!

Прицелился в кедр, мимо которого громила должен был пройти, и, когда тот оказался от этого дерева в полуметре, выстрелил. Тигр молнией метнулся в сторону и исчез раньше, чем укатилось эхо выстрела за ближние сопки. И удовлетворенно сказал себе Виктор Головин: «Жить мне еще долго. Если исключить дурацкие испытания судьбы моей. Особенно в таежном одиночестве».

Рисунки В. Симонова

Сетёрка

А. БИКМУЛЛИН

Худо-бедно ружья у нас с другом были, а вот боеприпасами мы откровенно бедствовали в самом прямом смысле. Санин родитель, оставив ему штучную тулку, завел где-то под Карагандой новую семью, а мой, купив мне одноствольную ижевку, особо не баловал припасом, и волей-неволей мы с приятелем оказались на «подножном корму», будто вражеская армия в покоренной на время чужой стране. Есть у военных такое понятие — самообеспечение. Вот мы и познали сполна эту самозаготовку и самоснабжение, будучи в состоянии вольной охоты за «ружейными харчами», что тоже являлось шагом к настоящей охоте по зверю и птице. «Прелюдия любви», — сказал бы очередной автор сердцещипательного дамского романа в дополнение к высказыванию забытого классика: «Ожидание поцелуя любимой женщины — слаще самого поцелуя». Добывание пороха с дробью порой было слаще самой охоты и приравнивалось нами к созданию запасов стратегических вооружений, которых, впрочем, нам катастрофически и постоянно не хватало, как при любой гонке.

Пули, картечь и дробь до первача мы катали сами, но с мелкими номерами была постоянная напряженка, более того, — хуже некуда, — да и откуда у школьников могли завестись на первых порах волоочильные стальные доски для протяжки свинцовой проволоки, резачки, дробокатки или же литейные приспособления?

Долгими зимними вечерами, забросив уроки и наплавив в консервной банке свинцовых лепешек, мы резали их парикмахерскими ножницами тети Тони в «лапшу», круглили ее, пока ничего не было дома, молотками на обушке кухонного топорика, крошили полученный пруток в сечку и катали сковородками в поте лица смертонос-

ный свинец, про коварное свойство которого копиться в организме человека и не выводиться никакими веществами узнал уже ближе к пятидесяти. Пары свинца из баночки на кухонной плите вдыхались юными охотниками одновременно с запахами киселя и компота, варившихся рядом, которыми потчевала нас тетя Тоня, довольная тем, что ребятишки не тянутся к куреву и прочим соблазнам уличных компашек. Откуда ей было знать про вымершие патрицианские рода Древнего Рима, пользовавшиеся свинцовой посудой наравне с золотой и серебряной, или про знаменитую в средневековой Венеции главную тюрьму для государственных преступников, соединенную мостом «вздохов» с дворцом дожей-правителей. (Когда узника по каким-либо причинам нельзя было казнить или лишить жизни насильственным образом, его сажали в чердачную камеру под свинцовой крышей. Живыми оттуда обычно не выходили.) А мы тем более, начав на все физики и химии, ничегошеньки, кроме охоты, ведать не хотели и, хватая освинцованными руками блинчики, испеченные на этих же сковородках, что до прихода Антонины Алексеевны катали нашу дробь, запивали их то киселем, то компотом, сваренными тут же, на этой самой плите рядом с нашей вреднейшей «литейкой».

Раз я умудрился проглотить даже картечину, вздумав подержать ее под языком, вычитав в книге, как солдаты на русско-японской войне утоляли жажду: выдергивали из винтовочного патрона пулю и держали во рту, но если винтовочная пуля была в оболочке из меди или мельхиора, то моя картечина всего-навсего из чистейшего и мягчайшего кабельного п्लюмба. Как бы то ни было, а прошла, поди, по всему пищеварительному тракту, следуя всем

его загогулинам, будто кусок медвежатины у астафьевского Акима в нашу-мевших «Поминках».

Жутко вспоминать. Мурашки по коже. Немеет язык говорить и «вянут уши» слушать про наши с Шуриком п्लюмбумно-дробовые дела. Содрогнитесь сердцем, экологи, передерните от омерзения плечами, врачи, и встрепечитесь от возмущения, ученые-академики. Но так было на начальном этапе самозаготовок боеприпасов. Сейчас, даже подобрав с пола закатившуюся случайно дробину, я дважды мою руки с мылом, будто после объятий прокаженного, а тогда... Бр-р-р!

Легче всего было готовить на обушке топора методом «холоднойковки» круглые пули к нашим шестнадцатым калибрам, но стрелять ими было практически не в кого, разве что в белую затесь на стволе сухостоины, сделанную нашими «боевыми томагавками». Подражая фениморовскому Зверобою, мы сыпали в разговоре ярдами, футами, унциями и гранами, сорили ими, будто белка шелухой еловой шишки, громко величали наши переломки «Оленебойями», заворачивали пули в полоски тончайшей кожи от старых дамских перчаток, заряжая патроны, но с каждой очередной стрельбой уменьшали самым бесстыдным и мучительным образом расстояние до мишени, начиная понимать разницу в разбросе пуль дробовой казнозарядкой-коротышкой и знаменитой на весь мир шомпольной длинноствольной винтовкой из Кентукки, а после и вовсе перестали готовить пули. Слонов и носорогов в наших широтах пока не предвиделось, пещерных медведей и саблезубых тигров-махайродов тоже. Держали по паре штук в патронниках «для всякого случая», носили годами, но на крупного хищного зверя выходить пока не приходилось, индейцы не желали на нас нападать, а посмирневших непуганых лосей, ходивших чуть не стадами по лесам, в те годы было кому стрелять, кроме нас.

Сейчас, когда модно стало эпигонски твердить о стальной дроби и отравлении дичи свинцом, мы с другом лишь дурашливо гыгыкаем, давясь от смеха и читая очередного толкача-псевдоэколога.

Чего вести пустопорожний и высосанный из пальца разговор про уток, якобы шелокущих в озерах и реках дробь, будто щучью икру. Сколько ни потрошу дичи, ни в одном желудочке еще не находил свинцовых шариков. (Борис Андреевич Фадеев сообщил мне, что добыл раз в молодые годы чирка-трескунка, в желудочке которого находилось стальное звено от цепи.) А мы все эти кислые углекислые п्लюмбумы пропустили сквозь себя в самом юном и беззащитном возрасте, будто добровольные подопытные кролики, и если уж кому-то очень хочется злодейски уморить отдельно взятую «серую шейку», будто секретного государственного преступника в чердачной камере у Моста вздохов, то нужно кор-

मित ее из специального свинцового корытца запаренными отрубями или размоченным хлебушком, что и составляет агрессивную для окислов среду.

Мы же «на заре туманной юности» не знали грядущих споров об охотничьем свинце, и десятикилограммовые мешочки дробы, сложенные баррикадой в углу магазина союза охотников, были для нас предметом самого повышенного внимания после пачек дымного пороха «Медведь» и банок бездымки с «Соколом». Капсюлей «центробой» у нас хватало, латунные гильзы практически были безыносными, пыжи мы рублили из старых валенок, ружья были свои. Не было лишь охотбилетов, чтобы досыта покупать порох с дробью.

Понемногу мы осознали, что зимой стрельбы мало и пятка патронов с картечью и десятки с «первачом» хватает чуть не на весь сезон, если не палить для пробы по консервным банкам на городской свалке. При нашей охоте самым ходовым номером оказалась семерка, хотя мы пользовались и тройкой, и пятеркой. Семерка годилась для всего, начиная от бекасов, дупелей, дроздов, перепелов и кончая краквами. Если за день охоты по осеннему вальдшнепу случилось выпалить патрон с двойкой или тройкой по случайному русаку или тетереву, то патроны с семеркой тратились нами полными патронташами и бралось еще из рюкзака запасов боепитания. Чирки, голуби, рябчики, куропатки и остальная птичья мелочь оттягивали «на себя» наши тощие запасы семерки, подобно свинцовой примочке, приложенной к багровому фингалу под глазом. Зимнее «белкование» тоже требовало неполных семерочных зарядов, дабы не портить шкурку крупными пробоинами. Молодой глухарь, неосторожно севший на брусничную кочку шагах в десяти, пока я отдыхал привалом под комлем сосны, даже не успел ничего понять, как трепыхался последней дробью, сраженный зарядом семерки. Лиса, увлеченная разрыванием гнезда земляных ос на заиндевелем расцвете бесснежного предзимья, тоже поплатилась жизнью, не учяв охотника, шедшего случайно против ветра по лесной тропе. Мы с приятелем все еще искали самых поздних вальдшнепов, которые случались даже по первым порохам, а тут под заряд угодила сама Патрикеевна. А что было делать? Лиса, рядом, головой в ямке, только земля летит из-под передних лапок, да хвост волной туда-сюда перекачивается, играет из стороны в сторону. Пока за крупной дробью лезешь да ружье перезаряжаешь, в любой момент может улизнуть. Ударил чем было — семеркой, и кумушка после выстрела не проползла и трех шагов. Перезарядил однотысячником первачом. Подошел. Только пасть разевает и зубки белые скалит, а глаза уже стекленеют. Словом, не смотря на книжную теорию, мы не коснели в обомшелых догмах и, когда удача перла на нас грудью, подобно шальной разведенке, не суетились с пере-

заряжением ружья соответствующим номером дробы: били чем есть в ствол и оказывались с удачей. Семеркой же, если чуть не в упор, то и лошадь можно свалить, не то что лису с мошником.

Порой межсезонья, околачиваясь день-деньской в охотничьем магазине в зыбкой надежде на доброго дядю, согласно купить для нас по своему охотбилету пачку пороха, мы с другом делали свои выводы относительно специфика торговли «Охотника». Боле того, становились поневоле психологами-физиологами и почти безошибочно угадывали своего добродетеля. И порох, случалось, нам брали хорошие люди, и дробь, и готовые заводские патроны с тройкой один демобилизованный солдат-охотник из Казахстана купил, пока ждал своего поезда на вокзале и завернул от избытка времени в охотничий магазин. Хорошие люди есть всегда и везде, нужно только разговаривать по интересам, а мы были предельно бесхитростными с новыми знакомыми, и судьба нет-нет да и жаловала своих любимчиков за упорство и любовь к делу охоты порохом и дробью, будто московский самодержец казачье войско зельем и свинцом. (Случись вот так же, попросит какой-нибудь нынешний мальчуган купить для него пачку пороха или несколько килограммов дробы, я бы купил в память о своей охотничьей юности и нашем самоснабжении ружейными припасами, но что-то все меньше и меньше становится таких мальчишек из волшебной охотничьей страны Бианки.)

Что касается старого продавца Ивана Тимофеевича, то он все же не зря скушал много хлеба на своем веку: видел нас и наши шитые белыми нитками секреты насковозь, но и мы микитили свое. Как-то по зиме, когда в самом ходу была нолевка с первым и вторым номерами, сообразив, что мешки семерки, завалившие весь угол магазина изрядной горой, никому в эту пору не нужны, а продавец сетует на малую дневную выручку, мы пошли направо. Дождавшись, пока никого не осталось в магазине, протянули Тимофеевичу три сложенные замусоленные трешницы и попросили десятикилограммовый мешочек бийской семерки. Ход был наглейший и отчаяннейший от жуткой безнадежности, рассчитанный по пословице «готовь сани летом, а телегу зимой».

Ровным счетом мы ничего не теряли, Тимофеевич знал нас как облупленных, а успех мог оказаться бешеным, будто в главном зале монтекарловской рулетки или в пушкинской «Пиковой даме».

Иван Тимофеевич (царство ему небесное) лишь глазами исподлобья блеснул, будто васнецовский «Иван Грозный», крикнул, как после стакана горькой, кинул деньги в кассу и отпуская кивнул: «Берите и чтоб духу вашего возле магазина не было сейчас же. В случае чего, я вам ничего не продавал. Потом расскажете про свои охоты».

Запихав мешок с дробью в хозяйственную кошелку, мы одним духом выкатились из магазина на главную улицу города чуть не под ноги наряду милиции, вышедшему из соседнего одиннадцатого гастронома, и бодро рванули домой, таща волоком кирзовую сумку, вцепившись в ручки с двух сторон.

Вес был солидный, и мы через каждые полквартила менялись руками, пока доволокли драгоценную, будто золотая царская казна, ношу до Санюного дома, столкнувшись в калитке с бабой Шурой.

— Да окаянные-е! — изумилась она при виде скособоченных сумкой потных на морозе сорванцов. — Эк вас перегнуло, бесстыдников! Чего опять приволокли на нашу погиль? Вот погоди, придет мать с работы, она тебе за даст, — пугнула внука на всякий случай дородная баба Шура. Однако когда вздумала поднять сумку за ручки, то еле оторвала от крыльца.

— Господи сусе: Свят-свят! — обмахнулась бабушка привычным на все случаи жизни знаменем, — вы туда жезла, что ли, наклали?

— Нет, бабана, — радостно осклабился мой дружок-приятель, — дробь для охоты. Вот теперь настроеляемся досьта.

А я, глядя на Санину бабушку, почему-то вспомнил былинку о Микуле Селяниновиче и Вольге-богатыре, не смогшем поднять с пашни малый узелок с землицей.

Распоров мешок, мы дуванили чайными чашками жемчугоподобную семерку на две равные кучки. «Нам этой дробы, пожалуй, до конца жизни хватит», — ликовали мы с Саней, не озабавив себя мытьем рук и посуды и ополовинив кастрюльку с киселем теми же чашками.

Пять килограммов семерки оказались мне неистощимым запасом, но не зря старые охотники прозвали лесного кулика вальдшнепа дробоедом. В первую же осень запас дробы заметно убавился, и тайный голос из глубин сознания, перед которым бесполезно юлить, лгать и изворачиваться, впервые предостерегающе проскрипел: «Помни же! Жить тебе, как и загадал при дележке, пока эта дробь не кончится».

Мелькнул еще один охотничий год, и дробы вовсе осталось ничего. Сане хоть бы хны, сказал и забыл, но я при всей своей впечатлительности лишился покоя: а ну и впрямь умру от чего-нибудь и стал жутко скряжничать, когда дело касалось семерки. Стрелял пятеркой, тройкой, девяткой, перешел даже на четные номера: четверку, шестерку, восьмерку, но берег, будто кусочек «шагреневои кожи», ту, детскую, драгоценную, словно гурмызский жемчуг из старинных сказок, заветную семерочку...

До нынешних дней доберег в своем сундучке жалкую горсточку потускневшей и опатинированной временем дробы в том самом холщовом мешочке, что был притащен от Тимофеича.

И с Агапом-живописцем судьба свела благодаря дробы семерке, которой вдруг не случилось в магазине в самый разгар вальдшнепиных высыпок. Сухонький седой старичок, толковавший о чем-то с продавщицей Валентиной Ивановной, услыша мой огорченный вздох, глянул каким-то особенным ожившим и потеплевшим взором: «Вальдшнепятик? Ходи ко мне. У меня кое-что осталось от хороших времен».

И мы пошли на Советскую, неподалеку от краеведческого музея, рядом с заброшенной церковью, у первой школы; и он продал мне задешево семерки чуть не полную банку из-под бездымного «Сокола», выговорив условие, что я не обману его и принесу два перышка для рисования. Что это за перышки, я уже знал, и не нужно было объяснять, где их искать в крылышке красавца-вальдшнепа. Помню, Агапов приятно удивился этому обстоятельству.

«Ну, парень, далеко пойдешь, коль такие тонкости знаешь. Ты заглядывай нет-нет к старому Агапу, — употчевая чаем, грустно провожал он меня у калитки, — глядишь, и я на что пригожусь».

С первой же удачной охоты я вместо двух перышек отвалил старику полдюжины, а парочку вальдшнепов, принесенных в подарок, бабушка Татьяна оципала скорой рукой, опалила и сунула в духовку, пока хозяин показывал мне свои ружья: трехствольный курковый «Зауэр» с ключом перевода бойка на нижний (расверленный) ствол и английский «Голланд-Голланд», как он утверждал, с колесиком счетчика выстрелов на ореховом прикладе. Оба ружья были, что называется, по мне, легки, прикладисты и управляемы, со спокойной притопленной прицельной планкой и покоряли сердце добротной подгонкой и врезкой всех деталей. По стенам старинной квартиры грустили давние холсты, писанные маслом агаповской рукой, шелестели листы художественных альбомов и книг, пахло дослевающими вальдшнепами, текли разговоры про Брюллова, Перова, Степанова, Левитана, Саврасова, Поленова, и отлучавшаяся на время хозяйка выставила на празднично накрытый стол бутылку дорогого марочного «Муската». Так и знакомство наше пошло-продолжилось с той семерки.

Чем я больше запасал полюбившейся дробы, уже будучи с билетом, тем больше тратил ее. С самим собой я кое-как поладил, обманул, запутал, улестил сознание, но тот, кого еще никто не обманывал и от кого ни один смертный не откупался, караулил каждое мое прикосновение к заветному мешочку на дне сундучка, к которому, чтобы не спутать как-то ненароком и, боже упаси, не израсходовать, я пришел специально заметный ярлык.

Это был как бы тайный недуг и скрытый порок моей души — семерочная болезнь. Подобно балзаковскому Гобсеку, каждый раз бывая при деньгах в охотничьих магазинах, я прикупал и прикупал килограммы семерки, делал и делал запасы, накручивал патронов, выстреливая на охотах жемчугоподобную вальдшнепиную дробь. Куда бы я ни попадал, где бы ни был, в каких только городах и в каких только магазинах, где торгуют охотничьим припасом, а глаз еще с порога ненасытно скользил по лоткам с дробью, выскивая цифру семь. И если ее почему-то не оказывалось, мне становилось грустно, будто на операционном столе перед дачей наркоза, хотя дома хранился изрядный запас невыстреленных патронов с этим номером, мешочки и кулечки, баночки и скляночки с «вальдшнепиным жемчугом». И словно Кашеева смерть на кончике иглы в самом низу та, детская семерка, на которой лежит тайный загад души. Как пьяница горчайший: уж пьян по ноздри, а при виде винных бутылок все равно масляется глаза. Есть ведь дома семерка, а все

равно не удержишься: купишь килограммчик-другой.

Когда однажды прочитал громадную трилогию про раскольников-старобрядцев «Хмель», «Коль рыжий», «Черный тополь», то, наткнувшись на историю с предсказанием тобольского купцу: «Будешь жить пока строишься», — невольно посочувствовал тому книжному персонажу из позапрошлого теперь века. Строил и перестраивал, сердешный, на своем подворье, надстраивал и пристраивал всю жизнь, пережив всех родных вплоть до наследников, дожив до одинокой глубокой старости. И, уж совсем перестав бояться безносой, в едино лето не стал нанимать плотников для работы. Тут ему и смерть пришла по предсказанному. Меня очень взволновал этот эпизод, принятый на свой счет, а тот, тайный советник глубин сознания, лишь усмехнулся, напоминая: «Ну, вял? Тот же. Гляди у меня, не касайся той горсточки. В ней твоя жизнь».

Два века не проживешь и кому что на роду написано верховным вседержителем Фатумом, перед которым бессильны даже боги, то и свершится в свой урочный час. Спелый плод рано или поздно падает наземь, завершая круг жизни земной, но «вальдшнепиный жемчуг» — семерка не истощается в моей свинцовой «казне». Первый вопрос звучит как жизнеутверждающее приветствие, едва я вваливаюсь с улицы все в тот же старинный купеческий лабаз, где размещен по-прежнему и неизменно наш кузнецкий «Охотник», к другу продавцу Борису Андреевичу: «Семерка есть?» Будто секретный пароль, от которого зависит дальнейшая охота и годы бытия в нынешней жизни грешного тела, составляющего всего лишь оболочку бессмертной души. Никому про это не говорил, а Саня, поди, давно позабыл тот зимний день января 1967 года, мешок дробы и седого Ивана Тимофеевича. Написав про семерку, словно ладанку с материнской молитвой с груди снял. А Борис Андреевич в большом изумлении каждый раз, сыпля на чашечку весов голубую с переливом семерку:

— Ты ее случайно не солишь?

— Солю, дорогой Андреич, солю!

Оттого и трачусь на полюбившуюся больше всех номеров семерочку, что очень уж по душе пришла с детства пушкинская осень, левитановский росплеск красок, бунинское «и гуси длинным караваном над лесом держат перелет», печаль одиноких роц и перелесков с шуршащей под ногами листвой и весеннее саврасовское «Грачи прилетели», сулящее близкое теперь ожидание первой в этом году вальдшнепиной тяги над сумеречной сечей. Покуда жив, все это мое и со мной, без всяких ваучеров и дивидендов, а уж после, когда душа отойдет в осенние леса, обернувшись красавцем-вальдшнепом, пусть достреливают оставшуюся семерку другие.

Рисунки Б. Игнатьева

Добытчики бивней из анклава Ладо

Джон Хантер: спустя 40 лет

Со старомодной фотографии на нас смотрит широкоплечий улыбающийся мужчина в широкополой шляпе, на груди карманчики для патронов, наподобие кавказских «газырей», непременный атрибут покроя сафари. О таких у нас говорят: косая сажень в плечах. Он предпочитал крупнокалиберные штуцера, которые служили ему верой и правдой, останавливая в прыжке разъяренного зверя и спасая ему жизнь. Те же, кто опасался отдачи громбоев, калибр которых доходил до 15,2 мм, бывали убиты зверем или по меньшей мере искалечены.

Знакомство с ним состоялось в нашей стране более 40 лет назад, но книга Джона Александра Хантера «Охотник» по-прежнему считается шедевром охотничьей мемуаристики. Не все, однако, знают, что Джон Хантер (1887—1963) проявил себя на поприще краеведа, историка-любителя. Его книга «Рассказы с африканской границы», изданная в 1954 г. и написанная совместно с Дэниэлом П. Мэнниксом, повествует об освоении Восточной Африки. Каждая глава посвящена какой-нибудь выдающейся личности или наиболее яркому отрезку истории края. Безусловно, охота в Восточной Африке и торговля бивнями напрямую связаны с освоением края так же, как когда-то осваивали добытчи-

ки Сибирь и Северную Америку в погоне за «мягкой рухлядью» — пушниной.

Одной из наиболее захватывающих страниц истории Восточной Африки была охота на слонов в анклаве Ладо, где столкнулись интересы двух государств — Бельгии и Великобритании. Джон Хантер подробнейшим образом описал, как происходила охота на слонов, которую сам расценивал как браконьерство. Немецкий охотник, зверолов и писатель Ганс Шомбурк утверждал, ссылаясь на британскую статистику, что средняя продолжительность жизни профессионального охотника на слонов составляла в ту пору (конец XIX — начало XX века) всего лишь... два года, конечно, считая с начала этой деятельности. Эти сухие цифры подтверждают исследование Джона Хантера, который проследил судьбы добытчиков бивней.

Впоследствии анклав (его иногда называли «Заречный клин») был поглощен в 1910 году Англо-Египетским Суданом, но в течение двух лет в анклаве бурлили страсти, полные противоречий.

Итак, Джон Александр Хантер живописует охотников старых времен, отдавая им определенную дань уважения.

А. ЧЕГОДАЕВ

Когда в 1909 году скончался Леопольд, король бельгийский, сложилась ситуация из числа юридических курьезов. Эта ситуация была одной из наиболее ярких периодов истории Кении, когда орудовали браконьеры, бившие слонов из анклава Ладо. Анклав представлял собой 100 квадратных миль¹, расположившихся севернее озера Альберта в направлении северо-запада Уганды. Один из старейших браконьеров очертил зону на карте и растолковал мне ее положение таким образом: «Она тянется от

озера Альберта на юг, на север до Судана и на восток до Нила, а далее на запад до тех пор, пока вас не шлепнут бельгийцы». Анклав был прибежищем последних огромных стад слонов, достигавших 400—500 голов. Бивни старых самцов весили 200 фунтов², а то и больше. Слоновая кость шла «фунт за фунт», то есть за фунт слоновой кости платили фунт стерлингов.

Оставалось рискнуть, купив патроны из расчета от одного до шести на слона, собственной жизнью: выгода стояла того!

Юридические соображения были чисто отброшены, и все охотники хлынули в анклав, пожалуй, кроме меня. Казалось, будто король Леопольд удерживал страну под мандатом в роде своего частного владения, а после его смерти она сразу же превратилась в ничейную землю — пока политики не решат, что же с ней делать. Так в течение нескольких месяцев в анклаве не было закона. Вас могли прикончить

¹ Одна квадратная миля — 259 га.

² Один фунт — 453,59 г.

оставшиеся бельгийские полицейские, туземцы, слоны, тропическая лихорадка, и о вас никто бы не вспомнил. Стоило пересечь Нил, как вы оказывались вне британской юрисдикции. Ваша голова стоила вашей смекалки, а прибыль определялась вашим карманом.

Компания мужчин, преимущественно из Кении (некоторые прибыли с Аляски, из Индии и Европы), устремилась в анклав, надеясь попытаться счастья и хлебнуть «слоновой лихорадки». Многие были убиты слонами и погибли из-за тропических болезней. Лишь некоторые преуспели. Удачливый стрелок добывал в то время 8—10 слонов зараз, и кое-кто разбогател на 75 000 долларов в течение всего лишь шести месяцев.

Поскольку бельгийцы претендовали на анклав, эти люди юридически рассценивались как браконьеры, однако британское правительство официально не признало бельгийские претензии, и охотников не могли схватить, если они успевали пересечь Нил и вернуться с бивнями. Это было выгодно для охотников, и «слоновая лихорадка» началась.

Одним из первых, вступивших на территорию анклава, был наш старый приятель Джон Бойс³. Он мирно почивал на собственной ферме близ Найроби, но как только услышал о кончине короля Леопольда, бросил на жену ферму и устремился в анклав. Джон не имел ни малейшего представления, где бродят слоны, ведь человек может странствовать месяцами, пока не наткнется на их обиталище, однако решил эту задачу в типичной для него

манере. Он пришел к бельгийскому районному уполномоченному и представился торговцем. Они пропустили по несколько стаканчиков, и Джон решил, что пора действовать.

— Я, честно говоря, трусоват и до смерти боюсь слонов, — заявил он. — От души надеюсь, что в округе, где собираюсь торговать, не встречу ни одного.

— Ну почему же, несколько стад здесь еще встречается, — возразил уполномоченный.

— Это ужасно! — воскликнул Джон. — При мне есть карта. Будьте любезны, отметьте эти места, где попадают слоны, — я был бы вам очень признателен.

Уполномоченный с готовностью обвел «слоновые» участки, и Джон отбыл с картой. Нет нужды говорить, это была неоценимая услуга.

Джон наспех набрал носильщиков и углубился в заросли. Даже не будучи профессиональным охотником и не имея сноровки следопыта, он за месяц выручил 13 000 долларов. Слоны — это не бараны, и он зарабатывал деньги, постоянно рискуя. Раз всадил из обоих стволов штуцера в несущегося на него слона-самца без всякого внешнего эффекта и протянул руку за вторым ружьем, которое держал оруженосец. Слон уже высился над ним, когда он вскинул ружье. Ухватив стволы ружья хоботом, слон принялся бить его о землю. Ружье разорвалось, Джон нырнул в траву, а рассвирепевший слон понесся по тропе, гоняясь за носильщиками. Когда Джон выполз из зарослей, то нашел труп оруженосца, лежавший рядом с искореженным ружьем. Слон, наступив на него коленями, всадил один бивень в тело. Придя в себя, Джон похоронил оруженосца и продолжил охоту.

Другие охотники упорно шли по пятам Джона. После этого случая, спустя несколько недель, Джон ранним утром принялся выслеживать слона и увидел, что животное стоит за чьей-то палаткой. Охотник его свалил. Из палатки выскочили в страшной суматохе два

человека, брата Крейвен. Старший в прошлом был офицером британских военно-морских сил, но бросил службу, чтобы принять участие в «слоновой лихорадке». Младший был экс-чемпионом по боксу британской армии; он бросил службу вслед за братом. «Если б знали, что здесь стоит слон, мы б вылезли из постелей и застрелили его сами», — заявил старший, с завистью осматривая огромные бивни.

Впоследствии Джон охарактеризовал их как самых отважных людей, которых он когда-либо встречал. Оба они были удачливыми охотниками и заядлыми игроками; по вечерам братья развлекались, играя в кости, которые изготовили из бивней, и загадывая, сколько слонов добудут завтра. Спустя несколько месяцев старший скончался от тропической лихорадки. Младший так и не отошел от потрясения и покинул страну сломленным человеком.

В следующие месяцы Джон встречал многих, прибывших в этот край в надежде на быстрое обогащение. Он познакомился с Уильямом Бриттлбэнком, окончившим Итон⁴, который объездил Сибирь, Индию, Австралию и принял участие в клондайкской «золотой лихорадке». На Клондайке Бриттлбэнк провалился в обледеневшую трещину и сломал обе лодыжки. Кости срослись плохо, он стал носить ортопедическую обувь. Во время охоты на слонов Бриттлбэнку посчастливилось наткнуться на нефтяную скважину близ озера Альберт. Он попытался сколотить капитал, эксплуатируя свою находку, но грянула I Мировая война, Бриттлбэнк сразу же завербовался и погиб в бою.

Джон Бойс встретил и Бэнкса, охотника-ветерана, который, кроме слонов, был атакован буйволом. Зверь подбросил Бэнкса на рога. Охотник был так изуродован, что ему приходилось поддерживать кисти рук, но его страсть к слоновой кости была так сильна, что

⁴ Итон — привилегированный колледж в Великобритании, основан в 1440 г.

³ Джон Бойс — этому охотнику и первопроездцу посвящена целая глава из книги «Рассказы с африканской границы» под названием «Джон Бойс, король Кикуйю».

он продолжал охотиться, ежевечерне промывая рану марганцовкой. Колдун предсказал, что с ним обязательно случится беда, если Бэнкс останется в анклав. На следующий же день охотник был атакован слоном и чудом избежал смерти. На второй день сгорела его хижина. На третий разорвалось ружье. На четвертый Бэнкс покинул анклав.

Охотникам на слонов серьезно мешала высокая трава: зачастую она достигала высоты от 8 до 10 футов⁵: невозможно было толком выстрелить сквозь эти переплетения. Бойс попытался решить эту проблему, усевшись на плечи оруженосца, но отдача тяжелого «слонового» ружья зачастую валила их обоих. Наконец Бойс выездил мула. Это животное отличалось послушанием и умом. По словам охотника, мул мог стоять на своих четырех копытах как вкопанный, когда Джон, стоя на его спине, начинал стрелять.

Джон очень сильно привязался к этому мулу и брал его с собой, где бы ни появлялся. Однажды, после возвращения на британскую территорию, он вместе с несколькими охотниками за бивнями остановился в маленькой гостинице, чтобы набраться сил перед очередным сафари. Джон втащил мула в гостиную, и животное мирно задремало перед камином. Какой-то охотник-любитель возмутился: он не желал оставаться вместе с мулом в комнате. Браконьеры его быстренько вытолкали, закрыв дверь изнутри, а мула оставили, чтобы животное могло провести ночь спокойно.

После одной из поездок Джону пришлось переправляться со своей слоновой костью через озеро Альберт на грузовом пароходике, которым правил человек по имени Дэвид Беннетт.

На Беннетта, который привык называть себя Адмиралом Нильской флотилии, хотя это

было одно-единственное судно в окрестностях, произвели сильное впечатление рассказы Джона. «Господи, вы работали за месяц больше, чем я за три года на этой старой калоше! — воскликнул он. — Одолжите мне ружье». Джон дал ему одно из своих тяжелых ружей. Беннетт быстро высадился на берег, под угрозой оружия нанял своих пассажиров-туземцев в качестве носильщиков и отправился за слонами. Джону пришлось везти слоновую кость на каноэ.

Беннетт ничего не смыслил в охоте и после сафари, спустя три месяца, изможденный, вышел на берег озера с пустыми руками, если не считать одного небольшого бивня, который ему дал дружелюбно настроенный вождь. Однако Беннетт не унывал. Он отправился на своем судне в Бутиабу, чтобы снарядить очередное сафари...

Видно, бедняге Беннетту была уготована тяжелая судьба. Через несколько дней в новом сафари он столкнулся с племенем, которое проявило величайший интерес к его скорострельной винтовке. Беннетт показал им, как ее заряжают. Туземцы спросили, как же ее разрядить. Беннетт продемонстрировал со словами: «Вот теперь ружье безопасно». «Это-то мы и хотели узнать», — молвил туземный предводитель и прыгнул на Беннетта. Туземцы захватили лагерное имущество и поволокли охотника в деревню, где содержали как пленника. «Я нисколько не беспокоился, пока они не начали меня закармливать и требовать, чтобы я каждый день мылся, — рассказывал впоследствии Беннетт. — Поскольку все они были каннибалами, мне это показалось довольно подозритель-

ным». Встретив по соседству других охотников за бивнями, туземцы всполошились и отпустили Беннетта, предварительно отняв у него все, чем он располагал.

Но ничто не могло обескуражить Беннетта. Через несколько недель он вернулся с новым снаряжением. На сей раз уже другие туземцы, заметив охотника в центре поросшего высокой сухой травой поля, подошли со всех сторон — оказывается, они решили над ним пошутить. Беннетт едва не сгорел и спасся лишь случайно, плюнувшись в крохотное болотце. Он зарылся в грязь, пока вокруг бушевал огонь, однако потерял все имущество. С сожалением должен сообщить читателю, что Беннетт, как многие браконьеры, в конце концов умер от тропической лихорадки.

Вопрос доставки браконьерской слоновой кости на рынок был всегда делом трудным; проще и легче всего было переплыть Нил под огнем бельгийских патрулей. Многие браконьеры, вытерпевшие лишения и опасности в зарослях, теряли все до нитки в этот последний рискованный прорыв. Нил был забит массой «саддов» — плавающих островков, но проходы между ними знали одни лишь туземцы.

Переправа осуществлялась только по ночам. Каноэ, нагруженные до планшира слоновой костью и людьми, укрывались в высоких тростниках, пока разведчики не докладывали, что все спокойно. Затем, по условному сигналу, люди начинали гребсти. Случалось, что на открытом месте каноэ бывали атакованы бегемотами, пасущимися по ночам, а иногда крокодилами. Открыть огонь по этим подводным монстрам значило бы привлечь внимание патрульной службы.

Среди браконьеров встречались разные типы. Они учились не только в Ито-

⁵ 1 фут — 30,48 см.

не, но и знавали трущобы Неаполя, и суровые шотландские нагорья. Один из браконьеров, итальянец-отщепенец, имел гнусную привычку приставать к туземным женщинам. Я не стал бы изображать браконьеров как компанию иконописных святых, но этот порок был совершенно неведом в их кругу, не считая одного трагического исключения. Итальянца преследовала группа разъяренных туземцев; при попытке пересечь поток его смертельно ранили из старого шомпольного ружья, затем приволокли в деревню, изрезали на куски, когда он был еще жив, а затем съели.

Совершенно иной личностью был старый шотландец, которого звали Мак-Куин. Он славился не меткой стрельбой, а фанатичной набожностью, но весьма своеобразной. Услышав, что человек богохульствует, Мак-Куин, избобляя грешника, яростно изливал на него такой поток ругательств, что жертва столбенела.

Джеймс Мэнли, один из старейших охотников на слонов, поведал мне, как Мак-Куин пришел на железнодорожную станцию, где оказался и Мэнли. Рука МакКуина была так сильно искалечена слоном, что доктор решил ее тут же ампутировать. Анестезирующих средств не оказалось; Мэнли и доктор вливали в старика виски, пока тот не отключился (эта процедура поглотила весь запас станционной лавки, а он был рассчитан на несколько месяцев). Затем доктор ампутировал руку. Мэнли выступал в качестве ассистента. Когда рука была отсечена, в помещении ворвалась деревенская собака, схватила руку и умчалась. Мэнли пытался ее поймать, но потерпел неудачу и со словами: «Будь проклята эта собака» — вернулся помогать доктору.

Когда Мак-Куин пришел в себя, ему сообщили, что у него теперь нет руки. Он спросил: где же она? «Мы ее похоронили», — сказал Мэнли. «Я думаю, что ты бы должен был произнести хоть несколько слов над рукой», — укорил МакКуин. «Не волнуйся, я сказал все положенные слова, которые приличествуют», — заверил старика-шотландца Мэнли. Покинув больницу, Мак-Куин вновь отправился бить слонов. Он смастерил треногу и при стрельбе клал на нее ружье. Я так и не выяснил, что с ним стало.

Бельгийцы вели неустанную борьбу с браконьерами, и историки, которые любили рассказывать ветераны, посвященные тому, как они ухитрялись провести патрульную службу. Если это удавалось, они старались втереться в доверие к бельгийцам. Джон Бойс рассказывал о компании браконьеров, ожидавших случая пересечь реку с британской стороны, которые предложили бельгийскому чиновнику отобедать с ними и обсудить эту ситуацию. Бельгиец согласился, и Бойс налил ему полный стакан. Бельгиец осушил его одним залпом. Это произвело сильное впечатление даже на видавших виды браконьеров, которые сразу же нали-

ли ему второй. Бельгиец выпил и второй, вероятно, полагая, что виски — это какой-то сорт виноградного вина. К финалу чиновник заплетающимся языком произнес: «Ну-с, а теперь, джентльмены, ближе к делу» и тут же рухнул, будучи мертвецки пьяным. Естественно, браконьеры сделали вывод, что такую возможность им посылает небо, и поспешили к реке со всем снаряжением.

Мой старый друг Билл Джадд ухитрился повернуть одну из наиболее изощренных мистификаций по части обмана патруля. Билли находился в деревне, когда туземцы сообщили, что бельгийский патруль расположен на холме и следит за болотом, по которому он должен добираться до Нила. Туземцы большей частью стояли за браконьеров, хотя бы потому, что, когда слон бывал убит, они получали мясо как свой законный паи. У Билла и имелись срезанные жерди и известковый раствор, которым туземцы обычно белят стены своих глиняных хижин. Он отправил большую часть своего каравана с бивнями подальше от холма и принялся открыто пересекать болото вместе с несколькими носильщиками, которые тащили белые жерди. Патруль поспешил спуститься с холма, чтобы его арестовать, а тем временем бивни переправили через реку в полной безопасности.

Для браконьеров эти проделки не всегда проходили гладко. Раз судно Беннета плыло по озеру. Команда заметила совершенно голого, если не считать тропического шлема, человека, который отчаянно сигнализировал. Этот человек оказался браконьером, который был трижды пойман с поличным бельгийским офицером. Бельгийцы порядком надоели его проделки: он развел браконьера, выпорол его и бросил голышом, оставив ему только шлем, чтобы тот не получил солнечный удар.

На браконьеров редко подымали руку, но случалось так, что не было выбора. «Карамоджо» Белл⁶ даже не преминул воспользоваться своей винтовкой. Это был величайший охотник на слонов, которого звали мир. Он заслужил прозвище замечательными подвигами на землях племени карамоджо в северо-западной части Кении. Белл был потрясающим стрелком. Раз Мэнли видел, как он стрелял рыбин из винтовки, когда они выпрыгивали с озерной глади, хватая на лету мух. Он прославился тем, что пользовался винтовкой малого калибра, зная в совершенстве анатомию слона, другое оружие ему и не требовалось. Раз Белл переплывал реку на бельгийский берег, днище каноэ протекло. Он снял сапоги, чтобы сохранить их сухими, и, когда он их надевал, его арестовала группа бельгийских аскари⁷. Переправа на

другой берег не считалась провинностью, и совесть Белла на сей раз была чиста. Он попытался втолковать аскари, что вот-вот обучается, но один из них схватил Белла — и началась потасовка. Охотник знал нравы бельгийских аскари, которые представляли собой попросту вооруженных дикарей, убивавших и поедавших пленников. Он вскинул ружье и выстрелил в толпу, убив одного из них. Белл успел прыгнуть в каноэ и оттолкнуться. Разъяренные аскари открыли огонь, но, к счастью Белла, все они были неважными стрелками. Аскари окружили носильщиков-туземцев, выбрали одного из них и застрелили в отместку. В такой форме осуществлялось правосудие в анклав.

Некоторые из ветеранов-браконьеров все еще здравствуют. Один из них — Ф. Х. Кларк, которому сейчас 70 лет; в Кении близ Накуру у него есть ферма. Я позволю себе изложить рассказы Кларка, дабы читатели имели ясное представление о типе характера мужчины, который пустился в столь опасное предприятие.

Кларк прибыл из Англии в 1904 году еще юношей. Он работал приказчиком в магазине и ежемесячно получал баснословную зарплату в 20 фунтов (около ста долларов). «Для человека без родственников или без поддержки делать в Англии было нечего, и потому я решил попытаться счастья в Африке», — объясняет Кларк. Работа приказчиком была ему не по душе, и вскоре он познакомился со старателем по имени Мак-Алистер, который уверял, что на западном берегу озера Альберт имеются запасы золота. Кларк отправился с Мак-Алистером на поиски, но золота они не нашли. Подхватили только тропическую лихорадку, от которой Мак-Алистер и скончался. У старателя остались кое-какие сбережения. И тут Кларк прослышал о «слоновой лихорадке». Он вложил свой скромный капитал в покупку старого маузера 10,75 мм и присоединился к охотникам.

«Секрет успеха охотника за бивнями — умение ладить с туземцами, снискать их расположение, — объяснял Кларк. — Наилучший путь — застрелить агрессивного самца, который крушит их деревни. Помню, как я пошел за таким слоном, который чуть меня не провёл. Я его выслеживал вместе с оруженосцем. Мы его не видели, но слышали, как урчит у него в брюхе, когда он кормится. Начали подкрадываться. Вдруг эти звуки прервались — это был плохой признак. Я понял, что слон нас разглядел и стал всматриваться. Тут оруженосец коснулся моего плеча и на что-то указал. Я поглядел, куда он указывал, и увидел блик бивня крупного самца прямо над своей головой и что-то похожее на змею, ползущую через кустарник в направлении моей груди. Это был хобот слона. Я даже не успел вскинуть ружье — выстрелил, упираясь в бок. Это был мой самый счастливый выстрел — самец рухнул. Когда мы вырубали бивни, то нашли в каждом из

⁶ «Карамоджо» Белл — один из величайших охотников на слонов, упомянутый в книге Д. Хантера «Охотник».

⁷ Аскари — африканский полицейский (суахили).

них по галлону⁸ гноя в зубной ямке. Животное обезумело от боли и потому взбесилось. После этого случая с этим племенем не было никаких проблем. Туземцы выслеживали слонов для меня, предупреждали о появлении патрулей и не знали, как мне угодить».

Тем не менее Кларк не всегда столь удачно сходилась с туземцами. «Однажды, когда вступили на земли пигмеев, я послал двух парней к озеру за почтой, — вспоминал он. — На следующее утро один из них, еле живой, вернулся в лагерь. Он сказал, что на них напали пигмеи и что его друг убит. Туземцам нельзя позволять резать моих слуг, и потому я отправился туда, чтобы выяснит, что же случилось. Мы добрались к месту, где был убит гонец. Оказывается, пигмеи развели костер и его съели. Все, что от него осталось — только его оружие. Я начал палить по маленьким негодьям, и все они попрыгали в джунгли. Я стал осматривать поле боя и выяснил, что один из пигмеев еще жив, пуля лишь скользнула по его черепу. Он был старым, морщинистым и беззубым, однако мог хотя бы шамкать. Мы взяли его с собой, то ли как заложника, то ли как ручного зверька. Дали ему одежду, поскольку он был совершенно гол, и хорошо кормили. Большой частью пигмей был свободен; мы его развязали и не запирали на засов. Я пытался с ним поговорить. Пигмеи — великопепные следопыты. Они знают джунгли лучше, чем я — свой дом, и знают поименно каждое большое дерево в окрестностях. Мы держали его полгода, а затем, покидая эти места, отпустили. Умори-тельно было глядеть, как он старательно снял свою одежду, аккуратно сложил ее в кучку и с низким поклоном нам ее вручил, а затем засеменял в джунгли, совершенно голый. Больше мы его не видели».

Многие из воспоминаний Кларка касаются практических вопросов транспортировки и продажи слоновой кости. «Когда видишь стадо, естественное желание — выбить самцов с тяжелыми бивнями, — отмечал он. — Вскоре я понял, что это большая ошибка. Идеальный вес бивня — семьдесят пять фунтов. Если груз превышает этот вес, носильщик не может его нести. Носильщики терпеть не могли, когда бивень привязывали к шесту. Это был громоздкий груз, а если тропы узкие, люди никак не могли распределить вес так, как если бы они тащили один клык.

⁸ 1 галлон (английский) — 4,546 л.

Многие охотники оставались в джунглях до тех пор, пока не набирали несколько сотен бивней. Полагаю, что это непрактично. Я брал 50—60 бивней и двигался к реке».

Кларк коснулся еще одного качества, которым располагали охотники за слоновьей костью, — отваги. Для этих людей отвага была не абстрактным понятием. Это был товар, которым они располагали в большей или меньшей степени, но прекрасно сознавали, что сей предмет подвержен колебаниям, как и на рынке. «Если охотник чудом спасся от слона, он всегда считал своим долгом сразу же приступить к охоте, — отмечал Кларк, — иначе от терял самообладание. Чтобы не робеть на охоте, раз и навсегда, надо было собраться с духом и идти вперед. Но почти все мы в конечном счете проходили этот душевный надлом. Счастливчик тот, кто это предусмотрел и вовремя остановился, но многие из нас этого не сумели — как бедняга Билли Пикеринг».

Билли Пикеринг был широко известным членом братства браконьеров и человеком большого мужества. Как-то раз Кларка известили, что Билли убит сломом. Самец оторвал ему хоботом голову, а затем истоптал тело. Впоследствии нашли совершенно целую голову — она валялась поодаль в кустах.

«Я беседовал с туземными слугами Билли, — рассказывал Кларк. — Один из них сообщил мне странную вещь. Он сказал: «Слон кинулся на бвану⁹, как это случалось много раз и раньше. Бвана вскинул винтовку и прицелился, но не смог нажать на спусковой крючок. Он стоял будто застывший. Как вы уже знаете, слон бросился и убил его».

Я ни разу не слышал об охотнике храбрее Билли, но могу догадаться, что же стряслось. Просто Билли дошел до точки. Когда он отправлялся охотиться на слонов, его нервы месяцами были натянуты и в конце концов не выдержали. Они будто лопнули. Вот так пришел конец Билли. После его смерти я продолжал охотиться еще несколько месяцев. Как можно догадаться, почти все охотники раньше или позже погибали, хоть от тропической лихорадки, хоть от слонов.

Раз утром я плыл по реке Семлики на каноэ с моими ребятами и неожиданно наткнулся на мочегучего слона-самца с прекрасными клыками; он пил воду из реки. Каноэ находилось от него в шести ярдах. Ребята глубоко погрузили весла в воду, чтобы устойчиво держать

⁹ Бвана (суахили) — господин.

каноэ, и я поднял ружье. Я не испытал ни малейшего волнения. К тому же я это проделывал месяцами. Думаете, что я не смог нажать на спусковой крючок? Была парализована вся моя рука! Каноэ плыло по течению, а парни все пытались удержать его на месте и дать мне возможность нажать на этот проклятый крючок. Я не мог двинуть ни одним мускулом! Наконец слон повернулся и ушел. Я опустил ружье и сказал так: «Ну что же, ребята, хватит. Возьмем всю слоновью кость, которая у нас осталась, и повернем на британскую территорию. Я сыт по горло». Я не хотел повторять путь бедняги Билли и многих других. Я прочно «завязал».

После того как Кларк ушел на покой как добытчик слоновой кости, он устроился охотинспектором в Кении и, как многие пожилые охотники, в том числе и я, посвятил себя защите животных, на которых в прошлом охотился.

Я знаю, что многие мои читатели вряд ли будут симпатизировать людям, которые не только нарушали международные законы, но и убивали в массовом количестве последние стада слонов, точно так же, как знаменитые американские охотники истребляли тысячи бизонов. И, наверное, лишь редкие смогли бы понять и извинить старого охотника, который относился к этим людям с определенным уважением. На мой взгляд, подобающее восхищение к добытчикам бивней выразил покойный Теодор Рузвельт¹⁰ во время путешествия в Уганду. Экс-президент настаивал на встрече с браконьерами и отобедал с некоторыми из них. Во время обеда м-р Рузвельт поднял бокал и провозгласил тост: «За браконьеров анклава Ладо!» Охотники добродушно запротестовали и подчеркнули, что с английской точки зрения они — не браконьеры. «Тогда я изменил тост, — сказал м-р Рузвельт. — За товарищество «джентльменов удачи!»

Кенийцы никогда не забудут этот тост, а потому, в сущности, каждый охотник тех времен не ел свой хлеб зоря, промышляя в анклав; он хранит в памяти товарищество «джентльменов удачи», которых все мы любили.

Джон ХАНТЕР
Перевод с английского А. Чегодаева

Рисунки Б. Игнатьева

¹⁰ Теодор Рузвельт (1858—1919) — 26-й президент США, заядлый охотник, автор нескольких книг об охоте в США, Африке и Бразилии.

Самый любимый журнал

Всеволод СЫСОЕВ

Дорогой Олег Кириллович!
Захотелось перед читателями Вашего славного журнала приоткрыть свою душу охотника, который с высоты своего 90-летнего возраста пробует разглядеть совершенные им дела и дать им оценку.

Сочту за большой подарок, если опубликуете, и не обижусь, если воздержитесь. Журнал так много и так тепло поведал обо мне, что, может быть, эти биографические строчки более сгодятся для некролога. Хотя умирать я не собираюсь и думаю посидеть на вечере в честь своего 100-летия.

Крепко обнимаю, всегда Ваш —
Всеволод Сысоев
Сентябрь 2001 г.
г. Хабаровск

Сегодня мне хочется признаться в любви к нашему славному журналу — «Охота и охотничье хозяйство».

Большую роль сыграл он в моей жизни! В минуты тяжелого разочарования, нападок критиков и недоброжелателей он всегда был мне духовной опорой, ободрял, вдохновлял, поощрял. И хотя с возрастом мой охотничий пыл угас, я как ребенок рад нашей бескорыстной дружбе и духовному родству.

С благодарностью вспоминаю свою родную тетюшку Тосю, не побоявшуюся подарить мне ружье — одноствольный дробовик 16 калибра, — а ведь мне было всего 13 лет! И начал я охотиться в Рославльских лесах по перу, затем на перепелок, на яйле, близ Ялты. Увлекательна знаменитая перепелиная охота с подружейной собакой в Крыму. Иной раз на «высыпках» пролетного перепела в день до ста выстрелов делаешь. На этой охоте я и овладел высоким искусством стрельбы дробью по движущейся мишени: стрелять перепелов приходилось только влет.

Не расставался я с ружьем и во время учебы в Московском пушно-меховом институте. Проходя практику под Рязанью, я увязался с охотниками на волков и в одной из облав добыл матерого волка, вес которого достигал 70 килограммов! Это был первый серьезный трофей в моей юности.

Окончив институт, я связал свою судьбу с Дальним Востоком. Каким бы делом, по воле обстоятельств, мне ни приходилось заниматься, я всегда оставался верен своей профессии и охотничьей страсти.

На склоне лет, когда наступают сумерки жизни, хочется спросить самого себя: что же главное сделал в этой жизни? Да и другие часто спрашивают меня об этом. «Но я не делал людям зла, а потому мои дела немного пользы

вам узнать, — а душу можно ль рассказать?» — отвечаю я словами М. Лермонтова.

И все же кое-что сделано! Когда я приехал на Дальний Восток в 1937 году, в его необозримых лесах не было ни норки, ни ондатры, а драгоценный соболь находился на грани исчезновения, и охота на него была запрещена. Воспитанный на идеях о преобразовании природы, я горячо взялся за дело обогащения природы Приамурья: прежде всего сюда были завезены заморские звери. Работники заготовительных организаций без восторга встретили появление в крае норки. По их мнению, в край, именуемый «рыбным цехом страны», завозить зверька, питающегося рыбой, недопустимо. Да и ондатра, с их точки зрения, в крае ни к чему: в Маньчжурии Квантунская армия Японии разрабатывает методы бактериологической войны, и ондатра — мускусная крыса, как и многие грызуны, станет разносчиком чумы.

Теперь охотоведы доказали на практике, что норка не враг, а друг морских лососей: она поедает «сорную» рыбу, питающуюся икрой и мальками лососей. «Реабилитирована» и ондатра.

Не все гладко складывалось с идеей восстановления соболиного промысла. Некоторые «ученые» пытались убедить меня в том, что соболь сходит с арены

жизни, что он — вымирающий вид, а раз так, то и нет смысла тратить средства на восстановление его численности. Лучше заняться массовыми видами пушного промысла — белкой, лисицей, песцом. Однако я стоял на других позициях, я был убежден, что соболь не только прошлое, но и будущее пушного дела Сибири.

Появилась в научных кругах и другая теория — не надо вмешиваться в естественный ход процессов расселения и восстановления численности этого вида, опять-таки ради экономии средств. Не переубедила меня и эта теория: ведь не привели ни к чему неоднократные и многолетние запреты охоты на соболя, динамика численности его была неутешительной. Я не сомневался в успехе нашего дела, считал, что только активным вмешательством и помощью в расселении соболя по всему Дальнему Востоку можно добиться возрождения соболиной славы нашего края.

Изучив состояние популяций соболя в отдаленных районах края, мы выяснили, что раса наиболее темных и крупных зверьков сохранилась лишь на Камчатке и в горных районах истоков рек Бурея и Уда. Сколько же веков ушло бы на процесс естественного расширения и затем слияния этих локальных ареалов! Меня это не устраивало. К

В. П. Сысоев (справа) беседует с И. Я. Гуськовым, охотником-медвежатником, с которым они поймали 2-летнюю тигрицу. 1988 г., Хабаровск

тому же я хорошо знал, как благотворно скажется «вливание свежей крови» на состоянии угасающих популяций соболей.

На наше счастье, Москва и журнал «Охота и охотничье хозяйство», вопреки местным скептикам, поддержали наши начинания и морально, и материально. Сотни тысяч рублей были истрачены на создание соболинго рассадника в Верхне-Буреинском районе, на оплату охотникам за поимку живых соболей, на фрахтовку самолетов для перевозки драгоценных «переселенцев». Более пяти тысяч соболей расселено по Дальнему Востоку России за семилетний период (всего-то!) существования рассадника — с 1952 по 1959 год. Причастность к этому делу дала мне право быть на выставке — ВСХВ — в Москве в 1955 году и получить медаль участника.

Сегодня с чувством удовлетворения и гордости читаю в сводках: в заготовках пушнины в крае доля соболя, норки и ондатры составляет 85 %. Мои усилия и труд оказались не напрасными, вопреки предсказаниям моих оппонентов. Акклиматизация норки и реакклиматизацию соболя в наших краях следует признать особенно успешными и давно окупившими все затраты.

Я долго сомневался в целесообразности выпуска соболей в зоне кедрово-широколиственных лесов. Ведь для расселения мы брали соболей из светлых хвойных стадий. Сомнения мои рассеялись: в Больше-Хехцирском заповеднике под Хабаровском соболи не переводятся, а побывав недавно на реке Подхоронок, я узнал, что и здесь соболю чувствует себя не хуже, а лучше, чем на своей родине.

Путешествуя по краю, я не переставал удивляться и восхищаться его природой: сколько же в ней необычного, неповторимого, как лечит она душу городского человека. Все, чем так щедро одарила меня природа, захотелось передать людям. Так начался мой путь в литературу. Я постарался положить на бумагу неописуемую красоту наших северных джунглей, которую увидел, прочувствовал в своих скитаниях по делям Приамурья. Мои книги — это записки натуралиста карандашом с натуры, и я благодарен издателям, включившим некоторые из них в школьные учебные хрестоматии. Однако. Главной своей книги я еще не написал.

Желание поделиться своими знаниями о крае привело меня в свое время к студентам-географам, я на несколько лет стал преподавателем, а затем деканом географического факультета Хабаровского педагогического института. И не только читал лекции по краеведению, но и водил студентов на практике по дальневосточным просторам.

Моя мечта — создать в Хабаровске зоопарк, чтобы приблизить к людям уникальный животный мир Приамурья, пока не осуществилась. Зато музей, и не только Хабаровский, я пополнил многими диковинами. Это причудли-

вые деревья: краса и гордость северных джунглей — полуторатысчателный тис, бархатное дерево, древовидная лиана и пальмовидная аралия. Воскресил в диорамах наши растительные сообщества, воссоздал таежную трагедию — схватку тигра с медведем-шагнуном. Убивая зверей, я возвращал их к жизни в виде художественных экспонатов. Только в Хабаровском музее вы можете видеть древесную берлогу гималайского медведя с ее обитателем. Мои трофеи есть в дальневосточных, московских, и даже в парижском музее.

Пришлось мне поохотиться за бивнями ископаемых слонов, поучаствовать не однажды в археологических экспедициях, удивив своими находками даже академика А. П. Окладникова.

Музей научил меня ценить труд и достижения великих моих предшественников. Это по моей инициативе и при моем непосредственном участии воздвигнут памятник Г. И. Невельскому на Петровской косе, возрожден памятник Н. Н. Муравьеву-Амурскому на Амурском утесе. Тридцать лет ушло на превращение в жизнь идеи создания памятника проводнику и наставнику В. К. Арсеньева — Дерсу Узала на месте его гибели. И, наконец, памятник известному писателю-романисту Н. П. Задорову в Хабаровске.

Пожалуй, я могу назвать себя ревностным служителем храма муз!

Не оставался я в стороне от общественной жизни: был председателем городского общества охотников, председателем Ученого совета Приамурского географического общества, депутатом районного совета... Нестя числа всем обществам и комиссиям, в работе которых я, по мере возможности, принимаю участие по сей день.

Меня можно отнести к редкому подвиду человека земного: моя жизнь протекала на лоне природы. Я занимался работой, которая была одновременно и страстью, и профессией.

Женившись по любви, более шестидесяти лет вместе с супругой Екатериной Максимовной иду нелегкой дорогой судьбы. Был на войне, спасал раненых. Работал на БАМе, который еще скажет свое слово в истории Дальнего Востока России.

Вырастил двух хороших дочерей, а теперь радуюсь и люблюсь правнуками. Выстроил дом, посадил с десятком деревьев — словом, выполнил все, что предназначено судьбой сделать каждому человеку. И всеми своими успехами обязан матери, жене и любимым классикам литературы. А теперь, как сказал поэт:

*Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход...*

Запчасти к снегоходам и мотопикам
Высмаем вложенным вложением
Адрес: 107392, а/я 42

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Носков В. Т. Охотничьи животные Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2001. — 146 с.

Дан краткий исторический и современный обзор системы охотничьего хозяйства Бурятии, основных видов зверей и птиц, служащих объектами промысловой и любительской охоты. Рассматриваются сведения о распространении, биологии, хозяйственном значении и состоянии их численности. Даны рекомендации по оптимизации охраны и использованию охотничьих животных для зоологов, экологов, специалистов по охране природы и охотоведов.

Козлова М. М. Сергей Александрович Бутурлин. 1872—1938. Серия «Научно-биографическая литература». М.: Наука, 2001. — 134 с., ил.

Это научная биография известного отечественного орнитолога-систематика, фауниста и зоогеографа, доктора биологических наук С. А. Бутурлина, одного из основателей советской школы охотоведения, автора охотничьего законодательства, составителя научно-практической концепции развития и совершенствования охотничьего хозяйства страны, сторонника проведения государственной политики рационального природопользования. В основе книги — результат исследовательской деятельности автора по изучению архивных материалов, опубликованных и неопубликованных работ ученого, собранных им коллекций, переданных в дар Зоологическому музею МГУ.

Герман В. Е. Охота на пернатую дичь. М.: Изд-во охотничьей литературы, ООО «ПТП Эра», 2001. — 5000 экз. 352 с., ил.

Книга В. Е. Германа, известного энтузиаста не только охоты, но и охотничьего книгоиздания, многолетнего члена редколлегии альманаха «Охотничьи просторы», прошла испытание временем, стала ценным руководством для охотников. Написанная в середине XX века, она продолжает традицию Аксакова и Сабанеева, становится охотничьей классикой.

Зворыкин Н. А. Бригадная охота с флажками. М.: ООО «ПТП Эра», 2001. — 5000 экз. 64 с., ил.

Работы Н. А. Зворыкина — классика охотничьей литературы. Эта брошюра вышла в 1933 г. Но кто хоть раз стоял на стрелковой линии или был в окладе на флажковой охоте, знает, что и сегодня к написанному автором, что называется, ни убавить, ни прибавить.

Житенёв Д. В. Охота на уток с чучелами. М.: ООО «ПТП Эра», 2001. — 5000 экз. 65 с., ил.

Это издание, написанное охотоведом и журналистом Дм. Житеневым, поможет и начинающим и опытным охотникам освоить непростую, но самую доступную и очень увлекательную охоту — на уток с чучелами.

Заказать эти книги можно по адресу: 143909 Московская обл. г. Балашиха, 9 а/я 96.

Уважаемая редакция журнала! Пишу вам впервые, хотя журнал выписываю уже 30 лет. Родился и вырос я в Курской области, с детства любил природу, братьев наших меньших и эти чувства сохранил до сих пор. В 20-летнем возрасте переехал на Украину. Очутившись в степных просторах, продолжал заниматься охотой. Сейчас мне 45, имею хороших породистых охотничьих собак, принимаю участие в выставках, секретарь секции собаководства всего района. Мой взрослый сын тоже увлекается охотой, мы хотимся вместе.

Хочу вам рассказать об одном случае. В этом году, в день открытия, я с товарищем и нашими сыновьями ехали к местам охоты. Было раннее утро, зорька только занималась. И тут мы увидели на поле стаю волков (всего 8). На пути их движения была лесополоса шириной метров 15—20. Серым крупно не повезло. В лесополосе кто-то расставил петли, и, когда мы начали преследовать хищников, с противоположной стороны выбежали только четыре волка. Где же остальные? Мой друг со своим сыном остался на краю лесополосы, а я со своим на автомашине «Нива» начали

преследовать серых. Это было поле, засеянное многолетней травой — люцерной, и волкам уходить было нелегко. Одного волка мы смертельно ранили и через час полтора обнаружили его по следам.

Когда мы вернулись к товарищам, спросили, где же остальные волки. Уйти они не могли, значит, где-то здесь. Посовещавшись, начали прочесывать лесополосу и вдруг увидели волков. Они стояли как прибитые. Оказывается, хищники попали в петли. Согласно охотничьим законам, мы стали расправляться с разбойниками. Трех убили, четвертый сорвался и убежал, но и ему не повезло — впереди охотники соседнего села Коломийцы устроили облаву и застрелили беглеца. Это увлекательное происшествие продолжалось более двух часов. Мы продолжили охоту на лисиц с гончими и добыли их восемь.

Хочу отметить, что такое открытие охоты за все 30 лет у меня было впервые. Фамилия товарища — Дорошев Николай Константинович, его сын — Костя, моего — зовут Игорь.

Напоследок хочу пожелать вам добра, всяческих благ и удач, интересных публикаций, а также друзьям своим — охотникам (их у меня много в разных регионах страны) — удач в охоте, в общении, всем «ни пуха, ни пера».

Н. КУЛИКОВ,
нач. объединения «Водоканал»
Днепропетровская обл.

его нет рядом. Вот мы и решили передать всем им привет через наш журнал. Спасибо большое за все, что вы делаете.

семья МАТЮХИНЫХ
г. Орел

Здравствуй, уважаемая редакция нашего журнала! Долго мучился и все же решил отправить вам описание моей охоты на лисицу.

Живу я на юге Красноярского края. Зимы у нас малоснежные, хотя бывают и большие снега. Нравится мне охота на степных просторах. Уж очень интересно побороться один на один с умным и хитрым зверем. Снег ложится у нас во второй половине ноября, а то и в декабре месяца. На охоте пользуюсь биноклем 7-кратного увеличения.

Был у меня один интересный случай по чернотропу. С небольшого пригорка наблюдал я за одной лисой. Она была от меня на противоположном косогоре метрах в семистах, видимо, шла на лежку и попутно мышковала. Солнце уже взошло и находилось за спиной у меня. Чтобы не спугнуть осторожного зверя, я присел на колени и стал обдумывать, как можно перехватить лису: по ходу или когда она надумает лечь. И каково же было мое удивление, когда метрах в 25—30 из зарослей полыни появилась еще одна лиса. Когда она вышла и остановилась, мне показалось, что она была удивлена не меньше, чем я. Мне осталось только прицелиться и нажать на спуск. Моему успеху содействовало то, что данный лисовин вышел на меня с подветра.

Был еще один очень поучительный случай. Он показал, что в охоте на лису не должно быть мелочей, спешки и самонадеянности. Увидел ее в бинокль километра за полтора. Она шла на лежку, попутно проверяя интересные места. Покрутившись, улеглась. Начал скрадывать при очень неблагоприятных условиях: ветер слабый, мороз 22—25, к тому же лиса выбрала себе место на редкость удачно. Легла вплотную возле надува снега. Мес-

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишет вам охотовед Воронежской региональной общественной организации охотников и рыболовов. Работаю в оперативной группе по выявлению фактов нарушений правил охоты и рыбной ловли. Работа мне нравится, но, как и у всех, есть трудности — это бензин, транспорт, средства связи.

Браконьер стал жесток к животному миру и к работникам охотхозяйства. Трудности есть и в областном аппарате, но считаю, что благодаря председателю Н. П. Котову наше областное общество охотников стоит крепко на ногах — по сравнению с другими.

Из диких животных у нас есть: лисица, заяц, енот, куница. Этих зверей вполне достаточно. В последние годы увеличилось количество волка. Слабо обстоят дела с копытными.

Но вот вроде и все. Держу лошадей — двоих орловских рысаков. Посылаю фото. Поздравляю всех с Новым годом!

Б. БУДКОВ
Воронежская обл.

Лошади Хреновского конезавода используются не только в спорте, но и в охране охотничьих угодий области

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

то ровное, нигде ни кустика, ни ложбинки.

Подполз из-под ветра метров на 80, дальше нельзя, подшумлю, увидит, хотя очень выручает белый костюм. Посмотрел в бинокль, вижу, лежит спиной. Ну, думаю, хоть лежит более-менее удачно. Решил скрадывать в полный рост, не таясь, но осторожно. Делаю шага четыре и замираю, так как лисица подняла голову, явно прислушиваясь. Успокоилась, шагаю дальше. Стоп! Опять встревожилась. И так несколько раз. Осталось метров 45. Лисица поднимается и, глядя в мою сторону, собирается уходить. Деваться некуда, вывожу стволами под лопатку и стреляю. Она после двух прыжков падает как подкошенная. Ну, думаю, вот успех с одного выстрела. Сделал шага четыре, а моя лисичка вскочила и со всех ног припустила под косягор.

А я ведь после первого выстрела недозарядил ружье. Стрельнул второпях еще раз и промазал. Вот так из-за своей самонадеянности остался без трофея, казалось бы, верного. Прошел по ее следу метров 400, но так и не увидел ни капли крови, что показывало бы хоть на малейшее ранение.

Е. САВУШКИН
Хакасия

Здравствуйте, уважаемая редакция любимого журнала! Пишет вам охотник с 45-лет-

ним стажем из города Ставрополя. Ваш журнал с каждым номером становится лучше и содержательнее. Спасибо вам! Выписываю я его много лет и каждый очередной номер жду с нетерпением.

Мне 65 лет, и я не представляю себя без вашего журнала и охоты без собак. У меня перебивало много пород охотничьих собак, но особое предпочтение я отдал собакам норных пород. Практически одним из первых в Ставрополе завез жесткошерстных фокстерьеров и успешно с ними охотился много лет. Стал экспертом собак норных пород на выставках и испытаниях. В общем, заболел охотой и норными окончательно!

В начале 1985 г. мне посчастливилось завезти из Литвы — Трокайское зверохозяйство — щенков ягдтерьеров, линию которых я сохраняю и на сегодняшний день. Прекрасные, универсальные собачки, которым цены нет, если, конечно, их правильно вырастить и натаскать.

В нашем благодатном крае я с ними охочусь не только на пушного зверя, но и на пернатую и водоплавающую дичь, причем довольно успешно. Мало того что птица выставляется под выстрел, главное, что практически 100 % битой птицы и подранки добираются, а это немаловажно.

Ф. В. КРИВЕНКО,
председатель секции
охотничьего собаководства
Ставропольского МООиР

Семья Ляшенко после удачной охоты

Добрый день, уважаемая редакция! Журнал наш выписываю давно, а еще раньше стал охотником. Охота для меня — прежде всего отдых как физический, так и моральный. Моя жена, Лидия Николаевна, любит рыбачить, но заодно и увлеклась охотой. В свободное время, а его так мало, мы выезжаем на рыбалку, ходим на

пушного зверя. Охотимся в основном на лисицу и зайца вместе с нашим помощником русской гончей Байкалом. В один из сезонов мы в первый день добыли одного зайца, а на другой — двоих. Считаю это большой удачей, что и послужило поводом для фотографии на память. Кроме Байкала, с нами еще и Жана.

А. ЛЯШЕНКО
Харьковская обл.

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

КМ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

В ТАЙМЫРСКОЙ ТУНДРЕ

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№ 12, 1999) опубликована статья Р. Дормидонтова «Катаклизмы 1999-го», где, в частности, говорится о трагедии в тундре, связанной с массовым выплодом комаров и других кровососов, что повлекло гибель домашних оленей. Однажды на Таймыре мне пришлось самому быть свидетелем сходного явления. Несмотря на давность прошедших лет, впечатления от той поездки сохранились до сих пор.

Учитывая песчовые норы мы выехали на оленьей упряжке вдвоем с проводником, стариком-ненцем Алексеем Ивановичем, из небольшого поселка Воронцово, расположенного на правом берегу в низовьях Енисея. Третьим нашим спутником была небольшая оленегонная лайка по кличке Ляпта. Поездка была рассчитана на месяц. Опыта снаряжения подобных экспедиций у меня еще не было, поэтому я сразу допустил оплошность, полностью доверив проводнику закупку продовольствия. Раскаяться в этом мне пришлось очень скоро. На второй день пути выяснилось, что кончилась соль. Проводник ее просто не купил, потому что привык прекрасно обходиться без нее. Вместо соли им был приобретен более необходимый, с его точки зрения, продукт — спирт. От отсутствия соли я ужасно страдал. Мы ездили летом (в июле, августе), дичи в тундре было сколько душе угодно. То и дело встречались табунки или одиночные северные олени и линные гуси. Добыть их не составляло труда: у Алексея был карабин, у меня тозовка. Мы варили мясные бульоны, но есть их я не мог. Мясо еще более или менее можно было потреблять, учитывая, что кровь содержит соль, а жидкость приходилось выливать.

Оленей проводник стрелял впрок, для прикормки песцов. Хотя, как он говорил, мясо, уже, естественно, подпорченное, порой приходилось использовать и самому — в зависимости от охотничьего форта. Добыв очередную жертву, Алексей разделял ее, накрывал снятой шкурой, и мы ехали дальше. Сразу же на месте он съедал в сыром виде головной и костный мозг убитых животных. При этом, видимо, щадя мои эстетические чувства, всякий раз советовал мне отвернуться. Зрелище в самом деле было не из приятных. Мне всегда было жаль оленей, которых проводник стрелял, как мне казалось, бессмысленно. И я, когда представлялась возможность, пытался их спугнуть, отвести от опасности. Пока Алексей полз к какому-нибудь рогачу, я, нарушая солидарность, молча прыгал сзади охотника и размахивал руками. Наверное, со стороны это выглядело странно. Но, увы, беспечные олени, увлеченные едой, обычно не обращали на меня внимания, и наиболее частым финалом такой охоты был успешный выстрел.

Однажды, когда Алексей попал по животу оленю, смертельно ранив его, но не положив на месте, я вызвался дострелить зверя и пошел за ним. Он периодически ложился, я подкрадывался, стрелял, мазал, не приносясь к незнакомому карабину; олень поднимался и шел дальше, ложился опять, и все повторялось до тех пор, пока у меня остался последний патрон из пяти взятых. Олень очередной раз лег внизу, в ложбине. Я сверху видел его спину и, лежа, принаравливался дострелить. Шум за спиной заставил меня обернуться. Метрах в 30-ти стояли десятка полтора северных оленей и, казалось, с любопытством рассматривали меня. Потом начали приближаться. Мне стало не по себе. Что за странные олени?! В стволе был последний патрон, однако стрелять по ним не рискнул. Что-то тогда благообразно удержало меня. Вместо этого я крикнул. Олени отбежали на несколько шагов и опять встали. Я направился прямо к ним, надеясь напугать. Они отошли, пропуская меня, затем двинулись следом. Я шел, постоянно оглядываясь, ничего не понимая в

Проводник-ненец Алексей Иванович с оленегонной лайкой Ляпта

этой ситуации. Нужно сказать, что к тому времени мы с проводником встретили в тундре семью кочующего охотника, тоже ненца из Воронцово — Вэнго Пудано. И сейчас моя палатка стояла рядом с его чумом. Олени, проводив меня с километр, отстали. Вернувшись к табору, я рассказал о случившемся своим спутникам. Вэнго тут же отправился в указанном мною направлении и вскоре пригнал оленей, они оказались домашними, отбившимися от стада.

Семья Вэнго состояла из шести человек: он, жена и четверо детей дошкольного возраста. Ну и, конечно, было несколько собак. Нужно же кому-то вылизывать посуду, чтобы ее потом было легче мыть! Кстати, эту рационализацию ненцев я применил позже в своем городском быту, благо у нас в семье всегда жили собаки (но, конечно, если не видела жена). В хозяйстве у Вэнго был и один агрегат культурного назначения — патефон. К нему одна пластинка. Прокручивалась она ежедневно и неоднократно. Нужно ли говорить, что мелодию я помню до сих пор!

Во время этой поездки воображение моих спутников поразило дважды. Первый раз, когда загорал. Комаров было море и досаждали они нам ужасно. Страдали от них и олени. Чем это кончилось для одного из них — чуть позже. К тому времени уже существовало противокосмарное средство — демитилфталат, которым нас, полевиков, снабжали в экспедиции. И, естественно, я им пользовался. Аборигены о нем понятия не имели и поэтому вид загорающего в тундре полуголого мужика вызвал у них по меньшей мере чувство недоумения, а может быть, и мистические ощущения. Во всяком случае я чувствовал с их стороны возрастающее уважение и ощущал себя супергероем, «крутым», как сказали бы сейчас. Второй раз я самоувердился, добыв линного гуменника на озере, довольно далеко от берега и достав его в плыве. Ненцы плавать совершенно не умеют. И это понятно: тундра — не черноморское побережье! Если волею случая кто-то из них оказывается в воде, это купание для него бывает первым и последним. Се ля ви!

Комаров в тундре много всегда. Не был исключением и тот год. И донимали они не только людей, но и оленей, доводя последних порой до гибели. Косвенным виновником подобного случая однажды оказался я сам. Мне надо было обследовать одно отдаленное плато. Алексей никак не хотел туда ехать, доказывая, что большому стаду оленей комары не страшны, а маленькую группу, да еще в упряжке, могут погубить. Но я, еще не сталкивавшийся с подобным явлением и думая, что ему просто не хочется уезжать от уютного чума Вэнго с жизнью на всем готовом, а комары только отговорка, настоял на поездке.

Вскоре спины наших ездовых оленей посерели от огромного количества насевших на них насекомых. Во время остановок я проводил по ним ладонью, и она сразу становилась красной от крови. Наконец, один из оленей не выдержал и упал. Мы отцепили его от упряжки и, привязав сзади к нартам, поехали дальше. Но он не смог бежать и пришлось его оставить. С остальными оленями все обошлось благополучно, а этот, увы, погиб. На обратном пути мы нашли его там же, где оставили. Бедное животное было совсем обескровлено. Для меня это было жестоким уроком. К сожалению, опыт нередко приобретается путем потерь...

Б. МИХАЙЛОВСКИЙ

НЕОБЫЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПТИЦ

В середине декабря приятель-рыбак пригласил меня на последний лов в закрытую зону Учинского водохранилища около поселка Акулово. У приятеля был пропуск на двух человек в эту зону. Я колебался, термометр показывал минус 15 °С, а при такой температуре на рыбалке чувствуешь себя не очень комфортно. Но потом решил-ся, и вот шагаю по льду рано утром к запомнившемуся месту, где я хорошо порыбачил по первому льду. Приятель захотел половить около берега, а потом подойти ко мне. Иду, снежок похрустывает под ногами, морозно, но тихо, поэтому терпимо, хотя чуть-чуть прижигает щеки. Небо на востоке светлеет и светлеет, и звездочки постепенно исчезают... Неожиданно на фоне неба возникает быстро летящая стая каких-то птиц. Я больше охотник, чем рыбак, и, естественно, начинаю присматриваться к стремительному полету стаи. Вороны утром и к вечеру летают над водохранилищем, но летят они разрозненно и не спеша. Внимательно всматриваюсь, птицы все ближе и ближе... И тут у меня всякие сомнения отпадают — здоровая стая, штук 35—40 кряковых уток, резко снижается (я ее хорошо вижу) и исчезает за верхушками высоких елей, растущих на берегу, птицы явно пошли на посадку! Что утки стали оставаться на зимовку в Москве, это я хорошо знаю, но там они держатся на незамерзающих участках Москвы-реки, Яузы и на небольших речушках с теплой от различных городских стоков водой. А тут-то зима, водохранилище под толстым слоем льда и снега, мороз приличный. Как-то все это вместе взятое и утки не очень укладываются в мои охотничьи понятия. Пока размышлял, появились еще стаи кряковых большие, по несколько десятков штук, шли на высоте метров 70—80, затем резко снижались и, как и первая стая, исчезали за верхушками елей. Я стоял, разинув рот от удивления, и считал, считал стремительно проносящиеся табуны кряковых, насчитал их штук 15—17, это же несколько сотен птиц! Откуда и куда их несет? Такой, я бы сказал, совсем необычный перелет утиных стай среди зимы, в мороз, над замерзшим водохранилищем я видел впервые в жизни. Продолжалось это «чудо» минут десять-двенадцать. Потом я двинулся дальше к месту рыбалки, удивляясь такой совсем необычной утренней зорьке.

Основательно померзнув из-за поднявшегося ветерка, возвращались мы с приятелем другой дорогой, которая шла лесом и вела к плотине. В лесу было тихо и не так холодно, как на продуваемом льду. От плотины шел отводной канал, шириной метров 25, по которому сбрасывалась вода с плотины, течение ее было очень быстрым, когда мы шли по плотине, я взглянул на этот канал и ахнул. По обоим берегам канала, выложенного плитами, длинными рядами сидели утки и селезни, десяток птиц плавал на стремительном течении. Но утки не кормились, они явно отдыхали, здесь у них была дневка после ночной кормежки. Ряды птиц тянулись по берегам далеко-далеко и было их несколько сотен, как я определил по

пролетающим стаям. Конечный путь их маршрута был случайно определен, а вот откуда они летели после кормежки, сказать не могу. Но это должно быть очень кормное место, т. к. уток было очень много и соответственно еды им тоже требовалось много. Может быть, это была река Уча, которая протекает в этих местах и которая замерзает только в очень сильные морозы, но это гипотеза, не более.

Во всяком случае появление такой большой популяции уток в зимнее время показалось мне интересным и необычным.

О. ВАЛЕРЬЯНОВ

ПОКИНУТАЯ СОБАКА

Мария БЕЛОВСКАЯ

Глаза покинутой собаки
Мне снятся ночью...
Как тут быть?
Ее обидеть может всякий,
И даже попросту убить.
Для комнатных нужна порода,
А для дворовых — злобный нрав.
Ее обидела природа,
Достоинств этих ей не дав.
Хозяева прогнали прочь,
И я не в силах ей помочь!..
В моей квартире коммунальной
Она помехой будет всем.
Но плач ее

призывный,
дальний

Мне душу вымотал совсем!
И вот настойчиво и глупо
Я всех прошу, забыв покой:
— Плесните ей немножко супу!
Погладьте ласковой рукой!
Хоть на часок пустите в сени!
Пускай прогреется она!
Она поймет, она оценит,
До смерти будет вам верна!
О, одиночества огромность
И невозможность потерять
Собачью верную готовность
Любить, служить и доверять!
Пусть человек добрее будет!
Не прихоть это, не пустяк.
Внимательней вглядитесь, люди,
В глаза покинутых собак.

Фото Н. СТАРЧЕНКО

НИКОЛЕНКО А. Быть или не быть?	1
РУСАНОВ Я. «Охоты в России». На волков	2
ДОРМИДОНТОВ Р. У вышневолоцких охотников ...	6
ВЕРЕЩАГИН Н. и др. Фанатик охоты (к 75-летию М. Калинин)	7
ФЛИНТ. В., СОРОКИН А. Сохранение крупных соколов: программа «Альтернатива»	8
Специальность «охотоведение»: история становления и перспективы	10
БОБРОВ Р. Охотничьи утех любитель	12
ГРАКОВ Н. Осторожно с глухарем!	14
КУЗНЕЦОВ Е. Куда стрелять медведя?	16
ДУХАНИН С. Нагонка стаи гончих	18
ПРОСТЯКОВ С. Новый пых	22
ЧЕХЛЕНКОВ В. А волки ушли	23
СЕВАСТЬЯНОВ А. Из окна городской квартиры	24
АЛЁХИН И. Как обойтись без «Бенелли»?	26
КУЧЕРЕНКО С. Случайности	30
БИКМУЛЛИН А. Семёрка	34
ХАНТЕР Д. Добытки бивней из анклава Ладо	37
СЫСОЕВ В. Самый любимый журнал	42
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	29, 43, 45
ШИШКИН В. Куриные	48

На первой странице обложки:

В конце зимы так славно распахнуть «запечатанное» на зиму окно и на оживающей берёзе увидеть хохлатых свиристелей

Фото А. Севастьянова

к фотоочерку «Из окна городской квартиры»

На второй странице обложки:

Вот так встреча — чуть не наехали на убитого волка. Вызвать вязких выжлят даже через час после скола не всегда возможно

Фото С. Духанина

к статье «Нагонка стаи гончих»

Фотоконкурс «Охота и природа, 2001»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышёв, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 04.12.2001 г. Подписано к печати 10.01.2002 г.

Формат 84x108. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 33410. Заказ 1304. Цена 18 руб.

Адрес редакция: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Ордена Трудового Красного Знамени
ГП Чеховский полиграфический комбинат
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

КУРИНЫЕ

Среди тетеревиных птиц только представители рода белых куропаток, **тундряная и белая** (не путать с куропатками из семейства фазановых), освоили такое разнообразие биотопов (от тундры до лесостепи, от арктических островов до алтайских высокогорий), широко расселившись по Евразии и Сев. Америке. В названии рода отражена редкая для птиц вообще особенность в зимний период надевать снежно-белый наряд. Даже черный хвост в сложном состоянии почти полностью прикрыт узкой белой центральной частью. На белом фоне выделяются темные глаза, черный клюв, а у самцов тундряной куропатки черная уздечка от основания клюва до заглазничной области. Самки белой и тундряной куропаток в зимнем наряде схожи, тундряная несколько меньше, ее клюв тоньше, чем у белой, когти темнее. На протяжении своей широкой области обитания тундряная и белая куропатки довольно изменчивы. По размерам и деталям окраски орнитологи выделяют не один десяток подвидов. Хотя в целом белая куропатка крупнее тундряной (самцы белой могут весить 700—800 г), но отдельные особи подвида тундряной куропатки, обитающей на Шпицбергене и Земле Франца Иосифа, достигают по весу 1 кг. Подвид же белой куропатки, обитающей в Шотландии, и зимой окрашен буровато-пестро, белыми остаются лишь лапы. Весной у самцов тундряной и белой куропаток становятся заметными выросшие красные брови с гребневидным верхним краем. У самцов наших белых куропаток весенний наряд контрастно двухцветный: голова и шея каштаново-бурые, оперение в основном белое. У самца тундряной голова и шея «измазаны» черновато-буроватыми перьями, постепенно такие перья начинают появляться на спине и боках. Брачное поведение самцов двух видов довольно схоже: токовый полет с «горкой», патрулирование и т. д. Различны голоса: у белого куропача — раскатистое квохтанье, хохот, с криками «кувау-кувау» в конце, а у тундряного — глухаватое стрекотание-ропотание «кр-р-э-э». В летнем наряде белыми остаются крылья, часть брюха, оперение лап. У тундряных куропаток в общей летней покровительственной окраске преобладают серые тона, у белой — буровато-охристые. Летом, весной и осенью самки окрашены скромнее самцов. Зимний наряд самок — белый. Гнездятся белая и тундряная куропатки на земле, иногда в кустарнике, сомкнутых лесных насаждений избегают. В тундрах и высокогорьях белые куропатки предпочитают увлажненные, кочковатые, кустарниковые участки, тундряные — более открытые, сухие, щебнистые. Самцы охраняют не только занятый участок, но и сидящую на гнезде самку, а позднее — выводок. В кладке у белых куропаток обычно 8—11 яиц с охристой в буроватый крап скорлупой. Кладки тундрянок не такие крупные, в среднем 5—8 яиц чуть меньшего размера, окраска скорлупы в основном сходна с предыдущим видом. Насиживание около трех недель. Птенцы покрыты желтовато-белым пухом с темно-бурыми пятнами и полосами, шапочка буровато-коричневая. Развитие по выводковому типу. Но еще несколько дней птенцы нуждаются в обогреве. В питании преобладают растительные корма: ветки, почки, листья, ягоды. В северных районах при наступлении зимних холодов откочевывают южнее, иногда совершая настоящие перелеты. В центральной и южной частях ареала могут быть оседлы. Известны многолетние циклы численности, особенно у белой куропатки. В «урожайные» годы в наших тундрах весенняя плотность населения этого вида может достигать не одну сотню пар на 1 кв. км. И если здесь белые куропатки остаются объектом не только спортивной, но и промысловой охоты, то в центральных областях, где основные гнездовые биотопы куропаток — верховые болота подвергаются мелиорации, белые куропатки попали в списки охраняемых видов, были занесены в региональные Красные книги. Взлетающие из снежных лунок стайки белых и тундряных куропаток должны остаться памятной встречей не только для охотника, но и для любого человека, желающего соприкоснуться с жизнью Природы.

В. ШИШКИН

Самцы белой куропатки в летнем и зимнем пере

Самец белой куропатки в весеннем пере

Тундряные куропатки: самец в весеннем пере, самка в зимнем

Самцы тундряной куропатки в зимнем и летнем пере

Самка тундряной куропатки в летнем пере

Самка белой куропатки в летнем пере

 белая куропатка

 тундряная куропатка

Дорогие друзья! Охотники!

Подписка на журнал «ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО» продолжается.

Наш журнал не поступает в розницу, только подписавшись на него, можно стать его обладателем.

В прошлом году мы получили много писем, в которых читатели и подписчики выражали свое мнение о нашем издании, благодарили коллектив редакции и желали журналу долгих лет жизни.

Ниже мы публикуем несколько отзывов о журнале. Мы благодарим вас, дорогие читатели, за ваше великодушие, за добрые слова и, в свою очередь, желаем вам счастья на охоте и в жизни. **Всего вам самого светлого и доброго!**

✉ **«Здравствуйте, уважаемая редакция!**

Живу я в поселке Шалговари в Карелии. Очень люблю читать ваш журнал, а недавно подписался на него. Его читал еще мой прадедушка...»

А. Яковлев, Карелия

✉ **«Уважаемая редакция!**

Хочу выразить искреннюю благодарность всем сотрудникам журнала и пожелать всего самого доброго, в особенности творческих успехов. Журнал выписываю 30 лет бесперебойно...»

А. Вальтер, Тюменская область

✉ **«Уважаемая редакция,**

здравствуйте! Примите мою искреннюю благодарность за то, что своим бескорыстным участием помогли мне найти своего друга и очень хорошего человека»

Е. Чудесников, Коми

✉ **«Здравствуйте, уважаемая редакция!**

Ваш журнал всегда ориентировал читателя на бережное отношение к природе, на любовь к ней - большую и бескорыстную. В этом направлении ни одно периодическое издание не сделало столько, сколько смогла сделать «Охота и охотничье хозяйство».

Н. Ручкин, Харьковская область

✉ **«Дорогая редакция!**

Здравствуйте! Пишет вам из Республики Беларусь охотник с 53-летним стажем, постоянный ваш читатель с 1955 г... Все журналы переплетены по годам. Не представляю, как можно остаться без родного журнала...»

В. Поруков, г. Гомель

✉ **«Дорогая редакция!**

Я давно уже читаю ваш журнал, у меня хранятся подшивки за много лет. Хочу заметить, что в последние два-три года журнал преобразился... его приятно взять в руки».

В. Воронец, Ленинградская область

✉ **«Уважаемая редакция!**

Здравствуйте, дорогие мои друзья и родные души! Откровенно говоря, давненько хотел вам написать, излить свою душу и поблагодарить издателей журнала за такое бесценное издание».

А. Костюков, г. Барнаул-2

✉ **«Уважаемая редакция!**

Решил поделиться с вами своей радостью. После небольшого перерыва вновь подписался на журнал «Охота и охотничье хозяйство» на весь 2001 год. Хотя в сентябре мне исполнилось 80 лет, я без вашего журнала жить не могу, настолько он мне дорог и так я его люблю».

Ф. Дубков, Пермская область

